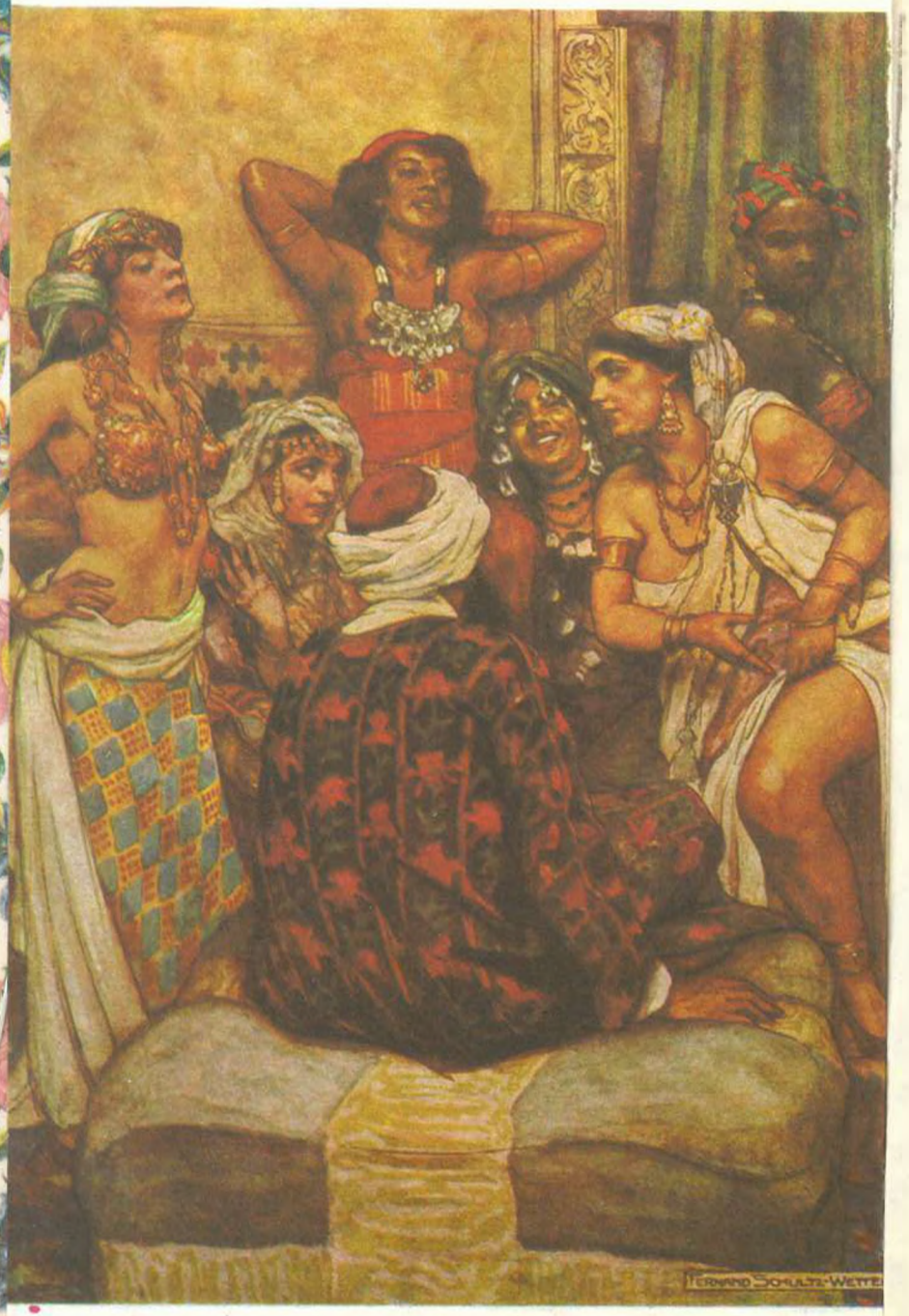
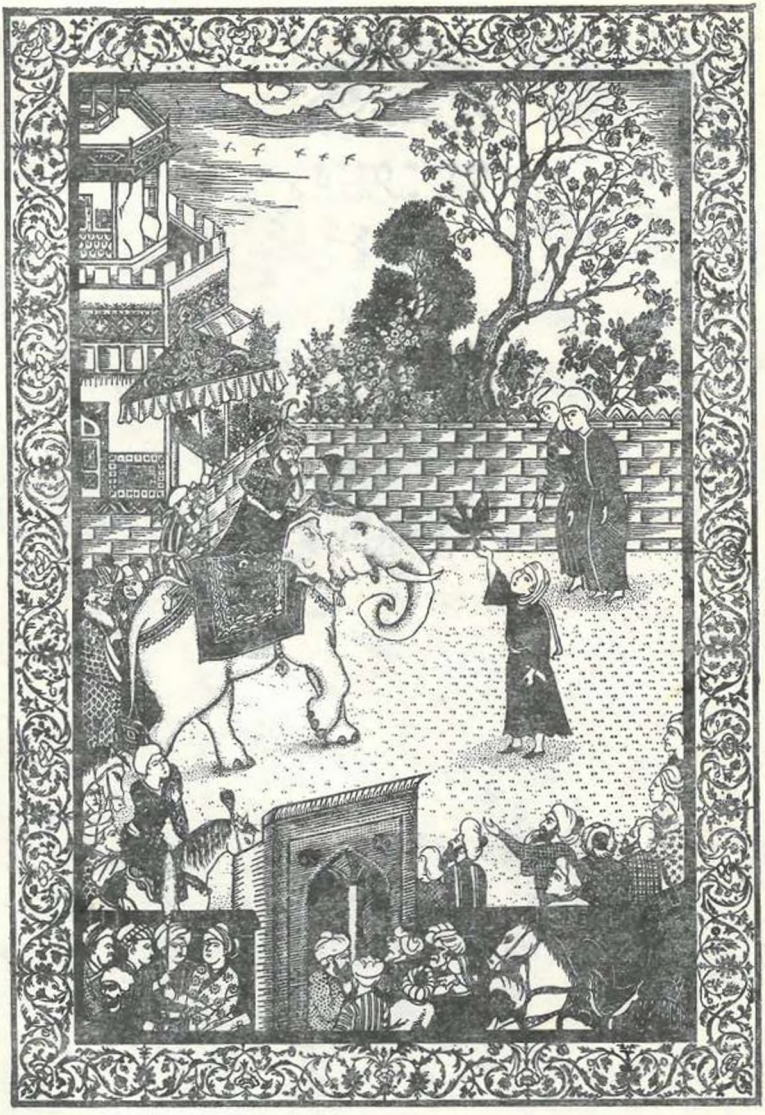
45. Peintures appartenantes a un Livre de fables.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ



ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ



ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

СКАЗКИ ВОЛШЕБНЫХ НОЧЕЙ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

В новом переводе с арабского
Лины Мокрицкой, Владимира Плачинды,
Степана Литвина

МП «Лаванда»
Киев
1994

ББК 82.3(0) — 6
Т 93

Важнейшее преимущество нового перевода «Тысячи и одной ночи» перед всеми прежними, издававшимися в России,— воспроизведение рифмованной прозы оригинала и особенности арабского стихосложения — монорима. Путем замены отдельных непристойных слов и выражений, являющихся, как правило, наслоениями средневековых рассказчиков, вся замечательная сокровищница этого величайшего эпоса впервые полностью открывается для семейного и детского чтения. Значительную часть объема издания составляет дополнительный материал — сказки, повести и рассказы, не вошедшие в рукопись, с которой делалось большинство европейских переводов, в том числе русских, включая 8-томник А. Салье,— под рубрикой «Дополнение...».

Издание иллюстрировано миниатюрами из старинных восточных манускриптов, а также картинами и рисунками европейских художников.

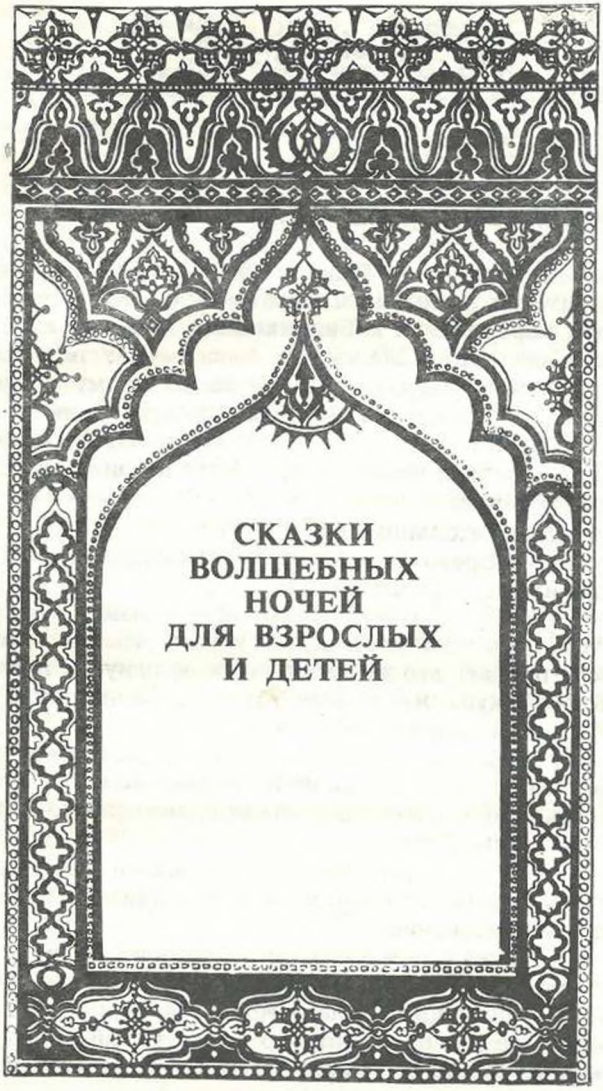
Каждый том — обособленная книга отдельных, не связанных между собой произведений.

Комментарии Иосифа Брояка

Т $\frac{4703000000—003}{94}$ Без объявл.

ISBN 5-7707-6161-X
ISBN 5-77075336-6

© Перевод, худож. оформление, 1994 г.


СКАЗКИ
ВОЛШЕБНЫХ
НОЧЕЙ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
И ДЕТЕЙ

ВЕЛИКОДУШИЕ ЯХЬИ ИБН ХАЛИДА

Однажды Харун ар-Рашид призвал одного из своих телохранителей по имени Салих (а было это до того, как ар-Рашид переменился к Бармакидам) и сказал ему:

— О Салих, иди к Мансуру и заяви ему: «У тебя тысяча тысяч дирхемов наших денег. Согласно моему решению, ты должен доставить их нам сейчас же». Если у тебя, Салих, не будет этих денег до предзакатной молитвы, я прикажу отделить твою голову от тела и принести ее мне.

Салих отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

Затем он отправился к Мансуру и сообщил ему о решении повелителя правоверных.

— Я погиб, клянусь Аллахом! — сказал Мансур.— Ведь стоимость всех моих вещей и того, чем владеет моя рука, если продать это за самую дорогую цену, не превысит ста тысяч. Откуда же я могу взять, о Салих, остальные девятьсот тысяч дирхемов?

— Придумай какую-нибудь хитрость, иначе ты погиб,— я не могу тебе дать отсрочки ни на мгновение и я не властен пренебречь приказанием повелителя правоверных,— сказал Салих.— Торопись же.

— О Салих,— сказал Мансур,— пожалей, разреши мне проститься с детьми, семьей моей и дать близким наставление, сделай одолжение.

— И я пошел с ним в его дом,— говорил Салих,— и он стал прощаться с семьей, и поднялись вопли, плач, и крик, и призывы о помощи к Аллаху великому. И я сказал Мансуру: «Пришло мне на ум вот, что Аллах тебе помощь через Бармакидов пошлет. Пойдем со мной в дом Яхьи ибн Халида».

Мы пошли к Яхье ибн Халиду, и Мансур рассказал ему о своем положении. Халид огорчился и низко склонил голову, а потом поднял ее и, призвав своего казначея, спросил его:

— Сколько дирхемов у нас в казне?

— Около пяти тысяч,— ответил казначей.

И Яхья велел принести их, а потом отправил к своему сыну аль-Фадлу посланца с письмом такого содержания, что, мол, ему, Яхье, предлагают купить прекрасное имение, которое никогда не придет в запустение.

И аль-Фадл прислал ему тысячу тысяч дирхемов. Затем Яхья послал другого человека к своему сыну Джафару с письмом такого же содержания.

Джафар тотчас же прислал ему тысячу тысяч дирхемов. Яхья до тех пор посылал людей к Бармакидам, пока не собрал для Мансура большие деньги, а Салих и Мансур не знали об этом. И Мансур сказал Яхье:

— О владыка, я ухватился за твой подол и знаю, что получу эти деньги только от тебя, благодаря твоему великодушию. Заплати же за меня остаток моего долга и сделай меня своим вольноотпущенником.

Яхья потупился и сказал:

— Эй, мальчик, повелитель правоверных подарил когда-то нашей невольнице Дананир жемчужину — ценнее нету. Скажи, чтобы она прислала нам жемчужину эту.

Слуга пошел к невольнице и принес жемчужину Яхье, и тот сказал:

— О Салих, я купил эту жемчужину для повелителя правоверных за двести тысяч динаров, а он подарил ее нашей невольнице Дананир, лютнистке. Когда он увидит у тебя эту жемчужину, то узнает ее и не допустит пролития крови из уважения к нам. Теперь твои деньги собраны полностью, о Мансур.

— И я понес жемчужину и деньги к ар-Рашиду,— говорил Салих,— и Мансур был со мною. И когда мы были в пути, я вдруг услышал, как он говорит такой стих поэта:

О, не любовь меня туда вела —
Я убоялся, что убьет стрела.

Я удивился его злому нраву, низости и испорченности и сказал:

— Нет никого тебя сквернее, злее! Нет лучших, чем Бармакиды, на лице земли! Они тебя выручили, от гибели спасли, а ты не благодаришь их и не хвалишь, а вместо этого отвечаешь на их благодеяние такими словами!

Потом я пошел к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, ар-Рашид удивился великодушию Яхьи, его щедрости и благородству и одновременно ничтожеству Мансура и велел вернуть жемчужину Яхье ибн Халиду.

— Все, что мы подарили, не годится брать назад,— сказал он.

Салих вернулся к Яхье ибн Халиду и упомянул о Мансуре и его дурном поступке.

— О Салих, когда человек беден, грудь его стеснена и мысли заняты,— сказал Яхья,— что бы он ни делал, с него нельзя взыскивать.

И он принялся искать оправдание Мансуру.

И Салих заплакал:

— Как редко вращающий небосвод создает для бытия людей, подобных тебе! Как можно погребти под землей того, чей нрав такой, как твой, и чье благородство таково, как твое!

И он произнес такие стихи:

Спеши творить добро, всегда спеши.
Добро задумал людям — соверши.

Лишь собирался щедрым, добрым быть —
А смерть придет помехой для души.

ПОДДЕЛАННОЕ ПИСЬМО

Рассказывают, что между Яхьей ибн Халидом и Абдаллахом ибн Маликом аль-Хузаи была тайная вражда. Причиной ее было то, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид очень любил Абдаллаха ибн Малика; Яхья ибн Халид и его сыновья даже говорили, что Абдаллах околдовал повелителя правоверных. Шло время, и случилось так, что ар-Рашид поручил управление Арменией Абдаллаху ибн Малику аль-Хузаи. Когда тот поселился в столице Армении, к нему прибыл человек из Ирака, умный и образованный, однако обедневший. Когда у него совсем кончились деньги и расстроилось положение, он подделал письмо от имени Яхьи ибн Халида к Абдаллаху ибн Малику и поехал к нему в Армению. Придя к дверям Абдаллаха, он вручил письмо

одному из его царедворцев. И Абдаллах ибн Малик аль-Хузаи, прочитав письмо, понял, что оно ложное. Тогда велел привести того человека и спросил его:

— Что побудило тебя преодолеть расстояние и всяческие трудности и прибыть ко мне с подделанным письмом? Успокой твою душу — мы не обманем твоего рвения.

— Да продлит Аллах век нашего владыки вазира! — отвечал этот человек.— Если для тебя тягостно мое прибытие, то не ищи доводов, чтобы отказать мне. А письмо, которое я тебе доставил от Яхьи ибн Халида,— настоящее.

— Я прикажу своему поверенному в Багдаде выяснить, что это за письмо, и, если оно окажется подлинным, я назначу тебя эмиром в какую-нибудь из моих земель или дам тебе двести тысяч дирхемов с конями, породистыми верблюдами и почетной одеждой, если ты хочешь подарка. Если же письмо подделанное, я прикажу дать тебе две сотни палок и сбрить бороду.

Потом Абдаллах велел отвести его в отдельную комнату и приносить ему туда все, что нужно, пока его дело не будет проверено. А своему поверенному в Багдаде он написал следующее:

«Ко мне прибыл человек с письмом якобы от Яхьи ибн Халида, я же предполагаю, что тут что-то не так. Сходи сам, проверь и поспеши дать мне ответ, чтобы мы могли отличить ложь от правды».

Когда письмо прибыло к поверенному в Багдад, он сел на коня...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 307-я

Когда же триста седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, поверенный прибыл к Яхье ибн Халиду и нашел его сидящим со своими сотрапезниками и приближенными. После приветствия он вручил ему письмо. Прочитав его, Яхья ибн Халид сказал поверенному:

— Приходи завтра лучше — ответ мой получишь.

Затем обратился к своим сотрапезникам:

— Что сделать тому, кто состряпал от меня это подложное письмо к моему врагу?

И каждый стал придумывать для автора письма какую-нибудь пытку, но Яхья сказал им:

— Вы ошибаетесь, и ваши советы — следствие ничтожности вашего ума. Вы знаете, как близок Абдаллах к повелителю правоверных, и вам известно, что всегда между ним и мною гнев и вражда. Аллах великий послал этого человека посредником для нашего примирения и поддержал его в этом. Послал его Аллах, чтобы огонь гнева погас в наших сердцах, который горит уже двадцать лет, и чтобы наши дела пришли в полный порядок. Мне надо отплатить этому человеку за добро, и я напишу письмо Абдаллаху ибн Малику аль-Хузаи с пожеланием, чтобы он оказал ему почет и уважение.

Услышав такие речи, приближенные пожелали Яхье блага и удивились его великодушию и благородству. Он же потребовал бумагу и чернильницу и сам написал Абдаллаху ибн Малику письмо, в котором говорилось: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Твое послание я прочел — да продлит Аллах твою жизнь! — и возрадовался твоему благополучию. Стало известно мне, что тебе хорошо и ты счастлив вполне. Ты предположил, что тот человек подделал письмо от меня, но дело обстоит не так — его писал я сам, надеясь, что, будучи благородным и великодушным, ты оправдаешь надежды этого достойного человека и окажешь ему должное уважение. Воздай ему своими щедрыми благодеяниями, и я буду за это тебе благодарен».

Затем он написал адрес, запечатал письмо и вручил поверенному, а поверенный послал его Абдаллаху. Когда тот прочел его, он обрадовался, призвал того человека и сказал ему:

— Которая из двух наград, обещанных мной, для тебя выше ценой? Я доставлю ее тебе.

— Подарок мне приятнее всего,— отвечал человек.

И Абдаллах велел дать ему двести тысяч дирхемов и десять арабских коней — пять с шелковыми попонами и пять с праздничными разукрашенными седлами, и двадцать узлов с платьями, и десять невольников, верхом на конях, и драгоценные камни. А потом Абдаллах оказал ему милость и отправил в Багдад в великолепном облачении.

Прибыв в Багдад, этот человек, прежде чем пойти к себе домой, направился к воротам дома Яхьи ибн Халида. Привратник вошел к Яхье и сказал ему:

— О владыка, у наших ворот человек почтенного вида и красивой наружности, в прекрасном положении, в слуг окружении. Долго был он в пути и хочет к тебе войти.

Яхья разрешил ему войти, и тот человек, войдя, поцеловал землю меж его руками. Яхья спросил его:

— Кто ты?

И человек сказал:

— О господин, я тот, кого ты освободил от страданий и кому дал надежду, послав меня в рай исканий. Я тот, кто подделал письмо и доставил его Абдаллаху ибн Малику аль-Хузаи.

— Что же он с тобою сделал и что дал тебе? — спросил Яхья.

И человек ответил:

— Благодаря твоей безграничной доброте и великодушию, твоей великой милости, он дал мне столько, что сделал меня богатым. И я привез сюда все его дары — они у твоих ворот, и моя судьба теперь в твоих руках.

— Ты поступил со мной лучше, чем я с тобой,— ответил Яхья.— Ты оказал мне большую милость и великое благодеяние, так как вражду, бывшую между мною и этим почтенным человеком, обернул на дружбу и любовь. Я подарю тебе столько же денег, сколько подарил Абдаллах ибн Малик.

И приказал дать ему столько же денег, коней и узлов с платьем, сколько дал Абдаллах. Так благодаря великодушию этих двух благородных вернулось к человеку его прежнее благосостояние.

УЧЕНЫЙ И ХАЛИФ АЛЬ-МАМУН

Рассказывают, что среди халифов из потомков аль-Аббаса не было халифа, более сведущего во всех науках, чем аль-Мамун. Каждые два дня в неделю он устраивал диспуты ученых. Законоведы и богословы садились вокруг него по разрядам и чинам. Однажды, когда он сидел с ними, в собрание вдруг вошел чужой человек в белых изношенных одеждах и сел сзади законоведов на незаметное место.

Начались прения. А обычай был таков, что вопросы задавали присутствующим по очереди, одному за другим, и всякий, у кого находилось тонкое словцо или остроумный ответ, мог принять участие в прениях его. Так и в этот раз — вопрос ходил по кругу, пока не дошел до того чужого человека, и он дал ответ лучший, чем все законоведы. И халиф одобрил его слова...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, халиф одобрил ответ этого человека. Когда же дошел до него второй вопрос, он ответил еще лучше, чем в первый раз, и аль-Мамун приказал посадить его на более высокое место. Когда же пошел по кругу третий вопрос, этот человек опять дал самый правильный ответ, и аль-Мамун приказал ему сесть поближе к себе. Когда диспут окончился, принесли воду, вымыли руки, а потом подали кушанье. Наконец законоведы поднялись и вышли. А тому человеку аль-Мамун не позволил выйти вместе со всеми, а приблизил его к себе, обласкал, обещал свою милость и благоволение. Затем явились сотрапезники, и пошло по кругу вино. Когда дошла очередь до того человека, он вскочил на ноги и сказал:

— Если позволит мне повелитель правоверных, я скажу несколько слов.

— Говори, что хочешь,— молвил аль-Мамун.

И человек сказал:

— Повелитель знает,— да восславит его Аллах! — что сегодня в этом почтенном собрании был раб, которого благодаря его уму и знаниям он приблизил к себе и возвысил над другими. А теперь он хочет разлучить его с той малой толикой ума, которая возвеличила его после униженности и дала изобилие после скудности. Ибо если раб выпьет вина, то разум покинет его и он станет презренным в глазах людей. Я надеюсь, что повелитель, будучи милосердным и великодушным, не отнимет у раба этой жемчужины.

Когда халиф аль-Мамун услышал такие слова, почувствовал еще большее уважение к этому человеку и восхвалил его. Он приказал дать ему сто тысяч дирхемов, посадил на коня и даровал ему роскошные одежды. И в каждом собрании приближал его к себе больше всех законоведов, пока он не стал самым знатным из всех по чину.

АЛИ-ШАР И ЗУМУРРУД

Рассказывают, что в древние времена в землях хорасанских был купец из купцов по имени Маджд ад-Дин. У него было много денег, рабов, невольников и слуг, но хоть дожил он до шестидесяти лет, а детей у него не было. Наконец послал ему Аллах великий сына, которого он назвал Али.

Когда мальчик вырос, стал он подобен луне в полнолуние. Когда же он достиг возраста мужей, его отец смертельно заболел и, призвав его к себе, сказал:

— О дитя мое, завещаю тебе: ни с кем из людей не общайся и тех, кто навлекает вред и беду, сторониться старайся. Берегись злого собеседника — он подобен кузнецу: если тебя его огонь не обожжет, то дым дыхание прервет. А как хороши слова поэта:

Уж не от кого ждать тебе любви.
Обманет рок — и друг уйдет — лови.

Я искренний даю тебе совет:
Не верь и в одиночестве живи.

И слова другого:

О, в жизни получаем мы от встреч
Лишь пересуды и пустую речь...

И еще:

Увидишь, что обманчива любовь,
А вера — лишь притворство для глупцов.

— О батюшка, я выслушал и повинуюсь. А еще что мне делать? — спросил Али.

— Делай людям добро и твори благие дела,— отвечал отец.— Пользуйся случаем, расточай милости, добрые свершения — не во всякое время удаются стремления.

— Я выслушал и повинуюсь...— сказал юноша...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 309-я

Когда же триста девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, отец сказал:

— О дитя мое, повинуйся Аллаху,— он сохранит тебя. Береги свои деньги; если ты станешь неумеренно их тратить, то будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей. Знай, что человек стоит столько, сколько имеет его десница. А как хорошо сказал поэт:

Коль деньги мои скудны, не дружит и друг со мной,
А если побольше их — друзья бегут чередой.

Как много друзей твоих врагами в нужде стают,
Как много врагов твоих за деньги дружат с тобой!

— О дитя мое, советуйся со старшими, не проявляй ни в каком деле поспешность. Жалей того, кто ниже тебя,— пожалеет тебя тот, кто выше тебя; не обижай никого: Аллах все видит, он даст над тобою власть тому, кто тебя обидит. Как хороши слова поэта:

С твоей другого мысль сочетай —
Вдвоем придете к истине, считай.

Муж — зеркало: лицо отражено.
В два зеркала затылок виден, знай.

И слова другого:

Помедли, к цели не спеши своей.
Тот милости дождется от людей,

Кто к добрым людям милостив и добр.
Аллах над нами — трепещи, злодей!

И еще:

Не притесняй другого никогда —
Всяк притеснитель под мечом всегда.

Обиженный тобой тебя клянет.
Не спит Аллах — к тебе придет беда.

Берегись пить вино — начало всякого зла таит оно; вино ум прогоняет и бесчестье на пьющего накликает. И как хорошо сказал поэт:

Аллахом клянусь, меня не будет пьянить вино,—
К бесчестью ведет оно, к несчастью ведет оно.

К прохладному яду — вину — стремится друг не один.
Но только из трезвых друзей я друга возьму все равно.

Вот мое наставление тебе. Держи его у себя перед глазами, и Аллах преемник мой для тебя.

Потом он впал в беспамятство, а очнувшись, попросил прощения у Аллаха, произнес оба исповедания и преставился к милости Аллаха великого. Заплакал о нем его сын, а потом принялся обряжать, как подобает. И шли в похоронном шествии великие и малые, и чтецы стали читать, встав вокруг гроба. Словом, сын все сделал, как положено.

И затем об умершем помолились, и его в земле похоронили, и написали на могиле:

Из праха создан, но живым ты стал,
И мудрые ты книги прочитал.

Во прах вернувшись, мертвым стал опять,
Как будто праха и не покидал.

Сильно печалился о нем сын его Али-Шар и принимал соболезнования, согласно обычаю знатных. Вскоре умерла его мать, и он достойно похоронил и ее. После этого он стал торговать в лавке и не общался ни с кем из созданий Аллаха великого, поступая по наставлению своего отца. Жил он так в течение года. А через год хитростью завели с ним дружбу дети дурных женщин, и он склонился с ними к разврату и отвернулся от прямого пути. Стал он пить вино кубками, ходил к красавицам и утром, и вечером, говоря себе:

«Отец собрал эти деньги для меня. И если не тратить денег своих, кому же оставлю их? Клянусь Аллахом, мне дорог тот совет, что дал поэт:

Коль будешь проводить ты целый век,
Копя сокровища земель, морей и рек,

Когда же тем, что удалось собрать,
Ты сможешь насладиться, человек?»

И Али-Шар непрестанно сыпал деньгами, пока не извел все денежки и не обеднел. И ум его помутнел, и ухудшилось его положение, и он продал лавку и помещение, а потом продал даже носильное платье и ничего не оставил себе, кроме одной смены одежды. И когда минуло опьянение и пришло размышление, он впал в горесть, переворачивая надежды.

Однажды он просидел в раздумьях с утра до вечера, не вкушая пищи, и решил:

«Я обойду тех, на кого тратил свои деньги: может быть, кто-нибудь из них меня накормит сегодня».

И он обошел всех друзей, но всякий раз, как он стучался к кому-нибудь в дверь, хозяин прятался от Али. Его стал мучить голод. Он пошел на рынок купцов...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 310-я

Когда же триста десятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Али-Шара стал мучить голод, и он отправился на рынок купцов и увидел толпу людей, собравшихся тесным кольцом. Подойдя к купцу, он увидел высо-

кую девушку, превосходившую всех женщин своего времени прелестью, блеском, красотой. Как сказал поэт о девушке той:

Луна — ее лик. Как ветка, гибка она.
И мускус — дыхание. В мире такая одна.

Она будто вымыта в жемчужно-свежей воде,
И в каждой конечности прелесть ее видна.

Имя этой невольницы было Зумурруд. Увидев ее, Али-Шар воскликнул:

— Клянусь Аллахом, я не уйду, пока не узнаю, какой будет цена за эту девушку, и не узнаю, кто ее купил!

Он стал среди купцов, и те подумали, что он покупает, так как знали, что он получил от отца богатое наследство. Посредник встал подле невольницы и сказал:

— О купцы, о люди с деньгами, кто первый предложит цену за эту девушку, госпожу лун и блестящую жемчужину, Зумурруд, изготовляющую занавески, желанную для ищущего?

Один из купцов сказал:

— За мной пятьсот динаров.

— Еще десять,— сказал другой.

А старик по имени Рашид ад-Дин, голубоглазый, с безобразным лицом, сказал:

— И еще сто.

А другой добавил:

— И еще десять.

Тогда Рашид ад-Дин воскликнул:

— Тысячу!

Купцы замолчали. Посредник посоветовался с владельцем девушки, и тот сказал:

— Клянусь, я продам ее лишь тому, кого она выберет! Посоветуйся с нею.

Посредник подошел к девушке и сказал:

— О госпожа лун, этот купец хочет тебя купить.

Девушка посмотрела на него и сказала посреднику:

— Меня не продадут старику, который свое отлюбил на веку.

Услышав ее слова, посредник сказал ей:

— Клянусь Аллахом, тебе простительно, ибо цена за тебя — десять тысяч динаров!

Он сообщил хозяину девушки о том, что она не согласна быть проданной этому старику.

— Предложи ей кого-нибудь другого,— сказал хозяин.

Тогда выступил вперед другой человек:

— Продай мне ее за ту же цену, которую давал старец.

Девушка увидела, что у него крашеная борода, и сказала:

— Никогда! Это порок, и бесславье, и чернота лика седины!

И она выразила удивление и произнесла стихотворение:

Влюбившийся в мой стан, в мои черты,
О невозможном нынче грезишь ты!

Пороками окрасил седину.
Я вижу хитрость вместо красоты.

Хороши и такие слова поэта:

«Окрасил седину»,— сказала. Молвил я:
«Я скрыл ее, красавица моя».

И засмеялась дева: «Вот дива!
В подделках, милый, борода твоя!»

Посредник воскликнул:

— Клянусь Аллахом, ты сказала правду!

А купец спросил:

— Что она сказала?

И посредник повторил ему стихи. Купец понял, что правда против него, и отказался от девушки.

Тогда выступил вперед другой купец и сказал:

— Предложи ей меня за ту же цену.

Она взглянула на него и, увидев, что он кривой, сказала:

— Этот кривой.

— Согласна ли ты быть проданой этому купцу? — спросил девушку посредник.

Она посмотрела на него и увидела, что он короткий, а борода у него свисает до пупка, и молвила:

— Это тот, о ком поэт сказал:

С предлинной бородой есть друг у нас,
Она, друзья, без пользы нам сейчас.

Холодная и темная, как ночь,
Взлелеяна как будто напоказ.

Тогда посредник сказал ей:

— О госпожа, посмотри, кто тебе нравится из присутствующих, и скажи, чтобы я продал тебя ему.

Девушка стала вглядываться в купцов, и взор ее упал на Али-Шара...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста одиннадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда взор девушки упал на Али-Шара, она посмотрела на него взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и ее сердце прониклось любовью к нему, так как он был на редкость красив и приятнее, чем северный ветерок.

— О посредник,— сказала она,— я буду продана только этому господину, чье лицо прекрасно, чей стан дивен. Никто не будет владеть мною, кроме него, так как щеки овальны его, влага уст его — Сельсебиль, райский источник полезный, и слюна его излечивает от болезней. Он кудрявых волос, розовых щек и колдующих взоров обладатель, да будет славен великий Создатель!

Услышав, какие слова произнесла девушка о красоте Али-Шара, посредник удивился ее красноречию, а владелец же ее сказал:

— Не удивляйся ее сверкающей красоте, которая затмевает дневное солнце, и тому, что она хранит в памяти нежные стихи; вместе с этим она читает великий Коран по семи чтениям, рассказывает благородные предания о разных народах в правильных изводах, и пишет семью почерками, и знает из наук то, чего не знает из ученых никто. Ее руки лучше золота и серебра — она делает шелковые занавески и продает каждую за пятьдесят динаров, изготавливая занавеску за восемь дней.

— О счастье тому, принадлежать она будет кому и кто сделает ее своим тайным сокровищем! — воскликнул посредник.

Владелец девушки сказал:

— Продай ее всякому, кого она захочет!

Посредник вернулся к Али-Шару, поцеловал ему руки и сказал:

— О господин, купи эту красавицу-любовь, она тебя выбрала из всех купцов.

И он рассказал Али-Шару обо всех ее достоинствах.

Али-Шар подумал: «У меня нет денег, чтобы купить ее».

Девушка увидела, что Али-Шар опустил голову, и сказала посреднику:

— Возьми меня за руку и отведи к нему; я покажу ему себя и расположу к себе — пусть меня не продадут никому, кроме него.

Посредник взял девушку и поставил ее перед Али-Шаром:

— Как ты думаешь, о господин?

Но Али-Шар не дал ему ответа.

— О господин мой и возлюбленный моего сердца, почему ты меня не покупаешь? — спросила девушка.— Купи меня, и я принесу тебе счастье.

Али-Шар поднял голову и спросил девушку:

— Разве покупают по принуждению? Ты очень дорога, за тебя просят тысячу динаров.

— О господин, купи меня за девятьсот,— сказала девушка.

— Нет,— ответил Али-Шар.

Девушка сказала:

— За восемьсот.

— Нет,— ответил он.

Она до тех пор сбавляла цену, пока не сказала ему:

— За сто динаров!

Тогда он молвил:

— Нет у меня полной сотни.

Девушка засмеялась и спросила:

— А сколько не хватает до твоей сотни?

И Али-Шар воскликнул:

— Нет у меня ничего! Клянусь Аллахом, я не владею ни белым, ни красным из дирхемов или динаров. Присмотри себе другого покупателя.

Когда девушка поняла, что у него действительно ничего нет, она сказала ему:

— Возьми меня за руку, как будто хочешь осмотреть меня в переулке.

Али-Шар послушался ее, и она вынула из-за пазухи кошелек, где была тысяча динаров, и сказала:

— Отвесь отсюда девятьсот в уплату за меня, а сотню оставь себе — она нам пригодится.

Али-Шар сделал так, как велела девушка, и они пошли домой.

Придя в его дом, она увидела там полное запустение. Не было там ни ковров, ни посуды. Она дала ему тысячу динаров и сказала:

— Пойди на рынок и купи нам на триста динаров ковров и посуды.

Когда он сделал это, девушка сказала:

— Купи для нас кушаний и напитков...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 312-я

Когда же триста двенадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка сказала:

— Купи для нас кушаний и напитков на три динара.

Он сделал это.

Тогда она сказала ему:

— Купи нам отрез шелка величиной с занавеску, золотых и серебряных ниток. А еще возьми ниток цветного шелка оттенков семи.

Он выполнил и это поручение. Тогда девушка постлала в доме ковры, зажгла свечи, и они пили и ели, и затем пошли к постели и удовлетворили свое желание. И они, обнявшись, за занавесками ночь провели, и об этом стихи до нас дошли:

Ты лежал на постели одной со мной,
Уст твоих прохладу я пила, дорогой.

Мы лежали с тобою на ложе одном —
То ли учта богов, то ли праздник земной.

Пусть бранят нас завистники, судят враги —
Мы лежали с тобой на постели одной...

И они пролежали, обнявшись, до утра, и в их сердцах поселилась любовь друг к другу. Затем девушка взяла занавеску, вышила ее цветным шелком, украсила золотыми нитками и обшила каймой с изображениями птиц. А по краям она вышила изображения всех животных, которые есть на свете. Когда через восемь дней занавеска была готова, она скроила ее, выгладила и отдала своему господину.

— Пойди на рынок,— попросила она,— продай ее за пятьдесят динаров. Только смотри, не уступай ее какому-нибудь прохожему — это будет причиной моей разлуки с тобой. У нас есть враги, которые о нас не забывают.

Али-Шар пошел с занавеской на рынок и продал ее купцу одному, как велела девушка ему. Затем он купил кусок материи, шелк и золотые нитки, а также всякой еды, и принес это девушке, и остаток денег отдал ей. И каждые восемь дней она отдавала ему занавеску, которую он продавал за пятьдесят динаров. Так они прожили целый год. А через год Али-Шар, как обычно, пошел с занавеской на рынок и отдал ее посреднику, а тому повстречался христиа-

нин, давший ему шестьдесят динаров, но посредник от них отказался. Христианин все прибавлял, пока не сторговал занавеску за сто динаров, подкупив посредника десятью динарами. Посредник вернулся к Али-Шару и, сообщив ему об этой цене, стал хитрить с Али, чтобы тот продал занавеску христианину за такие деньги.

— О господин, этого христианина не бойся, тебе не будет от него беды, успокойся,— сказал он ему.

Купцы тоже упрекали его, и он наконец продал занавеску христианину. Но сердце его было встревожено. Взяв деньги, он пошел домой и увидел, что христианин идет за ним.

— Чего ты идешь за мной? — спросил он.

— О господин, у меня есть дело,— ответил христианин,— и я в конец улицы иду. Да не пошлет на тебя Аллах нужду!

И не подошел еще Али к своему дому, как христианин догнал его.

— О проклятый, почему ты всюду за мной следуешь? — спросил его Али-Шар.

— О господин, дай мне глоток воды, мне так нужна прохлада, тебе от Аллаха будет награда,— сказал христианин.

Али-Шар подумал: «Это человек, находящийся под защитой. Он пришел ко мне за глотком воды; клянусь Аллахом, я не обману его ожиданий...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 313-я

Когда же триста тринадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Али-Шар подумал:

«Это человек, находящийся под защитой. Он пришел ко мне за глотком воды; клянусь Аллахом, я не обману его ожиданий».

Затем он вошел в дом и взял кувшин с водой. Зумурруд увидела его и спросила:

— О любимый, продал ли ты занавеску?

— Да,— ответил Али-Шар.

— Купцу или прохожему на дороге? Мое сердце чует разлуку.

— Я продал ее купцу,— ответил Али-Шар.

— Расскажи мне всю правду, чтобы я смогла исправить положение! Зачем ты взял кувшин с водой?

— Чтобы напоить посредника,— ответил Али-Шар.

— Нет мощи и силы, велик лишь Аллах на земле и на небесах! — воскликнула девушка.

Потом Али вышел с кувшином и увидел, что христианин входит в проход дома.

— Как ты пробрался сюда, собака? — воскликнул Али-Шар.— Как ты смеешь входить в дом без моего позволения?

— О господин,— ответил христианин,— нет различия между воротами и проходом, и я тронусь со своего места для того, чтобы выйти, а от тебя будет милость, добро, щедрость и благодеяние.

Он взял кувшин с водой и выпил. Али-Шар надеялся, что после этого христианин уйдет, но тот не двигался с места.

— Почему ты не уходишь своей дорогой? — спросил Али-Шар.

— О господин, не будь из тех, кто сделал доброе дело и попрекает им на весь свет,— сказал христианин,— или из тех, о ком сказал поэт:

У их дверей стоял, не знал вражды.
От их щедрот не ведал ты нужды.

Когда же встал ты у дверей других,
То стали попрекать глотком воды.

— О господин,— сказал он потом,— я хочу только голод утолить немножко, хоть бы луковицей и сухой лепешкой.

— Вставай и уходи, в доме ничего нет,— сказал Али.

— О владыка,— молвил христианин,— если в доме ничего нет, возьми эти сто динаров и принеси чего-нибудь с рынка — хоть бы одну лепешку, чтобы были хлеб и соль.

«Поистине, этот христианин сумасшедший! Я возьму у него эти сто динаров и принесу ему что-нибудь, что стоит два дирхема, и посмеюсь над ним»,— подумал про себя Али-Шар.

А христианин сказал:

— О господин, я хочу только утолить голод — пусть даже сухой лепешкой и луковицей. Лучшая пища та, которая отгоняет голод, а не роскошные кушанья.

— Подожди здесь, я запру жилье и принесу тебе чего-нибудь с рынка,— сказал Али-Шар.

И он вышел из дома, запер комнаты, повесил на дверь

замок и, взяв с собою ключ, пошел на рынок. Купив поджаренного сыру, белого меда, бананов и хлеба, он принес все это христианину.

— О владыка, этого хватит на десять человек, а я один,— воскликнул христианин.— Может быть, ты поешь со мной?

— Оставь меня, я сыт,— ответил Али-Шар.

— О владыка, мудрые сказали: «Кто не ест со своим гостем, тот дитя прелюбодеяния».

Когда Али-Шар услышал от христианина эти слова, он сел и поел с ним немного. Он хотел принять руку...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 314-я

Когда же триста четырнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Али-Шар немного поел с христианином и хотел принять руку. Тогда христианин взял банан, очистил его и разломил на две половинки; в одну он положил очищенного банджа, смешанного с опиумом, драхма которого свалит слона, а потом обмакнул в мед и сказал:

— О владыка, заклинаю тебя твоей верой, возьми это.

Али-Шару было стыдно заставить его нарушить клятву, и он взял от него половинку банана и проглотил ее. Едва банан попал к нему в желудок, как голова его обогнала ноги, и он погрузился в такое состояние, будто спит уже год. Увидев это, христианин поднялся на ноги, точно плешивый волк или властвующая судьба, и, взяв у Али ключ от комнат, оставил его лежащим, а сам бегом побежал к своему брату и рассказал ему обо всем. А братом христианина был тот дряхлый старик, который хотел купить Зумурруд за тысячу динаров, а она не согласилась и высмеяла его в стихах. Был он в душе неверным, а с виду — мусульманином и назвал себя Рашидом ад-Дином. Когда девушка высмеяла его, он пожаловался своему брату-христианину, коварному обманщику и распутнику (а имя его было Барсум). Тот сказал:

— Не печалься, я добуду ее для тебя, не потратив ни единого дирхема и динара.

И Барсум до тех пор строил козни, пока не усыпил Али-Шара и не взял ключи, после чего пошел к своему брату и рассказал о том, что произошло.

Затем Барсум сел на мула и, взяв с собою слуг, отправился со своим братом к дому Али-Шара. При этом он захватил мешок с тысячей динаров, чтобы подкупить вали.

Он отпер комнаты, и его люди схватили Зумурруд, пригрозив ей смертью, если она заговорит, и ушли из дома, ничего не взяв из него. Али-Шара же они оставили лежать в проходе, закрыв дверь и положив ключ от комнат рядом с ним. Старик-христианин отправился с девушкой к себе во дворец и поместил ее среди своих невольниц и наложниц.

— О невольница, о негодница,— сказал он ей,— я тот старик, которого ты высмеяла, а теперь я взял тебя, не отдав ни дирхема, ни динара.

Она отвечала ему:

— Довольно с тебя Аллаха, о старец злой, раз ты разлучил моего господина со мной!

— О невольница, о негодница, ты увидишь, какие тебе будут наказания, какие тебя ожидают страдания! — воскликнул старик.— Клянусь Мессией и девой, если ты меня не послушаешь и не вступишь в мою веру, я буду тебя пытать всякими пытками!

— Аллахом клянусь, если ты изрежешь мое тело на куски, я с верой ислама не разлучусь, и, может быть, Аллах великий пошлет мне близкую помощь — он ведь властен в том, что захочет,— ответила девушка.— Сказали мудрые: «Пусть будет для тебя беда без меры, но не беда без веры».

Тогда старик кликнул слуг и невольниц и приказал им:

— Повалите ее!

Девушку повалили, и старик жестоко бил ее, а она звала на помощь. Не дождавшись, она перестала звать и только причитала:

— Довольно с меня Аллаха! — пока не прервалось ее дыхание и стали не слышны ее стоны.

Затем старик сказал слугам:

— Стащите ее за ноги, бросьте на кухне и не кормите ничем!

Проклятый проспал ночь, а утром потребовал девушку и снова стал бить ее, а потом велел слугам бросить ее на прежнее место. И когда побои на ней остыли, ее первые слова были:

— Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посол Аллаха! Аллах моя опора, и благой он промыслитель!

Потом она стала взывать о помощи к владыке нашему Мухаммаду, да благословит его Аллах и да приветствует!..

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста пятнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Зумурруд стала взывать о помощи к Пророку — да благословит его Аллах! — и вот то, что с ней было.

Что же касается Али-Шара, то он пролежал до следующего дня, а потом бандж улетел у него из головы, он открыл глаза и крикнул:

— Зумурруд!

Но никто ему не ответил. Он вошел в комнату и увидел, что внутренность дома пуста, и место посещения далеко. И понял, что это случилось не иначе как из-за христианина. И он стал стонать, и охать, и сетовать, и рыдать.

А потом вздох испустил и в стихах загрустил:

Обиталище в стане холмистом оставила нам,
Спутник в грусти к жилищу стремится, тоскующий сам.

Стан покинутый нашу красавицу властью влечет,
Взор ее обращается к милым, родимым местам.

Стан покинут. Исчезли любимого даже следы.
И стоит она грустная, вопрошая окрестности там.

Эхо ей отвечает: «Ко встрече пути не найти.
Он как молния — верный он лишь небесам».

Разорвав на себе одежду и взяв в руки два камня, он стал обходить город, бил себя камнями в грудь и кричал:

— О Зумурруд!

Малыши бегали вокруг него и кричали:

— Одержимый! Одержимый!

Все, кто его знал, плакали о нем и говорили:

— Это такой-то. Что это с ним случилось?

В таком состоянии Али-Шар пробыл до конца дня, а когда опустилась ночь, он упал и проспал до утра в каком-то переулке, а с утра снова стал ходить с камнями по городу. И после этого он вернулся к себе домой порой ночной, чтобы отдохнуть там, и его увидела соседка (а это была старая женщина из добрых людей) и спросила его:

— О дитя мое, спаси тебя Аллах, что с тобой случилось, что приключилось?

И Али-Шар ответил ей такими стихами:

«Безумно ты влюблен»,— сказали. Молвил я:
«Безумием отрадна жизнь моя.

Что вам безумие мое? Подайте тех,
Кто отнял разум в море бытия...»

Старуха-соседка поняла, что он покинутый влюбленный, и сказала:

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О дитя мое, я хочу, чтобы ты рассказал мне о твоей беде — может быть, Аллах даст мне силу помочь тебе.

Али-Шар рассказал ей обо всем. Она со слезами на глазах сказала:

— О дитя мое, теперь встань и купи корзинку — такую, как у ювелиров. Накупи браслетов, перстней, колец и других украшений, которые любят женщины. На деньги не скупись. Положи все это в корзину и принеси ее, а я поставлю ее на голову и пойду под видом посредницы по домам искать девушку, пока не нападу на весть о ней, если захочет Аллах великий.

Али-Шар обрадовался словам старухи и поцеловал ей руки. Потом поспешно собрался и ушел. Вскоре он принес ей все, что она попросила. Надев заплатанную одежду, она покрыла голову изаром медового цвета, взяла в руки посох и понесла корзину. Так она ходила из квартала в квартал и из улицы в улицу, пока не привел ее Аллах великий ко дворцу проклятого Рашида ад-Дина, христианина. Она услышала из дома стоны и постучалась в ворота...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 316-я

Когда же триста шестнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, старуха услышала из дома стоны и постучалась в ворота. К ней вышла невольница и приветствовала ее. Старуха сказала ей:

— У меня есть вещицы для продажи. Найдутся у вас люди, которые их купят?

— Да,— отвечала ей невольница и ввела старуху в дом.

Девушки разместились вокруг нее, и каждая из них что-нибудь выбрала для себя. Старуха стала подлаживаться к ним, уступая цену. А девушки были рады ей из-за ее милости и мягких речей. Старуха же оглядывала со всех сторон помещение, ища ту, что стонала. Наконец взгляд ее упал на стонавшую. Она всмотрелась и увидела, что это Зумурруд. Старуха узнала ее, заплакала и спросила невольниц:

— О дети мои, почему эта девушка в таком состоянии?

Невольницы поведали ей всю историю и сказали:

— Это не по нашей воле, но так приказал наш господин, а теперь уехал наш властелин.

— О дети мои,— сказала старуха, вздыхая,— у меня к вам просьба такая: освободите эту бедняжку от веревок бремени до того времени, пока не узнаете о приезде вашего господина, и вам достанется награда от господина миров.

Невольницы согласились. Они подошли к Зумурруд, развязали ее, напоили и накормили. Старуха сказала:

— О, если бы моя нога сломалась и я не вошла в ваш дом!

Потом она подошла к Зумурруд:

— О дочка, да будешь ты благополучна! Аллах тебе поможет.

Она рассказала ей, что пришла от ее господина Али-Шара, и сговорилась с Зумурруд, что к завтрашнему вечеру она приготовится и будет прислушиваться к шуму во дворе.

— Господин твой к скамейке под дворцом придет порой ночной и свистнет тебе. И когда услышишь это, свистом отзовись и из окна по веревке спустись, и он тебя возьмет и с тобой уйдет.

Али-Шар старуху за это поблагодарил и такие стихи проговорил:

Кто о приходе вашем возвестил,
Пускай Аллаху вечно будет мил.

Отдал бы сердце вестнику свое —
Его прощаньем чуть не погубил.

Он подождал, пока спустилась ночь и пришло условленное время, и отправился в тот квартал, который описала ему соседка. Увидев дворец, он сел под окном на скамейку. И одолел его сон, и заснул он (да будет прославлен бодрствующий!), а он долгое время не спал из-за охватившего его волнения и пребывал будто в состоянье опьянения. И когда он спал...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 317-я

Когда же триста семнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Али-Шар спал, один вор вышел

на окраину города что-нибудь украсть. Он обошел вокруг дворца и, не найдя пути, как туда войти, до тех пор ходил вокруг, пока не дошел до той скамейки. Увидев спящего Али-Шара, он взял у него тюрбан. Тут Зумурруд выглянула из окна и увидела стоящего в темноте человека. Приняв его за своего господина, она свистнула ему, а грабитель ответил ей, и она спустилась к нему на веревке с мешком, полным золота.

Увидев девушку, вор подумал: «Поистине, вот удивительная штуковина, и причина ей диковинна!»

Потом он взвалил мешок и девушку на плечи и молниеносно исчез с ними.

Девушка сказала ему:

— Старуха мне рассказывала, что ты из-за меня ослабел, а ты вон сильнее коня.

Но вор не ответил ей. Тогда она ощупала его лицо и почувствовала, что у него борода, точно банный веник, и он словно кабан, который проглотил перья, концы которых торчат у него из горла. Девушка испугалась и спросила:

— Кто ты такой?

Вор отвечал:

— О девка, я ловкач Джаван-курд из шайки Ахмада ад-Данафа, и нас сорок ловкачей, и ты попалась к нам в ловушку.

Услышав его слова, Зумурруд заплакала и поняла, что судьба одолела ее и ей не остается больше ничего, кроме как вручить себя Аллаху великому. И она подчинилась приговору Аллаха великого и сказала:

— Нет Бога, кроме Аллаха! Только от одной заботы уйдешь, в другую, бóльшую, попадешь!

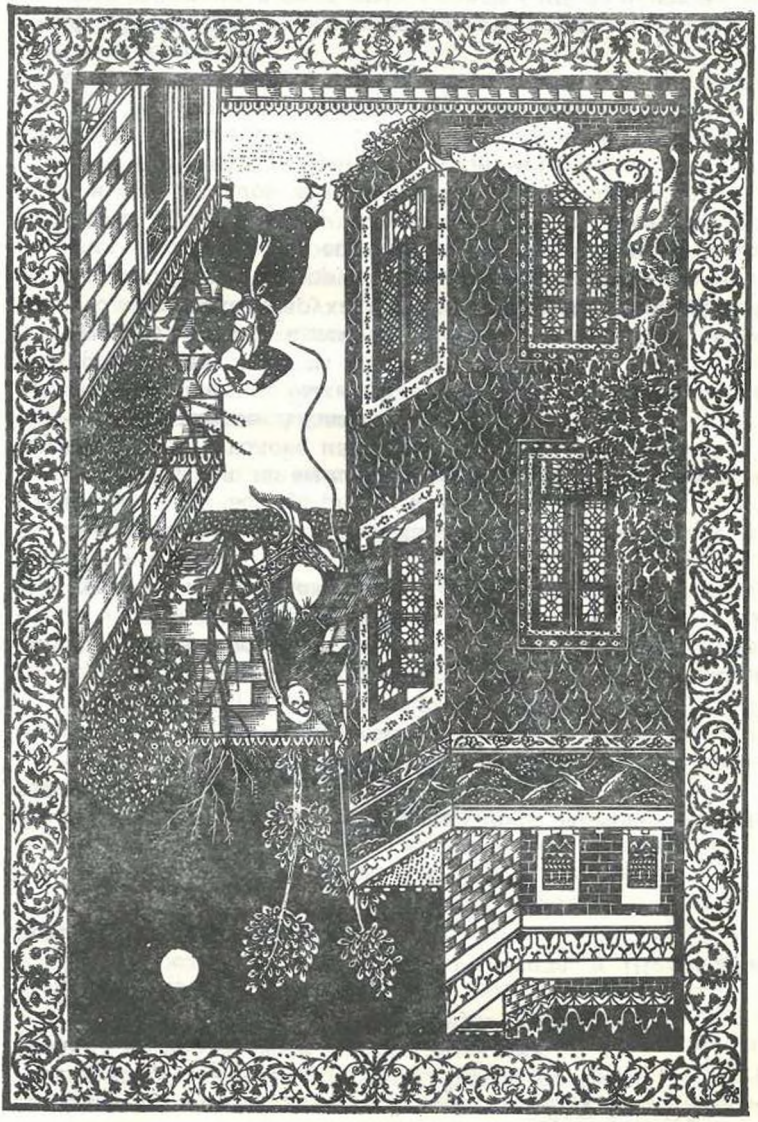
О причине своего прихода в это место Джаван сказал Ахмаду ад-Данафу:

— Я прежде заходил в этот город и нашел здесь пещеру, которая может вместить сорок человек. Я хочу туда раньше вас пойти и в эту пещеру свою мать отвести, а потом вернусь в город, чтобы украсть там что-нибудь вам на счастье, и буду хранить это, пока вы не придете. Это будет моим угощеньем для вас в тот день.

Ахмад ад-Данаф ответил:

— Делай, что хочешь.

Джаван пошел сам в то место и оставил в пещере свою мать. Выйдя оттуда, он увидел спящего солдата, подле которого был привязан конь, и зарезал его, взяв его платье и коня. Оружие и одежду солдата он спрятал в пещере у своей матери, его коня привязал. Потом вернулся в город,



пришел ко дворцу христианина, взял тюрбан Али-Шара и забрал его невольницу Зумурруд. Потом он бежал с ней и посадил ее подле своей матери, приказав:

— Сторожи ее, пока я не вернусь завтра утром!

И ушел...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 318-я

Когда же триста восемнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Джаван-курд сказал своей матери:

— Стереги ее, пока я не вернусь к тебе завтра утром.

Потом он ушел, и Зумурруд подумала: «Отчего бы мне не спасти себя хитростью? Что же, ждать, пока придут эти сорок человек и станут издеваться надо мной, увеличивая мое горе, так что сделают меня подобной кораблю, утонувшему в море?»

Обернувшись к матери Джавана-курда, Зумурруд сказала:

— О тетушка, не выйдешь ли ты со мной из пещеры, я поищу у тебя в голове на траве?

— Да, клянусь Аллахом, доченька,— отвечала старуха,— я уже давно не была в бане, ведь это отродье кабанье все время ходит с места на место со мной.

Зумурруд вышла с нею и стала искать и убивать вшей в ее голове, пока старуха не почувствовала облегчение и не заснула. Тогда Зумурруд надела одежду солдата, которого убил Джаван-курд, опоясалась его мечом, надела его тюрбан и стала похожа на мужчину. Потом она села на коня и взяла мешок золота с собой.

— О покровитель благой, покрой меня ради сана Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует! — сказала Зумурруд и подумала: «Если я поеду в город, меня может увидеть кто-нибудь из родных этого солдата, и тогда мне несдобровать».

И она поехала по безводной пустыне, питаясь злаками и кормя ими коня, а пила сама и поила коня из источников. Так она ехала десять дней, а на одиннадцатый достигла прекрасного города. Там стояла весна, цвели розы и щебетали птицы. Когда Зумурруд приблизилась к воротам, она увидела войска, эмиров и знатных жителей и подумала:

«Отчего все жители собрались у ворот? Что случилось?»

Когда она приблизилась к толпе, воины наперегонки бросились к ней, спешились, и поцеловали землю меж ее рук, и сказали:

— Аллах да дарует тебе победу, о наш владыка султан!

Перед нею выстроились все важные чины, и воины наводили порядок и говорили:

— Аллах да дарует тебе победу и да сделает твой приход благословенным для мусульман, о миров султан! Да укрепит тебя Аллах, о царь времени, о единственный в веках и столетиях!

Зумурруд спросила их:

— В чем дело, о жители города?

Царедворец ответил:

— Одарил тебя тот, кто не скупится на дары, и сделал тебя султаном этого города и правителем над нами. Знай, что обычай жителей этого города таков: когда умирает царь и у него нет сына, войска за город идут и три дня ждут, и человека, который придет в город по дороге большой, делают султаном над собой. Слава же Аллаху, который привел к нам человека из детей турок, прекрасного лицом. Но если бы к нам явился и меньший, чем ты, то стал бы царем.

Зумурруд сказала:

— Не думайте, что я из сыновей простых турок — нет, я из сыновей вельмож, но я разгневался на своих родных и ушел от них. Посмотрите на этот мешок с золотом, который я привез с собою, чтобы раздать из него милостыню беднякам и нищим.

И ее стали благословлять. Зумурруд подумала:

«После того, как я достигла этого...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 319-я

Когда же триста девятнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Зумурруд подумала: «После того, как я достигла этого, Аллах, быть может, соединит меня здесь с моим господином. Поистине, он властен в том, что захочет».

Затем она вместе с воинами вступила в город, и люди шли перед нею пешком, пока не привели ее во дворец. Зумурруд спешилась, эмиры и вельможи взяли ее под руки и посадили на престол, поцеловав перед ней землю.

Когда Зумурруд велела открыть сокровищницы и раздать деньги всем воинам, ей пожелали вечной власти и стали повиноваться рабы и все жители страны.

Так она правила некоторое время, повелевая и запрещая, и люди любили и уважали ее за благородство и целомудрие. Она упразднила пошлины и выпустила заключенных из тюрем, а также пресекла всяческие несправедливости. Но всякий раз, как она вспоминала своего господина, она плакала и молила Аллаха, чтобы он соединил его с нею. Однажды ночью она вспоминала те дни, что вместе провели они, слезы из глаз пролила и такие стихи произнесла:

Хоть срок и долог, страсть к тебе нова,
Болит от слез потока голова.

Я плачу, милый, от любовной муки,
В разлуке тяжко, но любовь жива.

Вытерев слезы, она вошла в гарем и отвела рабыням и наложницам отдельные помещения, назначила им жалованье и сказала, что хочет быть одна и предаваться благочестию. Она стала поститься и молиться, и эмиры говорили:

— Поистине, наш султан велик — он благочестив, прекрасен его лик!

Зумурруд не оставила подле себя никого из челяди, кроме двух маленьких евнухов для услуг. Так она царствовала год, не получая вестей о своем господине. Когда ее беспокойство усилилось, она позвала вазиров и царедворцев и велела им привести землемеров и строителей, чтобы они устроили ей подле дворца ристалище длиной в фарсах и шириной в фарсах. Они быстро сделали то, что она приказала. Когда ристалище было закончено, Зумурруд выехала туда и велела разбить там для себя большой шатер, расставить сиденья для эмиров и разложить столы с роскошными яствами. Потом она приказала вельможам царства есть, и, когда они поели, Зумурруд сказала эмирам:

— Когда серп нового месяца заблестит, пускай каждый из вас то же самое совершит, пусть в городе оповестят людей, чтобы никто не отпирал лавки своей, пускай сообщат весть, чтобы все приходили с царского стола есть, и всякий, кто ослушается, будет повешен на воротах дома своего.

Когда наступил новый месяц, сделали так, как велела Зумурруд. Этого правила придерживались до тех пор, пока не появился серп первого месяца в следующем году. Зумурруд выехала на ристалище, и глашатай закричал:

— Слушайте все! Всякий, кто откроет свою лавку, склад или дом, будет тотчас же повешен на воротах своего жилища. Всем жителям надлежит прийти и есть с царского стола!

Когда прокричали клич (а столы уже поставили), люди стали приходить толпами, и Зумурруд велела им сесть за столы и есть досыта. А сама она села на престол и смотрела на них. Каждый думал про себя: «Царь не смотрит ни на кого, кроме меня».

И они ели, а эмиры говорили людям:

— Ешьте и не стыдитесь! Царь это любит!

Затем люди уходили, благословляя царя, и говорили друг другу:

— Мы в жизни не видели султана, который бы так любил бедных, как наш!

И желали ему долгой жизни. После этого Зумурруд уходила к себе во дворец...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 320-я

Когда же триста двадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Зумурруд уходила к себе во дворец, радуясь тому, что устроила, и думала про себя: «Если захочет Аллах великий, таким способом я нападу на весть о моем господине Али-Шаре».

Когда начался следующий месяц, все сделали так же. Зумурруд села в конце стола и наблюдала за тем, как люди заходили один за другим и садились за стол. Вдруг взгляд ее упал на Барсума-христианина, который купил занавеску у ее господина. Она узнала его и сказала:

— Вот теперь что-нибудь выяснится.

Барсум подошел и сел среди людей. Увидев блюдо риса, посыпанного сахаром (а оно стояло далеко от него), он потянулся к нему и, взяв его, поставил перед собой. Человек, сидевший рядом с ним, сказал:

— Почему ты не ешь того, что перед тобой? Не стыдно ли тебе протягивать руку к тому, что от тебя далеко?

— Я буду есть только это,— сказал Барсум.

— Ешь, да не сделает Аллах тебе приятным это кушанье!

А один любитель гашиша сказал:

— Пусть ест рис, я тоже поем с ним.

Тот человек воскликнул:

— О самый скверный из гашишеедов, это не ваше кушанье — это кушанье эмиров! Пусть же оно достается тем, кому надлежит его есть.

Но Барсум не послушался и, взяв горсть риса, положил его в рот. Когда он хотел взять вторую, царица кликнула кого-то из солдат и сказала:

— Приведите того, перед кем стоит блюдо со сладким рисом. Но выбейте это блюдо из его рук.

К Барсуму подошли четверо воинов и, выбив блюдо риса из его рук, потащили вниз лицом к Зумурруд. Люди говорили друг другу:

— Клянемся Аллахом, он преступник, так как не ел кушанья, которые ему надлежит есть.

— Я удовлетворюсь той кашей, что стоит передо мной,— сказал один человек.

А любитель гашиша воскликнул:

— Хвала Аллаху, который не позволил мне отведать этого блюда со сладким рисом!

Люди говорили друг другу:

— Посмотрим, что теперь будет.

Когда Барсума подвели к царице Зумурруд, она сказала:

— Горе тебе среди голубоглазых! Как твое имя и почему ты пришел в нашу страну?

Проклятый изменил свое имя (а он повязал белый тюрбан) и сказал:

— О царь, мое имя Али, а по ремеслу я ткач, и пришел я в этот город для торговли.

— Подайте мне дощечку с песком и медный калам! — сказала Зумурруд.

Ей тотчас же все принесли, и она стала гадать на песке. Начертив каламом изображение, напоминающее обезьяну, она подняла голову и, всматриваясь в Барсума, сказала:

— О собака, ты лжешь царям! Разве ты не христианин и имя твое не Барсум? Ты пришел за чем-то, что ты разыскиваешь! Скажи мне правду, иначе, клянусь величием вышнего господства, я отрублю тебе голову.

Христианин стал запинаться, а эмиры и все присутствующие сказали:

— Этот царь умеет гадать на песке! Слава тому, кто даровал ему эту способность!

Зумурруд закричала на христианина:

— Скажи правду, а не то я тебя погублю!

И воскликнул христианин:

— Прости, великий властелин! Ты правильно гадал на песке, далекий — христианин...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 321-я

Когда же триста двадцать первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, христианин сказал:

— Прости, великий властелин, ты правильно гадал на песке, далекий — христианин.

Присутствующие удивились тому, как царь все отгадал, и сказали:

— Поистине, этот царь звездочет! Нет в мире ему подобного!

Затем царица велела содрать с христианина кожу, набить ее соломой и повесить на воротах ристалища, а потом вырыть яму за городом, и сжечь там его мясо и кости, и набросать сверху нечистот и грязи.

Вскоре все сделали так, как она повелела. Когда люди увидели, что постигло христианина, они сказали:

— Как злосчастен оказался для него этот рис!

— Я в жизни сладкого рису есть не стану, хвала султану! — сказал один человек.

А любитель гашиша воскликнул:

— Слава Аллаху, который избавил меня от несчастья, охранил мою жизнь и честь, не дав этого риса поесть!

Затем все люди вышли, объявив запрет на сладкий рис.

Когда же настал третий месяц, столы, как обычно, уставили блюдами, и царица Зумурруд села на престол, а воины встали, страшась ее ярости. И вошли, по обычаю, жители города и стали ходить вокруг стола, глядя на место того злосчастного блюда. Один сказал другому:

— Эй, хаджи Халиф!

— Здесь, о хаджи Халид! — ответил другой.

— Этого блюда со сладким рисом сторонись, брать с него берегись, иначе ты рискуешь быть повешенным.

Наконец они сели и принялись за еду. Взгляд Зумурруд вдруг упал на человека, который торопливо входил в ворота ристалища. Всмотревшись в него, она увидела, что это Джаван-курд,— злодей, убивший солдата. Оказался же он здесь вот как.

Оставив Зумурруд у матери, он помчался к товарищам и объявил им:

— Вчера мне досталась хорошая добыча, я убил солдата и взял его коня, да еще заимел мешок, полный золота, и женщину, которая стоит больше, чем то золото в мешке. Все это я оставил в пещере, у моей матери.

Обрадованные дружки пошли вечером во главе с Джаваном-курдом в пещеру. Он хотел представить им то, чем хвалился, но, увидев, что место пусто, в недоумении обратился к матери. Она поведала обо всем, что случилось. Курд стал кусать себе кулаки от злости и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, я разыщу эту шлюху и возьму ее в том месте, где она есть, хотя бы она была в скорлупе от фисташки, и вымещу на ней свою злобу!

И он отправился на поиски. Ходил по странам, пока не переступил владения царицы Зумурруд. Войдя в город, он никого не нашел там и спросил каких-то женщин, выглядывавших из окон, и они сказали ему, что первого числа каждого месяца султан дает для народа обед, и указали ему ристалище, где устанавливали столы. Курд поспешил туда и, найдя свободное место около упомянутого блюда, сел там. Когда он протянул к блюду руку, люди закричали:

— О братец, что ты делаешь?

— Я желаю поесть,— ответил курд.

Один человек сказал ему:

— Если возьмешь рис с этого блюда, тебя повесят.

— Если ты не из ослов, не произноси таких слов! — огрызнулся курд.

Затем он придвинул к себе блюдо, а любитель гашиша, сидевший рядом с ним, так испугался, что убежал со своего места, и гашиш улетучился у него из головы. Сев поодаль, он воскликнул:

— Не притрагивался я к этому блюду!

А Джаван-курд запустил в блюдо руку, похожую на воронью ногу, и зачерпнул ею риса, и она теперь стала похожа на верблюжье копыто...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста двадцать вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Джаван-курд, запустив в блюдо руку, похожую на верблюжье копыто, зачерпнул ею риса, смял его, так что он стал подобен большому апельсину, и торопливо бросил его в рот. Затем взял еще и еще, и скоро на блюде показалось дно. Тот, кто был с ним рядом, воскликнул:

— Слава Аллаху, что он не сделал меня кушаньем твоим,— ты проглотил бы все блюдо глотком одним!

— Пусть себе ест, я уже вижу, как он болтается на виселице,— отозвался любитель гашиша.— Ешь,— обратился он к пришельцу,— да не сделает тебе Аллах еду приятной.

Когда курд протянул руку за второй порцией, вдруг царица крикнула солдатам:

— Приведите скорее ко мне этого человека и не дайте ему съесть рис, который этот нахал в руке зажал.

Воины вмиг подбежали к склоненному над блюдом курду, схватили его, повели к царице Зумурруд. Вокруг все стали злорадствовать:

— Он заслужил это, мы предупреждали его, а он не слушался. Это место смертельное для каждого, кто на него сядет, и этот рис приносит несчастье тому, кто его съест.

А царица Зумурруд стала допрашивать курда:

— Как твое имя, кто ты по ремеслу и зачем пришел в наш город?

— О владыка султан,— ответил курд,— мое имя Осман, а по ремеслу я садовник. А пришел я в этот город потому, что ищу пропавшую у меня вещь.

— Ко мне доску с песком! — крикнула царица.

Ей принесли доску, и она взяла калам и стала гадать на песке, затем она подняла голову и сказала курду:

— Горе тебе, о скверный! Как это ты лжешь царям! Говорит калам, что твое имя Джаван-курд и по ремеслу ты вор: достояние людей неправедно отнимаешь и души убиваешь.

Затем она закричала на него:

— Говори правду, мерзкий кабан, иначе я отрублю тебе голову!

Когда курд услышал слова царицы, он задрожал от страха. Подумав, что, если скажет правду, то спасется, он молвил:

— Ты прав, о царь, но теперь я раскаюсь и вернусь к Аллаху великому.

— Мне не дозволено оставить бедствие на дороге мусульман,— молвила царица.— Возьмите его,— приказала она своим людям,— сдерите с него кожу и сделайте с ним то же самое, что вы сделали с подобным ему в прошлом месяце.

Они выполнили все, что она им велела. Когда любитель гашиша увидел, как солдаты схватили этого человека, он повернулся спиной к блюду с рисом и сказал:

— Нечего сказать, мне запрещено к тебе лицо обращать!

Окончив есть, люди разошлись по домам, а царица поднялась во дворец и позволила мамлюкам уйти.

Когда начался следующий месяц, пришли по обычаю на ристалище люди, и им принесли кушанья. Все сели, ожидая разрешения, и вдруг вошла царица, села на престол и стала смотреть на собравшихся. Увидев, что место около блюда с рисом пусто, хотя там могли бы поместиться четыре души, она удивилась. Посмотрев вокруг, она вдруг увидела человека, который торопливо вошел в ворота ристалища и быстро встал у стола. Не найдя свободного места, кроме места возле блюда, он сел там. Царица всмотрелась в него и увидела, что это тот проклятый христианин, который назвал себя Рашидом ад-Дином.

«Сколь благословенно это кушанье, в силки которого попался этот нечестивый!» — подумала она.

А привело его сюда вот что: когда он вернулся из путешествия...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 323-я

Когда же триста двадцать третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда проклятый, назвавший себя Рашидом ад-Дином, вернулся из путешествия, его домочадцы рассказали ему, что Зумурруд исчезла, а с нею — и мешок денег. Услышав эту весть, он разодрал на себе одежду и выщипал бороду. Затем послал своего брата Барсума ее разыскивать. Не дождавшись от него вестей,

Рашид ад-Дин сам кинулся разыскивать своего брата и Зумурруд.

Судьба забросила его в этот город, и он вступил в него как раз в первый день месяца. Пройдя по улицам, он увидел, что город пуст и все его лавки заперты. Заметив в окнах женщин, он спросил одну из них о том, каковы порядки в городе. Ему рассказали, что в начале каждого месяца царь ставит стол для всех, и люди едят вместе за ним. Никому не разрешается сидеть у себя дома или в лавке. Женщины указали ему, где ристалище, и, войдя туда, он увидел, что люди теснятся около кушаний. Он нашел для себя место только там, где стояло, как всегда, блюдо с рисом. Когда он протянул руку к блюду, царица крикнула кому-то из воинов:

— Подведите того, кто сел около блюда с рисом!

Его узнали и, как обычно, схватили и поставили перед царицей Зумурруд.

— Горе тебе, как твое имя, чем ты занимаешься и почему ты пришел в наш город? — спросила она.

— О времени властелин, мое имя Рустум,— отвечал христианин,— и нет у меня ремесла, так как я бедняк-дервиш.

— Подайте мне доску с песком и медный калам! — сказала царица.

Зумурруд взяла калам и стала чертить им на доске с песком. Всмотревшись в нее, она подняла голову и закричала:

— Говорю, что ты, собака, лжешь царям! Ты христианин, твое имя Рашид ад-Дин, а ремесло твое в том, что хитрости с невольницами учиняешь, их похищаешь. Внешне ты мусульманин, а втайне — христианин. Говори правду, иначе я велю отрубить тебе голову.

Христианин стал запинаться и наконец сказал:

— Ты прав, о царь времен!

Царица приказала дать ему сто ударов бичом по каждой ноге и тысячу ударов по телу, а потом содрать с него кожу и набить ее паклей, после чего вырыть яму за городом, сжечь его в ней и насыпать сверху грязи и нечистот. Вскоре все было так и сделано.

Когда люди кончили есть и ушли своей дорогой, царица Зумурруд наконец поднялась к себе во дворец и сказала:

— Слава Аллаху, который от тех мое сердце избавил, кто мне горе доставил!

Затем ей вспомнился ее господин Али-Шар, и она

горько заплакала. Успокоившись, Зумурруд подумала: «Быть может, Аллах, отдавший мне во власть моих врагов, пошлет мне возвращение любимых».

И она попросила прощенья у Аллаха, великого, славного...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 324-я

Когда же триста двадцать четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царица попросила прощенья у Аллаха, великого, славного, и сказала:

— Быть может, скоро Аллах сведет меня с моим возлюбленным Али-Шаром! Он ведь властен во всем, и всеблаг, и всесведущ.

И она Аллаха восхвалила и просьбы о прощении продлила и подчинилась случайностям судеб, уверившись, что всякому началу неизбежен конец, и произнесла слова, что написал мудрец:

Будь же кротким и гневу не верь,
Терпелив будь в годину потерь.

Ночи жизни беременны ношей,
Тяжкой ношей несчастий теперь.

Так она прожила еще месяц, днем повелевая людьми, а ночью плача и рыдая о разлуке со своим господином Али-Шаром. Когда же показался новый месяц, она снова велела поставить на ристалище стол и созвать людей. Место около блюда с рисом было пусто. Зумурруд сидела в конце стола, устремив глаза к воротам ристалища, чтобы не пропустить всякого, кто войдет, и говорила про себя: «О тот, кто возвратил Юсуфа Якубу и устранил страдания Айюба, смилуйся и верни мне моего господина Али-Шара, по твоему могуществу и величию! Ты ведь властен во всем, о Господь миров, о предводитель заблудших, о внимающий всем голосам, о отвечающий мольбам. Ответь мне, о Господь миров!»

И не закончила она еще своей молитвы, как в ворота ристалища вошел человек, стан которого был подобен ветви ивы, только очень исхудавший, но самый прекрасный

юноша на свете. Войдя, он не нашел пустого места, кроме места около блюда с рисом, и сел там. Когда Зумурруд увидела его, сердце у нее затрепетало от радости. Убедившись, что это и есть ее господин Али-Шар, захотелось ей закричать от радости, но она укрепила свою душу.

А оказался здесь Али-Шар вот как. Когда он заснул на скамье и Джаван-курд похитил Зумурруд, а потом проснулся и увидел, что голова у него не покрыта, он понял, что кто-то украл его тюрбан. Тогда он произнес:

— Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!

Вернувшись к старухе, рассказавшей ему о местопребывании Зумурруд, он постучал к ней в дверь. Старуха вышла, и он до тех пор плакал перед ней, пока не упал без памяти. Придя в себя, он рассказал ей обо всем, что его постигло. Старуха стала его бранить и сказала:

— В самом деле, твоя беда и несчастье из-за тебя налетели.

И она до тех пор упрекала его, пока у него не пошла из носа кровь и он не потерял сознание. Когда же он очнулся от обморока...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 325-я

Когда же триста двадцать пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Али-Шар, очнувшись от обморока, увидел, что старуха сама плакала из-за него.

Опечаленная старуха сказала:

— Сиди здесь, пока я не разузнаю кое-что для тебя. Я скоро вернусь.

И она ушла. После полудня она вернулась и сказала:

— О Али, я думаю, что ты не иначе как помрешь от своей печали, так как сможешь свою возлюбленную найти только на смертном пути. Жители дворца, проснувшись утром, увидели, что окно, которое выходит в сад, высажено, и обнаружили, что Зумурруд исчезла вместе с мешком денег христианина. И когда я пошла туда, Али, то увидела вали, стоящего у ворот дворца со своими людьми. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!

Услышав эти слова, Али-Шар совсем пал духом и не переставая плакал, пока не заболел. А старуха врачей к нему приводила, целебными травами его поила и целый год его лечила, пока дух не вернулся к нему. И он вспомнил о том, что миновало, и такое стихотворение его взволновало:

Заботы собрались все, а радости не со мной,
И сердце горит мое, и слезы текут рекой.

Любви лишь достоин тот, кто борется за нее,
Любовью кто изнурен, волнением и тоской.

На следующий год старуха сказала ему:

— О дитя мое, грусть и печаль, овладевшие тобой, не вернут тебе твоей возлюбленной. Укрепи свою душу и отправляйся на поиски Зумурруд. Может быть, ты нападешь на весть о ней.

И она долго ободряла его, пока он не оживился. Тогда она сводила его в баню, напоила зельем и дала ему поесть курицы. И так было каждый день в течение месяца, пока Али-Шар не окреп. Вскоре он уехал и путешествовал до тех пор, пока не прибыл в город Зумурруд. Войдя в ристалище и сев возле кушанья, он протянул руку, чтобы поесть, а людям стало жаль его, и они сказали:

— О юноша, не ешь с этого блюда, ибо со всяким, кто брал с него, случалась беда.

— Дайте мне поесть, а дальше пусть со мной делают, что хотят,— может, я отдохну от этой томительной жизни,— отвечал Али-Шар и съел первый кусок.

Зумурруд хотела призвать его к себе, но, увидев, как он голоден, подумала: «Пусть он утолит голод».

Али-Шар продолжал есть, а люди с сочувствием смотрели на него, ожидая беды. Когда он насытился, Зумурруд сказала одному из евнухов:

— Пойдите к этому юноше, что ест рис, и осторожно приведите его сюда. Скажите ему: «Поговори с царем об одном небольшом деле».

— Слушаем и повинуемся! — отвечали евнухи.

Они пошли к Али-Шару, встали возле него и сказали:

— О господин, добрым будь, поговори с царем, и пусть расправиться твоя грудь.

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал Али-Шар и пошел с евнухами...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 326-я

Когда же триста двадцать шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Али-Шар сказал:

— Слушаю и повинуюсь! — и пошел с евнухами.

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — стали говорить между собой люди.— Посмотрим, что сделает с ним царь.

— Он не сделает с ним ничего, кроме добра,— сказал кто-то.— Если бы он хотел для него зла, то не дал бы ему поесть досыта.

Остановившись перед Зумурруд, Али-Шар приветствовал ее и поцеловал землю меж ее рук. Зумурруд ответила на его приветствие и уважительно спросила:

— Как твое имя, чем ты занимаешься и почему ты пришел в этот город?

— О царь,— ответил юноша,— мое имя Али-Шар, я из купцов, и страна моя — Хорасан, а пришел я в этот город потому, что разыскиваю пропавшую невольницу, которая была мне дороже, чем мой слух и мое зрение. Моя душа привязана к ней с тех пор, как я ее потерял. Вот что случилось со мной.

Потом он так заплакал, что потерял сознание, и царица велела брызгать ему в лицо розовой водой, пока он не очнулся.

Царица сказала:

— Бедный! Ко мне доску с песком и калам медный!

Она взяла калам и некоторое время на доске с песком гадала, а потом юноше сказала:

— Ты правдив был в своих словах; тебя с нею вскоре соединит Аллах, не беспокойся.

Она велела царедворцу отвести юношу в баню, одеть его в красивую одежду из платьев царей и посадить на коня из избранных царских коней, а когда настанет дня конец, привести юношу во дворец. Царедворец отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

Пропустив Али-Шара вперед, он отправился с ним.

— Что это с царем,— стали говорить люди,— почему он так ласково обошелся с этим юношей?

Кто-то сказал:

— Не говорил ли я вам, что он не сделает юноше зла,

так как он очень красив. С той минуты, как царь подождал, пока юноша насытился, я понял это.

Каждый что-то сказал по этому поводу, а потом все разошлись. А Зумурруд не верилось, что вскоре она соединится с возлюбленным своего сердца. Когда настала ночь, она вошла в свою спальню и сделала вид, что ее одолел сон (а у нее обычно никто не спал, кроме двух маленьких евнухов, прислуживавших ей). Затем она послала за Али-Шаром, а сама села на ложе. Свечи сияли у ее изголовья и в ногах, а золотые лампы озаряли покой.

Когда люди услышали, что она посылает за ним, все удивились, и каждый стал строить догадки. Кто-то сказал:

— Царь привязался к этому юноше, не иначе. Завтра он его начальником войск назначит.

Когда Али-Шара привели к царице, он поцеловал перед ней землю и призвал на нее милость Аллаха, а она сказала про себя: «Я непременно пошучу с ним немного и не дам ему узнать себя».

— О Али, ты ходил в баню? — спросила она.

— Да, о владыка наш!

— Ты устал. Поешь этой курицы и мяса. А вот питье, сахарная вода,— попей и иди сюда,— сказала она.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил Али.

Когда он кончил есть и пить, царица сказала ему:

— Поднимись ко мне на ложе и растирай меня.

Али-Шар стал растирать ей ноги и колени и увидел, что они мягче шелка.

— Растирай выше,— сказала царица.

Но Али-Шар ответил:

— Прощенье, владыка! Дальше колена я не пойду!

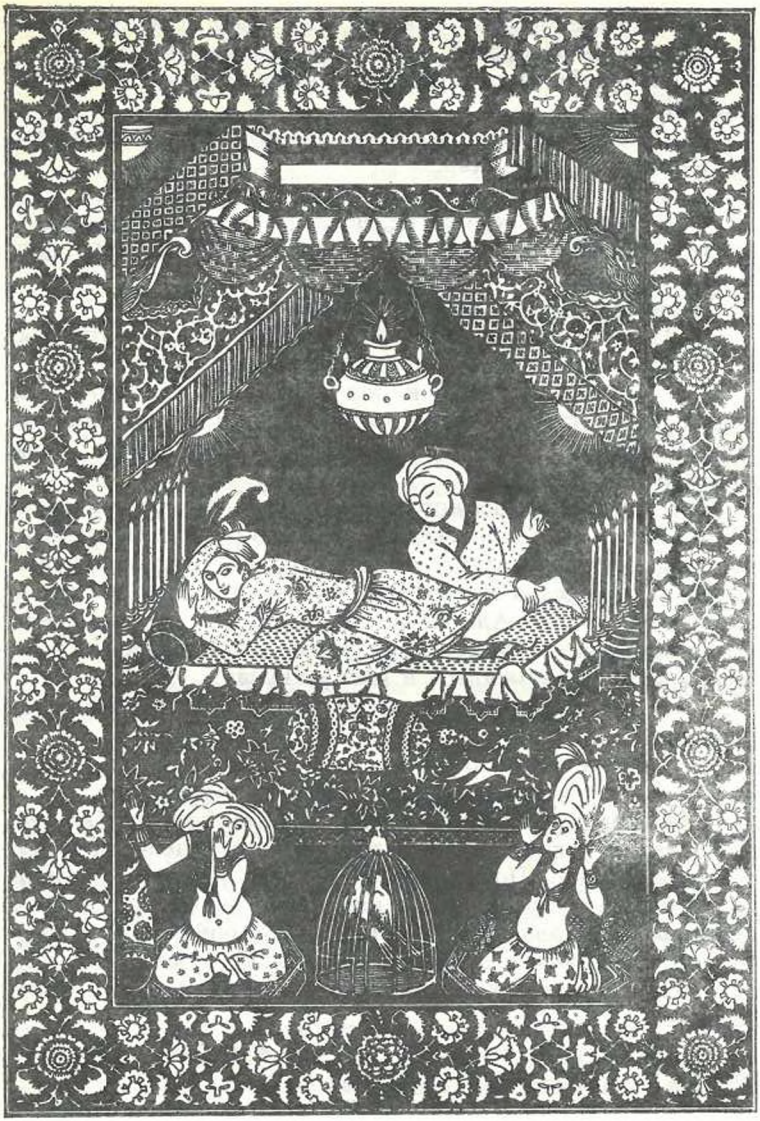
— Ты мне противоречишь? Это будет для тебя злосчастная ночь,— сказала царица...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 327-я

Когда же триста двадцать седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Зумурруд сказала своему господину Али-Шару:



— Ты мне противоречишь? Это будет для тебя злосчастная ночь! Напротив, тебе надлежит мне повиноваться, и я сделаю тебя моим возлюбленным и назначу эмиром из эмиров.

— О царь времени, в чем я должен тебе повиноваться? — спросил Али-Шар.

— Сними одежду и ляг ничком.

— Этого я в жизни не делал и не хочу делать,— сказал Али-Шар.— Возьми у меня все, что ты мне дал, и позволь уйти из твоего города.

И он заплакал, а царица сказала ему:

— Снимай одежду и ложись ничком, иначе я отрублю тебе голову.

Али-Шар сделал это, и она легла ему на спину. Он почувствовал что-то мягкое, мягче шелка и нежнее сливочного масла, и сказал про себя: «Этот царь лучше всех женщин».

Она побыла так немного с ним и вновь опрокинулась на спину. Затем она положила на себя его руку, и оказалось, что под рукой — нечто нежнее шелка, напоминающее своим жаром баню или сердце влюбленного, которого изнурила страсть. И Али-Шар подумал: «Вот дивное диво!» И к нему пришла страсть, и он сильно взволновался. Увидя это, Зумурруд засмеялась и воскликнула:

— О господин мой, неужели ты до сих пор меня не узнаешь?

— Кто же ты, о царь? — спросил Али.

— Я твоя невольница Зумурруд,— отвечала она.

Али-Шар обнял ее и поцеловал, а затем бросился на нее, как лев на овцу, и убедился, что это действительно его невольница. После этого он стал привратником и имамом в ее михрабе. Она с ним клала поясные и земные поклоны, и вставала, и садилась, и сопровождала славословия вскриками и движениями. Евнухи пришли посмотреть из-за занавесок и увидели, что царь лежит с Али-Шаром.

— Может быть, этот царь — женщина?— сказали евнухи.

Но они ничего никому не поведали о своих подозрениях.

А наутро Зумурруд послала за своими воинами и вельможами царства. Призвав их, она объявила:

— Я хочу отправиться в город этого человека; выберите себе наместника, который заменит меня, пока я не вернусь.

Затем она начала собирать все нужное для поездки —

пищу, деньги, припасы, подарки, верблюдов и мулов — и выехала из города. Вскоре она прибыла в город Али-Шара. Он вошел в свой дом и стал людей одарять, и милостыню раздавать, и дарить, и наделять, и Зумурруд подарила ему детей, и он жил с ней в наилучшей радости, пока не пришла к ним наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница. Да будет же слава вечносущему без конца и хвала Аллаху во всяком положении!

ДЖУБАЙР ИБН УМАЙР И БУДУР

Рассказывают также, о славный наш царь, милостивый государь, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид как-то ночью мучился бессонницей и все время ворочался с боку на бок от сильного беспокойства. Обессилев вконец, он призвал Масрура и сказал ему:

— О Масрур, придумай, кто бы развлек меня в эту ночь.

И Масрур ответил:

— О владыка, не хочешь ли выйти в сад поглядеть, какие там цветы, и посмотреть на звезды, как они хорошо расставлены, и на луну, отраженную в воде?

— О Масрур, не влечет мою душу ни к чему такому,— ответил халиф.

— О владыка,— молвил Масрур,— у тебя во дворце триста наложниц, и у каждой комната. Прикажи им всем уединиться в своих комнатах, а сам тайком ходи и смотри на них, но так, чтобы они не знали об этом.

— О Масрур,— сказал халиф,— моим дворцом, моими невольницами могу гордиться, но только душа моя ни к чему такому не стремится.

И Масрур молвил:

— О владыка, вели, чтобы ученые, мудрецы и стихотворцы к тебе пришли, пусть они вопросы обсуждают, говорят стихи, сказки и предания излагают. Может, сердце твое развеселится?

Но халиф отвечал:

— Ни к чему такому душа моя не стремится.

— О владыка,— сказал Масрур,— вели, чтобы слуги, сотрапезники и остроумцы к тебе пришли, пусть они тебя развлекают удивительными шутками. Может, сердце твое развеселится.

Но халиф отвечал:

— О Масрур, ни к чему такому душа моя не стремится.

И тут Масрур воскликнул:

— О владыка, тогда отруби мне голову...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 328-я

Когда же триста двадцать восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Масрур сказал халифу:

— О владыка, отруби мне тогда голову,— может быть, это прогонит твою бессонницу.

— О Масрур,— сказал ар-Рашид, засмеявшись его словам,— посмотри, кто сейчас у дверей из моих сотрапезников.

Масрур вышел и, возвратившись, сказал:

— О владыка, у двери Али ибн Мансур аль-Халии ад-Димашки.

— Зови его! — воскликнул халиф.

Когда Масрур привел ибн Мансура, тот сказал:

— Мир тебе, о повелитель правоверных!

Ответив на его приветствие, халиф молвил:

— О ибн Мансур, расскажи нам что-нибудь.

— О повелитель правоверных, рассказать тебе то, что я видел воочию, или то, что я слышал? — спросил сотрапезник.

— Если ты видел что-нибудь диковинное, расскажи нам, ибо услышанное не то, что увиденное,— отвечал повелитель правоверных.

— О повелитель правоверных,— молвил Али,— освободи для меня твой слух и твое сердце.

— О ибн Мансур, я слушаю тебя ушами, смотрю на тебя глазами и внимаю тебе сердцем,— ответил халиф.

— О повелитель правоверных,— начал свой рассказ Али,— мне на каждый год назначено жалованье от Мухаммада ибн Сулеймана аль-Хашими, султана Басры. Однажды, приехав к нему, как обычно, я увидел, что он собрался выезжать на охоту. Ответив на приветствие, он сказал:

— О ибн Мансур, поедем с нами на охоту.

— О владыка,— отвечал я ему,— нет у меня сил ехать

верхом. Приюти меня в доме для гостей и поручи придворным позаботиться обо мне.

Распорядившись об этом, он отправился на охоту, а я был удостоен наивысшего уважения и наилучшего угощения.

«О диво Аллаха! — подумал я.— Сколько раз я бывал уже в Басре и ничего не знаю в ней, кроме дороги от дворца к саду и обратно. Когда же я еще прогуляюсь по Басре, как не в этот раз?» И я сразу же надел свою наилучшую одежду и пошел гулять по городу. А тебе известно, о повелитель правоверных, что в нем семьдесят улиц, длиной каждая в семьдесят иракских фарсахов. Заблудившись в переулках, я почувствовал жажду. Я шел, о повелитель правоверных, и вдруг вижу большую дверь с двумя кольцами из желтой меди и опущенными красными парчовыми занавесками, а рядом с нею две скамьи, а над нею решетка для виноградных лоз. Я остановился и, пока стоял, я вдруг услыхал голос и стоны, исходившие из печального сердца, и голос этот, певуч и мил, такие стихи произносил:

Недугов и злых напастей вместилище плоть моя.
Виною тому газель, чей дом и вдали земля.

О ветер, ты ей скажи, что плачет моя душа,
Что не был с ней жесток, что клятв не нарушил я.

Что совесть моя чиста, что нет без нее житья,
Что только ее люблю, да розы, да соловья,

Что око мое не спит, что рана в сердце моем,
Что если прошла любовь — уйду я из бытия...

И я подумал: «Если исполнивший эту песню красив, то он соединит в себе красоту, красноречие и прекрасный голос».

Потом я подошел к двери, и стал понемногу приподнимать занавеску, и увидел белую девушку — была она, как в четырнадцатую ночь луна, со сходящимися бровями, дивными глазами и грудьми, как два граната. Уста ее были нежны и подобны ромашке, и зубы сверкали, как жемчуг. Так сказал поэт:

О жемчуг в устах любимых — отрада и красота.
Кто влагу вин и ромашку вложил в молодые уста?

Кто взял у зари улыбку, замок из коралла взял...
Как быть тому, кто целует? Раздумье и немота...

Нельзя насмотреться на ее красоту. И сказал поэт про девушку ту:

Придя, сразит она меня, тебя,
Всех сделает влюбленными в себя.

Ах, грудь ее — эдемские сады!
И месяц загрустил, ее любя...

Пока я смотрел на нее через занавеску, она вдруг обернулась и, увидев меня, сказала своей невольнице:

— Посмотри, кто у двери.

Невольница подошла ко мне и сказала:

— О старец, или у тебя нет стыда и седина тебе не мешает?

— О госпожа,— ответил я ей,— седина тут ни при чем, а что до стыда, то я не пришел с чем-то постыдным.

— А разве не стыдно врываться в чужой дом и смотреть на женщину из чужого гарема? — спросила ее госпожа.

— О госпожа, для меня есть извинение,— ответил я.

— А какое извинение? — спросила она.

— Я чужеземец, мучимый жаждой,— отвечал я.

Тогда девушка сказала:

— Мы принимаем твое извинение...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 329-я

Когда же триста двадцать девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка сказала:

— Мы принимаем твое извинение.

Затем она позвала одну из невольниц и сказала ей:

— О Лутф, дай ему выпить глоток из золотого кувшина.

Невольница принесла мне кувшин из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, полный воды, смешанной с благоухающим мускусом. Кувшин был покрыт платком из зеленого шелка. Я с наслаждением стал пить, украдкой поглядывая на девушку. Затем возвратил кувшин невольнице и продолжал стоять.

— О старец, иди своей дорогой,— сказала девушка.

— О госпожа, мои мысли заняты,— отвечал я.

— Чем же? — спросила она.

— Думами о течении времени и превратностях судьбы,— отвечал я.

— Ты имеешь на это право, ибо время дарит чудеса,— молвила девушка.— Но какое из его чудес ты увидел и что думаешь о нем?

— Я думаю о хозяине этого дома — он был моим другом при жизни,— отвечал я.

— Как его имя? — спросила она.

— Мухаммад ибн Али, ювелир,— ответил я,— и у него были большие деньги. Оставил ли он детей?

— Да, он оставил дочь, которую зовут Будур, и она унаследовала все его деньги,— отвечала девушка.

— И это ты его дочь? — спросил я.

— Да,— ответила она и засмеялась, а потом сказала:— О старец, ты заговорился, иди же своей дорогой.

— Уйду обязательно,— ответил я,— но только вижу, что твои прелести изменились. Расскажи мне о себе, может, Аллах пошлет тебе помощь через мои руки.

— О старец,— сказала девушка,— расскажи мне, кто ты, чтобы я знала, можно ли тебе доверить тайну, или нет. Сказал поэт:

Лишь тот может тайну скрыть, кто мужествен — мучь не мучь
И тайну хранит лишь тот, кто ясный, как солнца луч.

Я тайну в груди храню, как в домс, где все замки,
Печати, запоры все, к которым потерян ключ.

— О госпожа,— ответил я,— так знай — я Али ибн Мансур аль-Халии, сотрапезник повелителя правоверных Харуна ар-Рашида.

Услышав мое имя, девушка приветствовала меня и сказала:

— Добро пожаловать тебе, о ибн Мансур. Теперь я расскажу тебе о себе. Я влюблена, но судьба разлучила меня с возлюбленным.

— О госпожа,— сказал я ей,— ты красива и можешь любить только тех, кто прекрасен. Кого же ты любишь?

— Я люблю Джубайра ибн Умайра аш-Шейбани, эмира племени Шейбан,— ответила девушка и описала мне юношу, лучше которого не было в Басре.

И я спросил ее:

— О госпожа, были ли вы близки или переписывались?

— Да,— отвечала девушка,— но он любил меня только на словах, а не сердцем и душой, так как не исполнил обещания и не выполнил договора.

— О госпожа, а в чем причина вашей разлуки? — спросил я.

И девушка рассказала:

— Дело было так. Однажды я сидела, и эта невольница расчесывала мне волосы, затем она заплела мне косы и, залюбовавшись моей красотой и прелестью, нагнулась и поцеловала меня в щеку. А в это время он незаметно вошел и, увидев это, тотчас же в гневе ушел домой, намереваясь навсегда расстаться со мной. С тех пор от него не было никаких известий.

— Чего же ты хочешь? — спросил я ее.

— Я хочу послать ему с тобой письмо,— сказала она,— и если ты принесешь мне ответ, то я дам тебя пятьсот динаров, а если не принесешь ответа, за то, что ты сходил, я дам тебе сто динаров.

— Делай что хочешь,— молвил я.

Она кликнула одну из своих невольниц и попросила ее принести ей чернильницу и бумагу.

Невольница принесла все это, и девушка написала письмо. Запечатав, отдала его мне, и я пошел с ним к дому Джубайра ибн Умайра аш-Шейбани. Оказалось, что Джубайр на охоте, и я сел подождать его. Вскоре он приехал с охоты.

Когда я увидел его верхом, о повелитель правоверных, мой разум смутился от его красоты. Джубайр обернулся и увидел, что я сижу у ворот его дома. Тогда он сошел с коня и обнял меня. Мне показалось, что я обнял весь мир со всем, что в нем есть. Потом он вошел со мной в дом и посадил меня на свою постель. По его приказанию подали столик из хорасанского клена с золотыми ножками, на котором были всякие кушанья и всевозможное мясо, поджаренное на сковородке и на вертеле. Я стал внимательно разглядывать столик и увидел, что на нем написаны стихи...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 330-я

Когда же триста тридцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Али ибн Мансур говорил:

— Я стал внимательно разглядывать столик и увидел, что на нем написаны стихи.

Потом Джубайр ибн Умайр сказал:

— Протяни руку к нашему кушанью и залечи сердце, поев нашей пищи.

— Клянусь Аллахом,— ответил я ему,— я не съем ни одного кусочка, пока ты не исполнишь моей просьбы!

— Чего ты хочешь?

Я вынул письмо, и, когда Джубайр прочитал его, то тут же разорвал и бросил на землю.

— О ибн Мансур,— сказал он,— я исполню любую твою просьбу, кроме этой, которая касается написавшей письмо,— на ее послание нет у меня ответа.

Я поднялся, сердитый, а он уцепился за мой подол и сказал:

— О ибн Мансур, я расскажу тебе о том, что она тебе сказала, хотя меня и не было с вами.

— Что же она мне сказала? — спросил я.

И Джубайр ответил:

— Разве не сказала тебе написавшая это письмо: «Если ты мне принесешь от него ответ, я дам тебе пятьсот динаров, а если не принесешь, то за то, что ты сходил, дам сто динаров»?

— Да,— ответил я.

И юноша сказал:

— Сиди сегодня у меня — ешь, пей, наслаждайся и веселись и возьми себе пятьсот динаров.

И я с ним ел, и пил, и наслаждался, и веселился, и развлекал его рассказами, а потом сказал:

— О господин, нет ли в твоем доме музыки?

— Мы уже долгое время пьем без музыки,— ответил он мне. А потом позвал одну из своих невольниц: — О Шеджерет ад-Дурр!

Невольница ответила ему из своей комнаты, а у нее была лютня (изделие индусов), завернутая в зеленый шелковый чехол. Она пришла, села и, положив лютню на колени, прошлась по ней на двадцать один лад, а затем вернулась к первому ладу, грустно напевая. А песня была такая:

Любви услада манит и горчит,
Не всяк любовь от страсти отличит.

Любви дороги разные, как есть
Песок дороги и пути гранит.

Когда невольница окончила пение, ее господин закричал и упал без чувств.

— Да не взыщет с тебя Аллах, о старец! — сказала невольница.— Мы долгое время пьем без музыки, боясь, что у нашего господина будет такой припадок. Вот он и случился. Ступай в ту комнату и спи там.

Я отправился в комнату, которую она мне указала, и проспал там до утра. Вдруг пришел ко мне слуга, у которого был мешок с пятью сотнями динаров.

— Вот то, что обещал тебе мой господин,— сказал он,— но только не возвращайся к девушке, пославшей тебя, и пусть будет так, будто ни ты не слышал об этой истории, ни мы не слышали.

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал я и, взяв мешок, отправился своей дорогой, говоря про себя: «Девушка ждет меня со вчерашнего дня. Клянусь Аллахом, я не премину вернуться к ней и расскажу ей, что произошло между мною и юношей, в противном случае она станет меня бранить и бранить всякого, кто пришел из моей страны».

Я отправился к девушке и нашел ее стоящей за занавеской. Увидав меня, она спросила:

— О ибн Мансур, ты не исполнил моей просьбы?

— Кто сказал тебе об этом? — спросил я.

— О ибн Мансур,— молвила она,— я знаю еще и другое: когда ты подал ему бумажку, он разорвал ее, бросил и сказал тебе: «О ибн Мансур, я исполню все твои просьбы, кроме той, что касается писавшей это письмо,— для нее у меня нет ответа». И ты поднялся сердитый, а он вцепился в твой подол и сказал тебе: «О ибн Мансур, сиди у меня, сегодня ты мой гость. Ешь, пей, наслаждайся, и веселись, и возьми себе пятьсот динаров». И ты сидел у него, ел, и пил, и наслаждался, и веселился, и развлекал его рассказами, и невольница спела такую-то песню с такими-то стихами, и он упал без чувств.

И я спросил ее, о повелитель правоверных:

— Разве ты была с нами?

И она ответила словами:

— О ибн Мансур, разве ты не слышал строк поэта:

Влюбленные сердца имеют очи —
Сквозь дали видят, видят среди ночи.

Но только, о ибн Мансур, ночь и день сменяют друг друга, ничего не меняя...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста тридцать первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка сказала:

— Но только, о ибн Мансур, ночь и день сменяют друг друга, ничего не меняя.

Потом она подняла глаза к нему и сказала:

— Боже мой, и господин, и владыка, как ты испытал меня любовью к Джубайру ибн Умайру, так испытай его любовью ко мне, если даже любовь перейдет из моего сердца в его сердце.

Затем она дала мне сто динаров за мой путь, я пошел к султану Басры и увидел, что тот уже приехал с охоты. Я взял у него положенное и вернулся в Багдад.

На следующий год я опять отправился в Басру, чтобы получить, как обычно, положенное мне жалованье, и султан дал мне его. Когда же я хотел возвратиться в Багдад, я стал размышлять о девушке Будур.

«Аллахом клянусь, я непременно к ней пройдусь и узнаю, что произошло у нее с ее другом»,— решил я.

Я пришел снова к ее дому и увидел, что у ворот подметено и полито и стоят слуги, челядь и прислуга, и подумал: «Быть может, тоска девушки перелилась через край и она умерла? И поселился в ее доме эмир из эмиров?»

И я пошел к дому Джубайра ибн Умайра аш-Шейбани и увидел, что скамьи перед ним обвалились, и не нашел возле его дома слуг, как обычно. Тогда подумал, что он, возможно, умер. И я стал у ворот его дома и принялся слезами оплакивать дом такими словами:

Владыки уехали — и чувства им вслед бегут.
Вернитесь, любимые,— я праздновать буду тут.

Стою я у ваших врат, у врат, душе дорогих,
И льется слеза моя, и веки друг друга бьют.

Вдруг ко мне из дома бросился черный раб и воскликнул:

— О старец, замолчи, да лишится тебя твоя мать! Что это ты оплакиваешь этот дом?

— Я знал, что он принадлежал одному из моих друзей,— ответил я.

— А как его имя? — спросил негр.

— Джубайр ибн Умайр аш-Шейбани,— ответил я.

— А что же с ним случилось? — воскликнул негр.— Слава Аллаху, он по-прежнему богат, и благоденствует, и властвует, но только Аллах испытал его любовью к девушке, которую зовут Ситт Будур, и он заполнен любовью к ней и от сильной страсти подобен большому брошенному камню. Если он проголодается, то не говорит: «Накормите меня»,— а если захочет пить, не говорит: «Напоите меня».

— Попроси для меня разрешения войти к нему,— сказал я.

И раб ответил:

— О господин, войдешь ли ты к тому, кто в здравом уме, или к тому, кто лишился ума?

— Я непременно войду к нему при всех обстоятельствах! — сказал я.

Раб пошел в дом испросить позволения, а потом вернулся ко мне с разрешением. И я вошел к Джубайру и увидел, что он подобен брошенному камню и не понимает ни знаков, ни объяснений. Я заговорил с ним, но он не отвечал, а один из слуг его сказал мне:

— О господин, если ты помнишь какие-нибудь стихи, скажи их ему и возвысь голос, тогда он очнется и разговор начнется.

И я произнес такие стихи:

Позабыл ли ты нежную Будур, иль помнишь любовь свою?
Сладко ночью спишь иль бессонница мучит душу твою?

Если струей изобильною льются слезы твои,
Непременно знай, что поселишься ты навек в раю.

Услышав это стихотворение, Джубайр открыл глаза и сказал:

— Добро пожаловать, о ибн Мансур!

— О господин,— спросил я,— есть ли у тебя просьба ко мне?

— Да,— отвечал Джубайр,— я хочу написать ей письмо и отправить его с тобою. Если ты принесешь мне ответ, у меня будет для тебя тысяча динаров, а если не принесешь ответа, у меня будет для тебя за то, что ты ходил, двести динаров.

Я ответил:

— Делай, что тебе нужно!..

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста тридцать вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, ибн Мансур сказал:

— Делай, что тебе нужно!

Джубайр позвал одну из своих невольниц и сказал:

— Принеси мне чернильницу и бумагу!

Когда та принесла ему все, что Джубайр просил, он такие стихи начертил:

Аллахом молю, владыка, будьте помягче со мной.
Из-за любви великой ум улетучился мой.

Любовь та мной овладела всесильно и навсегда,
В болезни меня одела, в юдоли живу земной.

Потом запечатал письмо и подал мне, а я взял его и отправился к дому Будур. Подойдя, стал приподнимать занавеску и увидел десять невольниц, высокогрудых дев, подобных лунам. Госпожа Будур сидела между ними, точно месяц среди звезд или солнце, вышедшее из облаков, и не было у нее в глазах ни мучений, ни страданий. Увидев, что я стою у дверей, она сказала:

— Приют и уют!

Я вошел, и приветствовал Будур, и показал ей письмо. Прочитав его, девушка засмеялась:

— О ибн Мансур, поэт не солгал, когда сказал:

Поистине, все выдержу, любя,
Пока не явится посланник от тебя.

О ибн Мансур, я напишу для тебя ответ, чтобы тот человек дал тебе обещанное.

— Да воздаст тебе Аллах благом! — сказал я.

И она позвала одну из своих невольниц и попросила принести ей чернильницу и бумагу. Затем девушка Джубайру такие стихи написала:

Обет я соблюдаю и сейчас...
Обидели меня в тяжелый час,

С жестокостью пошли вы на разрыв,
И в мир пошло предательство от вас.

— Клянусь Аллахом, о госпожа,— он будет жив лишь до тех пор, пока не прочитает эту записку! — воскликнул

я, бумажку разорвал и девушке сказал:— Напиши стихи другие.

— Слушаю и повинуюсь! — ответила она и написала такие:

Утешилась, забыла про печаль.
Мой сладок сон, мне прошлого не жаль.

Ах, «отдаленье — горечь»! Ничего,
Мне даль на вкус — как сахар, как миндаль.

Утешилась, забыла вас навек —
Пусть знают сплетник, клеветник и враль!

— Клянусь Аллахом, о госпожа, он еще не дочитает это письмо, как душа его расстанется с телом! — воскликнул я.

И девушка спросила:

— О ибн Мансур, разве страсть дошла до такого предела, что ты сказал то, что сказал?

— Если бы я сказал и больше, это была бы правда, умение прощать — черта благородных,— ответил я.

Глаза ее наполнились слезами, и она написала ему записку (клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, ни одна любовница, ни одна жена не умеет писать так хорошо, как она!), в которой были такие стихи:

Что мы расстались — не моя вина.
Завистников, клянусь, злоба темна.

Скажи, о чем, о чем тебе наврали?
Я, может, лишь совсем чуть-чуть грешна.

Хотела бы, любимый, положить
Тебя для век и глаз на месте сна!

Пила я чашу чистую любви...
Не укоряй, что без вина хмельна.

Окончив писать письмо...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 333-я

Когда же триста тридцать третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, окончив писать письмо и запечатав его, Будур подала его мне.

И я сказал:

— О госпожа, поистине, это письмо исцелит больного и утолит жажду.

Я взял письмо и вышел. Девушка кликнула меня и сказала:

— О ибн Мансур, скажи ему: «Она сегодня вечером твоя гостья».

Я обрадовался и пошел с письмом к Джубайру ибн Умайру. Войдя к нему, увидел, что глаза его устремлены на меня в ожидании. И я подал ему записку. Он развернул ее, прочитал и, издав крик, упал без памяти. Очнувшись, спросил меня:

— Скажи, друг мой, она написала эту записку своей рукой?

— О господин, а разве люди пишут ногами? — отвечал я.

И, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, мы с ним не закончили еще своего разговора, как уже услыхали звон ее ножных браслетов в проходе, когда она входила. Увидав ее, Джубайр поднялся на ноги, словно совсем не испытывал страданий, и обнял ее, как лям алиф обнимает. И оставила его слабость тех, кто власть над собою теряет. Потом он сел, а она не села, и я спросил ее:

— О госпожа, почему ты не садишься?

— О ибн Мансур, я сяду лишь тогда, когда будет исполнено условие, которое есть между нами.

— А что это за условие? — спросил я.

— Тайны влюбленных не узнает никто,— девушка отвечала и затем на ушко Джубайру что-то прошептала.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил тот.

Затем Джубайр поднялся и стал шептаться с одним из своих рабов. Раб исчез ненадолго и вернулся вместе с кади и двумя свидетелями. Джубайр принес мешок со ста тысячами динаров и сказал:

— О кади, заключи мой договор с этой женщиной при приданом в таком-то количестве.

— Говори: «Я согласна на это»,— сказал ей кади.

— Я согласна на это,— ответила она.

И договор заключили.

Тогда девушка развязала мешок и, захватив полную пригоршню, дала денег кади и судьям, а потом подала Джубайру мешок с оставшимися деньгами. Кади со свидетелями ушли, а я просидел с ним и с нею, веселясь и развлекаясь, пока не прошла большая часть ночи. Тогда я сказал себе: «Они влюбленные и провели долгое время

в разлуке — я должен сейчас оставить их наедине друг с другом».

И я поднялся, но Будур уцепилась за мной подол и спросила:

— Что сказала тебе твоя душа?

— То-то и то-то,— ответил я.

— Сиди, а когда мы захотим, чтобы ты ушел, мы тебя отпустим,— сказала она.

И я просидел с ними всю ночь, и тогда сказала она:

— Ступай в ту комнату, там твое ложе, твое место сна.

И я пошел и проспал там до позднего утра, а когда проснулся, мне слуга принес кувшин и таз, и я совершил омовение и утренний намаз. В это время Джубайр и его возлюбленная вышли из бани, выжимая кудри. Я пожелал им доброго утра и поздравил их с благополучием и пребыванием вместе и сказал ему:

— Это начинается с условия и кончается согласием.

— Ты прав, и тебе надлежит оказать уважение,— ответил он.

Затем он кликнул своего казначея, чтобы тот принес мешок с тремя тысячами динаров, и Джубайр сказал мне:

— Сделай нам милость, приняв это.

— Не приму,— отвечал я,— пока ты мне не расскажешь, как любовь перешла от нее к тебе после такой большой разлуки.

— Слушаю и повинуюсь,— отвечал он.— Знай, что у нас есть праздник, который называется праздник новолетий, и в этот день все люди выходят, садятся в лодки и катаются по реке. Я выехал с друзьями прокатиться и увидел лодку с десятью невольницами, подобными лунам, и Ситт Будур сидела среди них, и с ней была ее лютня. Она ударила по ней на одиннадцать ладов, а затем вернулась к первому ладу, мелодию повела и стихи произнесла:

Я в сердце жар огня сильнее нес.
Владыки сердце тверже, чем утес.

Как камень — сердце, тело ж из воды.
Ну как царя создали? Вот вопрос...

Я попросил ее: «Повтори двустишие и напев»,— но она не согласилась...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста тридцать четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Джубайр рассказывал:

— Повтори двустишие и напев,— сказал я девушке. Но она не согласилась, и тогда я велел матросам забросать ее апельсинами, и они стали бросать, так что мы даже испугались, что ее лодка потонет. Вскоре она уехала своей дорогой, а любовь из ее сердца перешла в мое.

Я поздравил их обоих с тем, что они вместе, взял свой мешок и отправился в Багдад.

И расправилась грудь халифа, и прошли мучившие его бессонница и стеснение в груди.

ШЕСТЬ НЕВОЛЬНИЦ

Рассказывают, что однажды повелитель правоверных аль-Мамун призвал к себе во дворец всех своих приближенных, а также стихотворцев и сотрапезников. И был среди них Мухаммад аль-Басри. Аль-Мамун обратился к нему с такими словами:

— О Мухаммад, я хочу, чтобы ты рассказал мне что-нибудь такое, чего я никогда не слышал.

— О повелитель правоверных, хочешь ли ты, чтобы я рассказал тебе о том, что я слышал, или о том, что я видел? — спросил Мухаммад, и аль-Мамун ответил:

— Расскажи мне, Мухаммад, о самом удивительном.

— Знай, о повелитель правоверных,— сказал тогда Мухаммад,— что жил когда-то в Йемене в полном благополучии один человек, но потом он переехал в наш Багдад. Ему здесь понравилось, и он перевез сюда свое имущество, родных, жену свою и всю семью. У него было шесть невольниц, подобных лунам: первая — белая, вторая — коричневая, третья — упитанная, четвертая — худощавая, пятая и шестая — черные, и все они были красивы и образованны, умели петь и играть на музыкальных инструментах. В какой-то день он невольниц к себе призвал, подать кушанье приказал. Наполнив кубок, он сделал знак белой невольнице и сказал:

— О ты, словно луна нова, дай нам услышать сладостные слова.

Она взяла лютню, настроила ее и стала повторять на ней мелодии, пока помещение не поплыло, как лодия, а потом напев завела и стихи произнесла:

Милый уехал, но вижу его все равно,
Имя шепчу его — в сердце моем лишь оно.

Вспомню его: все во мне — сердце одно.
Вижу его: все во мне — око одно.

Господин пришел в восторг, выпил свой кубок и дал выпить невольницам, а потом снова наполнил чашу и, сделав знак коричневой невольнице, сказал:

— О факела свет, лучше дыхания нет, дай нам послушать твой прекрасный голос!

И она взяла лютню и повторила напевы, пока весь зал не возликовал, сердце взглядом взяла и стихи произнесла:

Других любить не буду никогда,
Тебе лишь верной буду я всегда.

Все славные под знаменем твоим,
Ты полный месяц, прелесть молода.

Господин пришел в восторг, выпил свою чашу и наполнил чаши невольниц, а потом снова наполнил кубок и, сделав знак упитанной невольнице, велел ей петь, напевы перебирая. И невольница взяла лютню, запела, играя, и голос ее прогонял печали, и такие стихи прозвучали:

О мой желанный, если ты простил,
Что люди мне, которых рассердил!

Что мне заботы всех царей земли!
Твой лик прекрасен, он мне только мил.

Господин пришел в восторг, выпил свой кубок, напоил невольниц, а потом снова наполнил чашу и, сделав знак худощавой невольнице, сказал:

— О гурия садов, дай нам послушать прекрасные слова про любовь!

И она лютню взяла, настроила ее, напевы перебрала и такие стихи прочитала:

Зачем оставил ты меня, родной?
В печальный час расстался ты со мной.

Рассудит нас в любви Аллах, клянусь,
О, справедлив Аллаха суд святой!

Господин снова наполнил кубок и, взяв его в руки, сделал знак желтокожей невольнице и сказал:

— О солнце дней, порадуй нас нежной песней своей!

И она лютню взяла и, ударив по струнам, стихи произнесла:

Я милому являюсь. Каждый раз
Он обнажает меч жестокий глаз.

Душа моя стремится лишь к нему,
Душа мягка, но дух мой — как алмаз!

Господин пришел в восторг, выпил и напоил невольниц, а затем наполнил чашу и, сделав знак чернокожей невольнице, сказал:

— О чернота очей, порадуй нас песней своей.

И она взяла лютню, настроила ее, ударила по струнам, прошлась на много ладов, вернулась к первому ладу и запела про любовь:

Моя слеза лишь горечи полна.
В любви я жизнь утратила сполна.

С великой страстью к милому борюсь,
Но только ей опять побеждена.

Хулитель не дает мне роз ланит,
Но в розы все равно я влюблена.

И музыка, и лютня, радость здесь,
Здесь ходят чаши, полные вина.

Любимый, милый мой ко мне пришел —
Звезда надежды, счастья нам видна!

После этого рабыни встали, поцеловали землю меж рук их господина и сказали:

— А теперь, о господин, рассуди, кто из нас лучше.

Он посмотрел на их красоту, прелесть и цвет и прославил Аллаха великого на весь свет. И сказал:

— Каждая из вас читала Коран и научилась напевам разных стран, знает о древних преданиях, народов минувших истории-страдания, и я хочу, чтобы каждая из вас поднялась и восхвалила себя, порицая свою подругу. И пусть для этого будут использованы тексты и что-нибудь из стихов и преданий, чтоб мы увидели глубину ваших знаний и красоту ваших речей.

Невольницы ответили ему:

— Слушаем и повинуемся!

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 335-я

Когда же триста тридцать пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, после речи господина встала первая невольница — белокожая — и, указав на черную, сказала:

— Горе тебе, о черная! Известно, что белизна говорила: «Я заря блестящая, свет мой ясен, цвет мой прекрасен». Поэт сказал, когда красоту мою увидал:

Она такая нежная, бела,
Жемчужина, что спрятана была.

Дуга ее бровей — как будто лук,
И кажется, что взгляд ее — стрела.

Мой цвет подобен дню счастливому, цветку красивому, звезде, что отражается в воде.

И сказал Аллах пророку своему Мусе: «Положи руку себе за пазуху, она выйдет белою, без вреда». И сказал Аллах великий: «А что до тех, чьи лица побелеют, то в милости Аллаха они и пребывают в ней вечно». Цвет мой — чудо и прелесть моя, предел, красота моя — совершенство, всяк убор мне хорош, и стремятся души ко мне, в блаженство. Много достоинств таит белизна — ведь снег нисходит с небес белым, и лучший из цветов — белый, и мусульмане гордятся белыми тюрбанами, и если припоминать все, что сказано белизне во славу, изложение затянулось бы, право. Теперь я начну порицать тебя, о цвет чернил, и сажи кузнеца, и ворона лица, ты людям не мил — сколько влюбленных разлучил! Сказал поэт, белизну восхваляя, черноту порицая:

Ах, жемчуг дорог нам за белый цвет.
На уголь черный цен высоких нет.

И лица белые вступают просто в рай,
Для черных лиц котел в аду нагрет...

И рассказывается в одном из преданий, лучших людей сказаний, что Нух — мир с ним! — заснул в какой-то день недели, а дети его — Сам и Хам — у его изголовья сидели. И набежал ветер, и приподнял одежды Нуха, и открылась его срамота. Хам посмотрел на него, засмеялся и не прикрыл его, а Сам поднялся и прикрыл. Когда отец пробудился ото сна и узнал, что совершили его

сыновья, он благословил Сама и проклял Хама. И побелело лицо Сама, и произошли от него все пророки, и халифы, и цари. А лицо Хама почернело, и он убежал в страну абиссинцев, и пошли от потомков его чернокожие. И все люди согласны с тем, что мало ума у черных и не зря говорят: «Как найти разумного среди черных?»

И господин сказал невольнице:

— Садись, этого достаточно, ты превзошла меру!

Потом он сделал знак черной, она поднялась и, указав рукой на белую, молвила:

— Разве не знаешь ты слов Аллаха великого, содержащихся в Коране: «Клянусь ночью, которая все скрывает, и днем, который сияет!» Если бы ночь не была достойнее дня, Аллах не поклялся бы ею и не поставил бы ее впереди дня — проницательные и прозорливые поддерживают меня. Разве не знаешь ты, что черный цвет — украшение юности, а когда появится седина, то уходят наслаждения, приближаются смерть и мучения? И если бы не была чернота достойнее всего, не поместил бы ее Аллах в сердцах и глазах. А разве плохи такие стихи:

Люблю коричневых — цвет молодости в них,
Сердец там зерна и очей людских,

О белизна, о саван, седина —
Всегда боюсь, бояться буду их.

К тому же, разве не лучше всего встречаться влюбленным ночью? Довольно с тебя этого преимущества, ночи могущества. Ничто так не укрывает влюбленных от сплетников и злых людей, как чернота ночей, и ничто так не заставляет их бояться позора, как белизна утра, когда сплетня хитра. Сколько у черноты преимущества, и как хороши слова поэта про это:

Я к ним иду, и ночи мрак — ходатай мой.
От них иду, и белизна зари — предатель мой.

И слова другого:

Нет, белых, толстых, жирных не хвалю,
Но черных, тонких, стройных я люблю.

Другие выступают на слонах,
Я резвого коня подать велю.

И если бы я стала вспоминать все преимущества черного цвета, изложение имело бы долгое продолжение. А что до

тебя, о белая, то твой цвет — цвет проказы, и сближение с тобой — горечь, есть о том рассказы, что град и стужа в геенне, чтобы мучить людей дурных. А в числе достоинств черноты то, что из нее получают чернила, которыми пишут слова Аллаха. И если бы не чернота мускуса и амбры, благовония царям бы не доставляли и о них бы не упоминали.

И ее господин сказал ей:

— Садись, этого достаточно!

Невольница села, и он сделал знак упитанной, и та поднялась...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 336-я

Когда же триста тридцать шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, господин невольниц сделал знак упитанной невольнице, она поднялась и, указав рукой на худощавую, открыла свои голени и кисти рук и обнажила свой живот, так что стали видны его складки и показалась округлость пупка. Затем она надела тонкую рубашку, через которую было видно все ее тело, и сказала:

— Слава Аллаху, который сотворил меня красивой и полной. Слава ему за то, что он почтил меня, упомянув в своей книге великой и привел упитанного тельца. Слава ему, что я — словно сад, где много слив и гранат. Горожане любят жирных птиц, а не тощих, и сыны Аллаха любят жирное мясо. Немало бы преимуществ упитанности я еще насчитала, немало бы стихов прочитала.

Я не слышала, чтобы кто-нибудь потребовал у мясника нежирного мяса. Сказали мудрецы: «Наслаждение в трех вещах — есть мясо, ездить верхом на мясе и входить мясом в мясо. А ты, о сухопарая, твои ноги — точно ноги воробья или старая кочерга, ты крестовина распятого и мясо проклятого, и нет в тебе ничего, радующего ум и зрение, как говорит о тебе стихотворение:

Аллах, спаси,— ну что за благодать
С худой, как щепка, женщиной лежать!

Ее все члены — будто бы рога:
Во сне меня способны забодать!

И ее господин сказал ей:

— Садись, этого достаточно!

И она села. И господин сделал знак худощавой, и та поднялась, подобная ветви ивы, или трости бамбука, или стеблю базилика, и сказала:

— Аллах великий, спасибо, что сотворил меня прекрасной и сделал близость со мною радостью неземною, уподобил меня ветви деревца, к которой склоняются сердца! Когда я встаю, то встаю легко, а когда сажусь, то сажусь изящно; я легкомысленна, и душе моей приятно веселье. Когда женщина описывает возлюбленного, то никогда не говорит она: «Мой милый величиной со слона». И не говорят: «Он подобен горе, широкой и длинной». А говорят только: «У моего любимого стройный стан, и он высок ростом». Немного пищи мне нужно, и немного воды для утоления жажды. Мои игры легки и шутки остроумны, я легче скворца и живее воробья, близости со мной желает любой, мой рост чудесный, мой смех прелестный, игривый, точно ветка ивы. Из-за подобных мне безумствуют влюбленные и впадает в смущение тоскующий. А ты, о жирная телом,— ты ешь, как слон, и никогда не насыщаешься. Какая красота в твоей толщине и какая в твоей грубости тонкость и мягкость? Жирное мясо хорошо только на убой, и никто не хвалится тобой. Если с тобою кто-нибудь шутит, ты сердишься, а если с тобою играют,— печалишься. Заигрывая, ты сопишь, а когда спишь — храпишь, а когда ешь — не можешь насытиться. Ты тяжелее горы и безобразнее горя, нет в тебе движения и благословения, и только и можешь ты, что есть и спать. Ты точно надутый бурдюк или индюк, неповоротлива, как слон, уродлива, как он, и, когда идешь в дом уединения, то хочешь, чтобы кто-нибудь помыл тебя и выщипал на тебе волосы, а это предел лени. Ничего похвального в тебе нет, как сказал поэт:

Как будто бурдюк надутый, она грузна,
Бедра тяжелы, словно ноги слона.

Летит на восток тот взор, который она несет,
Когда в западных землях кичливо идет она...

И господин остановил ее:

— Садись, этого достаточно!

Она села, а он сделал знак желтой невольнице, и та поднялась на ноги и восхвалила Аллаха великого

и произнесла молитву, а затем она рукой на коричневую невольницу указала и ей сказала...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 337-я

Когда же триста тридцать седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, желтая невольница рукой на коричневую указала и ей сказала:

— Я восхвалена в Коране, мой цвет Пророк описал и ему преимущество над всеми цветами дал, когда сказал — велик он! — в своей книге: «Желтая, чист ее цвет, и радует он взирающих...» Это чудо мое и красота, ибо это цвет динара, цвет звезд и светил, и цвет яблока, и образ всем мил. Образ мой — образ прекрасных цвета шафрана, превозносящегося над всеми цветами, и образ мой восхитительный, и цвет мой удивительный. Я мягка телом, нежна душой и дорога ценой. Во мне преимуществ — как звезд в небесах, о подобной мне сказано в стихах:

Ее желтизна блестит — как солнца прекрасный свет,
Ее удивительный цвет — как будто динара цвет.

Ее желтизна — словно в небе весеннем луна,
Не выразит нам шафран ее красоты, о нет!

Теперь я стану порицать тебя, о коричневая цветом! Твой цвет — буйвола цвет, в этом удовольствия нет, и если есть твой цвет в какой-нибудь вещи, красавица, то она никому не нравится, а если он в кушанье, то отравлено оно. Твой цвет — цвет мух, а он отвратителен, как собачий дух. Этот цвет приводит в смущенье и огорченье. И я никогда не слыхала, чтобы было коричневое золото, или жемчуг, или рубин. Оттенок твоего цвета бывает разный, но всегда безобразный, ты не черная, которую знают, и не белая, которую воспевают, у тебя никаких преимуществ нет, как сказал о тебе поэт:

Вот цвет ее — цвет пыли на ветрах,
Как тот, что облепляет ноги, прах.

Как только на нее (хоть бегло!) посмотрю,
Усилятся печали, боль в глазах.

И ее господин сказал:

— Садись, этого достаточно!

И она села. Господин ее сделал знак коричневой невольнице — а она обладала необыкновенной прелестью и красотой. Она была высока, соразмерна, всем примерна. Ее мягкое тело блестело, а волосы — как уголь. Была она телом стройна, с насурмленными глазами, розовыми овальными щеками, изумительным лицом, поразительным языком...

И сказала она:

— Слава Аллаху, который не сделал меня ни жирной и порицаемой, ни тощей, аж проницаемой, ни белой, как проказа, ни желтой, как страдающий от колик, ни черной даже — цвета сажи, но, уверилась сама, сделал мой цвет любимцем обладателей ума. Все поэты в стихах славят коричневых на всех языках, говорят, что лучшего нет, чем их цвет. От Аллаха дар того, кто в восхищении от цвета моего:

Кто смуглого мне вернет, чьи члены, как копья, стройны!
Тоскуют его глаза, шелковистые кудри нежны.

Пребывает он, смуглый, в сердце влюбленном всегда,
В него, молодого, красавицы все влюблены.

Мой образ чудесный и стан мой прелестный, цвет мой желанен для царей, мил для богатых и нищих, для всех людей. Я прекрасна, тонка, изящна, легка, нежна телом и душой и дорога ценой, во мне завершились изящество, очарование и образование. Мой образ красив, язык мой красноречив, мои шутки тонки, мои игры легки. А ты подобна мальве у ворот аль-Лук — вся в жилах, желтая, как лук. Пропади ты, о горшок мясника, ржавчина медного котелка и ржавчина на траве, о видом подобная сове! Тому, кто лежит с тобой, тесно дышать и весной, и он как будто в могиле погребен, у тебя в красоте преимуществ нет, как сказал о подобной тебе поэт:

Слишком желта она, хотя она не больна.
Стесняет мне грудь она, болят голова и спина.

Бывает, что прихожу голодный или хмельной,
Целую ту женщину я, и зубы мне рвет она...

— Довольно, садись! — остановил ее господин...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 338-я

Когда же триста тридцать восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, господин остановил последнюю невольницу, а после того он невольниц помирил, в роскошные одежды одел и им подарил камни дорогие, земные, речные и морские, и не видел я, о великий султан, никогда ни в одной из стран никого, краше этих прекрасных невольниц.

Когда аль-Мамун услышал эту повесть от Мухаммада аль-Басри, он спросил у него:

— О Мухаммад, знаешь ли ты, где эти невольницы и их господин? Можешь ли ты купить их для нас?

— О повелитель правоверных, мне известно,— ответил Мухаммад,— что он влюблен в них и не может с ними расстаться.

— Захвати для их господина по десять тысяч динаров за каждую девушку (а всего это составит шестьдесят тысяч динаров) и отправляйся к нему, чтобы купить у него невольниц,— сказал аль-Мамун.

И Мухаммад аль-Басри взял у него эти деньги и отправился в путь. Прибыв к господину невольниц, он сказал ему, что повелитель правоверных желает купить у него этих девушек за столько-то.

Йеменец согласился их продать в угоду повелителю правоверных и отослал невольниц к нему. Когда те прибыли, он приготовил для них прекрасные покои и с удовольствием проводил с ними время. Девушки разделяли трапезу халифа, а он дивился их красоте, прелести и разнообразию, их прекрасным речам. Так они побыли у него некоторое время, пока их первый господин не затосковал о них и не послал письмо повелителю правоверных аль-Мамуну, где жаловался ему на то, как его сердце от любви к невольницам дрожало. И письмо такие стихи содержало:

Шесть прекрасных похитили душу мою —
И в тоске я не ем, и в тоске я не пью.

Мне и зренье, и слух они, в них моя жизнь.
А без них в горе, в горести песни пою.

Когда письмо попало в руки халифа аль-Мамуна, он облачил девушек в роскошные одежды, дал им шестьдесят тысяч динаров и отослал назад к их господину. Когда они

прибыли домой, тот обрадовался им больше, чем деньгам. И жил он с ними наилучшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучница собраний.

ХАРУН АР-РАШИД И НЕВОЛЬНИЦА

Рассказывают, что повелитель правоверных халиф Харун ар-Рашид в какую-то ночь испытал беспокойство тяжелое и впал в раздумье невеселое. Он поднялся с ложа и стал ходить по своему дворцу. Дойдя до одной из комнат, приподнял занавеску и увидел на возвышении ложе, а на нем очертания спящего человека, справа и слева от которого было по свече. Халиф удивился. И вдруг он увидел бутыль, наполненный старым вином, и чашу рядом с ним. Приблизившись к ложу, он обнаружил в нем спящую девушку, закрывшуюся своими волосами. Халиф открыл ее лицо, и оказалось, что оно подобно луне в ночь ее полноты. Тогда халиф наполнил чашу вином и выпил его за ланиты девушки, подобные розам, затем он склонился к ней и поцеловал родинку на ее лице. Девушка пробудилась ото сна и сказала:

— Друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?

Халиф ответил:

— Это стучится гость, пришедший к вам в стан, чтобы до зари вы приняли его.

— Хорошо, зрение мое и слух мой — твои!

Затем она подала вино, и они выпили вместе, а потом она взяла лютню, настроила ее, и прошлась по струнам на двадцать один лад, и, вернувшись к первому ладу, напев повела и стихи произнесла:

Язык любви говорит, что я в тебя влюблена,
И слезы мои бегут, и страсть моя так сильна!

Свидетель есть у меня, недуг изъясняет мой,
Трепещет моя душа, ведь раненая она.

Окончив стихотворение, девушка сказала:

— Я обижена, о повелитель правоверных...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста тридцать девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка сказала:

— Я обижена, о повелитель правоверных.

— А почему? И кто тебя обидел?

И девушка ответила:

— Твой сын уже давно купил меня за десять тысяч динаров и хотел подарить меня тебе, но дочь твоего дяди послала ему упомянутые деньги и велела запереть меня от тебя в этой комнате.

— Пожелай от меня чего-нибудь,— сказал халиф.

И невольница ответила:

— Я желаю, чтобы ты был у меня завтра вечером.

— Если захочет Аллах,— молвил халиф и оставил ее.

Когда же наступило утро, он послал за Абу-Новасом, но не нашел его. Тогда он повелел одному царедворцу спросить о нем. Царедворец узнал, что Абу-Новас задержан в винной лавке, где он истратил тысячу дирхемов на кого-то из безбородых. И царедворец спросил Абу-Новаса, что с ним. Тот поведал о том, что произошло у него с безбородым красавцем, на которого он истратил эту тысячу дирхемов.

— Покажи мне его,— сказал царедворец,— и если он этого заслуживает, то ты прощен.

— Подожди, ты сейчас его увидишь,— отвечал Абу-Новас.

Пока они разговаривали, этот безбородый вдруг вошел к ним. На нем была белая одежда, а под ней красная, а под ней еще черная, и, когда Абу-Новас увидел его, то начал вздыхать и стихи читать:

В рубашке белой он ко мне пришел,
Зрачки и веки томными я счел.

«Вошел ты без привета,— я сказал.—
Один привет,— и я бы весь расцвел».

Он молвил: «Бесконечно Бог творит.
Зачем для спора время ты нашел?

И то бело, и то бело, и то —
Мой лик, и счастье, и одежды шелк».

Когда безбородый услышал эти стихи, он снял белую одежду. Абу-Новас высказал большое удивление и прочитал стихотворение:

Явился он — цвел на рубашке мак.
Хотя зовется другом, он — мой враг.

«Рубашку красил кровью — я спросил,—
Или одел румянец щеки так?»

Он молвил: «Солнце мне ее дало,
Когда заря рассеяла мой мрак.

Рубашка — словно щеки и вино:
То мак под маком, то над маком мак».

Когда Абу-Новас окончил свое стихотворение, безбородый снял красную одежду и остался в черной. Увидев это, Абу-Новас стал на него быстрые взгляды бросать и такие стихи читать:

В рубашке черной он придти посмел,
Стал пред рабами и во мрак глядел.

Я молвил: «Без привета ты вошел,
Шлют недруг и завистник тучи стрел.

И то черно, и то черно, и то —
Твоя рубашка, кудри, мой удел».

Когда царедворец услышал это, он понял состояние Абу-Новаса и его страсть. Вернувшись к халифу, он рассказал ему обо всем. Халиф велел принести тысячу дирхемов и приказал царедворцу, вернувшись к Абу-Новасу, отдать за него деньги и освободить его от залога. И царедворец освободил его и отправился с ним к халифу. Когда Абу-Новас встал перед ним, халиф попросил его:

— Скажи мне стихи, где будет строка: «Аллаха друг, что здесь произошло?»

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных! — ответил Абу-Новас.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 340-я

Когда же триста сороковая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, халиф сказал Абу-Новасу:

— Убей тебя Аллах, ты как будто присутствовал при этом вместе с нами!

Затем халиф взял его за руку и отправился с ним к невольнице, и, когда Абу-Новас увидал ее (а на ней было голубое платье и голубой плащ), он пришел в великое волнение и произнес такое стихотворение:

И ночью беспокойство не прошло.
Худел я, размышляя тяжело.

Я поднялся, ходил я по дворцу,
И было в помещениях светло.

Увидел что-то черное я вдруг,
Под прядями ж волос — белым-бело.

Сияет месяц полный и блестит,
Иль ивы ветвь, иль ласточки крыло?

Я пятнышко затем поцеловал,
Вина я выпил — диво не ушло.

Проснулась и сплотилась тут она,
Как веточка, что ветром унесло.

Затем, поднявшись, молвила она:
«Аллаха друг, что здесь произошло?»

Ответил я: «То гость, пришедший в стан,
Побудет здесь, пока не рассвело».

После этого невольница подала вино, затем лютню в руки взяла и напев повела:

Не будешь справедлив к другим, когда жесток со мной,
Ах, отдаляешься в любви, дав радости другой...

И если мне мешаете пройти у ваших врат,
То я хотя бы издали пошлю привет вам свой.

Потом повелитель велел дать Абу-Новасу много вина, пока оно не затмило ему разум. Он поднес ему кубок, и Абу-Новас отпил из него глоток, держа его в руке. Халиф приказал невольнице взять кубок из рук Абу-Новаса и спрятать его между ног, а халиф обнажил меч, встал над Абу-Новасом и ткнул его. Абу-Новас очнулся и увидел обнаженный меч в руке халифа, и опьянение его мгновенно прошло.

— Скажи мне стихи и расскажи в них о твоем кубке, иначе я отрублю тебе голову! — халиф сказал, и Абу-Новас такие стихи прочитал:

Украли кубок мой с вином —
Я пил напиток лучший в нем.

В душе о нем страдаю я.
Ах, в месте он укрыт одном.

Халифу доля в этом есть,
Но стыдно — разве назовем?

Повелитель правоверных сказал ему:

— Убей тебя Аллах, откуда ты узнал это? Но мы приняли то, что ты сказал.

И он велел дать ему почетную одежду и тысячу динаров, и Абу-Новас ушел счастливый.

БЕДНЯК И СОБАКА

Рассказывают, что один человек так залез в долги, что ему пришлось оставить родных и все свое семейство и уходить, куда глаза глядят. Шел он, не останавливаясь, и вскоре приблизился к городу с высокими стенами и большими постройками. Путешествие утомило его, и голод его усилился. Он прошел по площади и, увидев толпу ехавших вельмож, пошел с ними. Когда же они вошли в помещение, подобное покоям царя, он вошел с ними. Наконец они увидели человека, сидевшего на возвышенном месте, великолепного облика и весьма знатного, его окружали слуги и евнухи, точно он был одним из сыновей вазиров. Увидев пришедших, он поднялся им навстречу и принял их с уважением. Бедняк пришел в недоумение от этого и растерялся, увидев...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 341-я

Когда же триста сорок первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, бедняк пришел в недоумение от этого и растерялся, увидев красивые постройки, слуг и челядь. Он стал отступать в замешательстве и, стесняясь, сел в стороне, подальше от людей, так что никто его не видел. Тут неожиданно появился человек с четырьмя охотничьими собаками, на которых были шелка и парча, а на шее — золотые ошейники с серебряными цепочками. Человек привязал каждую собаку отдельно и ушел. Вскоре он при-

нес каждой из них золотое блюдо с наилучшими кушаньями и удалился. Бедняк от сильного голода стал смотреть на кушанья и хотел подойти к какой-нибудь собаке и поесть с ней, но ему мешал страх. Когда одна из собак взглянула на него, Аллах великий внушил ей понятие о его состоянии, собака отошла от блюда и сделала знак человеку, и он подошел и ел, пока не насытился. Он уже хотел уйти, но собака сделала ему знак, чтобы он взял блюдо с оставшимся там кушаньем, подвинув его лапой. Тогда человек взял блюдо и вышел из дома. Отправившись в другой город, он продал блюдо и на вырученные деньги купил товары и поехал с ними в свою страну. Там он рассчитался с долгами и поправил свое положение. Достаток его умножился, и снова стал он жить в благоденствии под полным благословением.

Пробыв в своем городе некоторое время, он сказал себе: «Непременно поеду в город обладателя того блюда с прекрасными подарками для него и отдам ему стоимость блюда, которым меня пожаловала его собака!»

Взяв подарки, деньги, вырученные за блюдо, он отправился в путь. Ехал он дни и ночи, пока не достиг того города. Войдя в город, хотел встретиться с тем человеком и ходил по площадям, пока не пришел к его жилищу, но увидел только развалины и воронье, возвещающее о гибели.

Посмотрев на эти развалины, он увидел, что сделала рука судьбы. И вдруг, обернувшись, он заметил одного бедного человека — тот был в таком состоянии, что от его вида волосы шевелились на голове и смягчались каменистые скалы. Он спросил его:

— Эй, ты, что сделали судьба и время с владельцем этих мест и где его луны ясные и звезды прекрасные? Какова причина ужасной перемены и почему от постройки остались только стены?

И спрошенный ответил ему:

— Горе бедняку тому, которого ты видишь, и он вздыхает потому, что постигло его горе, но разве ты не знаешь, что в словах посланника для тех, кто ими руководится, увещание? И сказал он (да благословит его Аллах и да приветствует!): «Поистине, Аллах великий не возвышает кого-либо в мире земном без того, чтобы не унизить потом». И если ты спрашиваешь о том, какова этого дела причина, то такова уж превратная судьбина. Я господин этих мест, я воздвигнул эти постройки и владел ими. Я тех сияющих лун, роскошного убранства, редкостей изумительных и невольниц удивительных обладатель, но отвернулся от меня Создатель,

и время увело слуг и достояние и повергло меня в это изможденное состояние. Но почему ты спрашиваешь меня об этом?

И тот человек рассказал ему свое приключение, испытывая горе и мучение, и молвил:

— Я принес тебе подарок желанный для души и деньги за золотое блюдо, которое я взял,— оно стало началом моего богатства после бедности. Теперь у меня есть дом и нет забот и волнений.

Но бедняк стал трясти головой, и причитать, и жаловаться на жребий свой, и воскликнул:

— О человек, я думаю, ты сумасшедший, ибо разумный не способен на такое. Как может быть, чтобы моя собака пожаловала тебе золотое блюдо, а я взял бы его обратно?! Разве не понятно, что взять обратно пожалованное моей собакой — дело унизительное. Ступай же своей дорогой во здравии и благополучии!

И тот человек облобызал бедняку ноги и ушел обратно, прославляя его.

ВАЛИ ХУСАМ АД-ДИН

Рассказывают, что в крепости аль-Искандерии был вали по имени Хусам ад-Дин. Однажды вечером подошел к нему один солдат и сказал:

— Знай, о владыка наш вали, что сегодня я вошел в этот город и остановился в таком-то хане. Проснувшись среди ночи, я обнаружил, что мой мешок распорот и из него исчез кошель с тысячью динарами.

Вали тут же послал за стражниками и велел им привести всех, кто был в хане, и заточить их до утра.

Утром он собрался пытать их в присутствии солдата, но вдруг явился какой-то человек и, пройдя сквозь толпу, встал перед вали...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 342-я

Когда же триста сорок вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вдруг явился человек и сказал:

— О эмир, отпусти всех этих людей — они несправедливо обижены! Это я взял деньги солдата — вот его кошелек!

И он положил его перед вали и солдатом. И вали сказал солдату:

— Возьми свои деньги.

Народ стал восхвалять этого человека. А потом тот человек сказал:

— О эмир, ловкость не в том, что я сам пришел к тебе и принес кошелек, а в том, чтобы второй раз взять его у этого солдата.

И вали спросил его:

— А как ты сделал это, ловкач?

— О эмир,— отвечал человек,— я стоял в Каире на рынке менял и увидел этого солдата, когда он менял золото и клал его в кошелек. Я шел за ним из переулка в переулок, но не мог придумать, как взять у него деньги. А потом он уехал, и я следовал за ним из города в город, но все не мог изловчиться и взять у него деньги. Когда же он вступил в этот город и пришел в тот хан, я поместился рядом с ним и дождался, пока он уснул. Услышав его храп, я стал подходить к нему потихоньку, и разрезал мешок этим ножом, и взял кошелек.

Он протянул руку и взял кошелек, лежавший перед вали и солдатом, и отошел назад. А люди, вали и солдат смотрели на него и думали, что это он им показывает, как он взял кошелек из мешка. Но вдруг этот человек побежал и бросился в пруд, и вали крикнул своим людям:

— Догоните его!

Они побежали за ним следом, но не успели еще снять с себя одежды и спуститься по ступенькам, как ловкач уже скрылся. Его искали, но не нашли (а это потому, что все переулки в аль-Искандерии выходят один в другой). И вали сказал солдату:

— Люди больше ничего не должны тебе: ты узнал, кто твой обидчик, и получил твои деньги, но не уберег их.

И солдат ушел, и пропали его деньги,— такова была воля Аллаха великого.

АН-НАСИР И ТРИ ВАЛИ

Рассказывают, что однажды аль-Малик ан-Насир призвал трех вали — вали Каира, вали Булака и вали Старого Мисра и попросил их:

— Я хочу, чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 343-я

Когда же триста сорок третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, аль-Малик ан-Насир попросил трех вали:

— Я хочу, чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали.

Они выслушали внимательно, а затем вали Каира сказал:

— Знай, о владыка наш султан, вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. В этом городе были два правомочных свидетеля, которые свидетельствовали при кровопролитиях и ранениях. Они постоянно предавались любви к женщинам, пьянству и разврату, но я никак не мог собрать улики против них. Тогда я приказал виноторговцам, и торговцам сухими плодами, и фруктовщикам, и продавцам свечей, и хозяевам домов терпимости рассказывать про этих свидетелей, когда они будут где-нибудь пить или развратничать вместе или отдельно, и если оба или один из них купит что-нибудь для распития напитков, то чтобы тут же сообщили мне про это.

Как-то раз явился ко мне ночью человек и сказал:

— О владыка, знай, что свидетелей застали в таком-то месте, на такой-то улице, в таком-то доме такого-то человека за весьма дурным делом.

Я поднялся, переоделся и вместе со своим слугой пошел к ним один. Наконец я увидел перед собой ворота. Когда я постучался, мне открыла невольница и спросила:

— Кто ты?

Но я вошел, не ответив, и увидел, что тут находятся оба свидетеля и хозяин дома, а с ними распутные женщины и много вина. Они поднялись мне навстречу и, оказав мне уважение, посадили меня на почетном месте, говоря:

— Добро пожаловать, дорогой гость и остроумный сотрапезник!

Затем хозяин дома скрылся на минуту и вернулся с тремя сотнями динаров. И они сказали мне:

— Знай, о владыка наш вали, что в твоих руках власть и наказание для нас, но только лучше всего тебе взять эти деньги и покрыть нас: ведь имя Аллаха великого — покровитель, и он любит среди рабов своих тех, кто покрывает, а тебе достанется награда и воздаяние.

И я подумал: «Возьми у них это золото и покрой их на этот раз, а если ты будешь над ними властен в другой раз, отомсти им».

И я польстился на деньги, взял их и ушел. И никто ничего не узнал. Но на следующий день, не успел я опомниться, как пришел посланный от кади и сказал:

— О вали, иди поговори с кади — он зовет тебя!

Я пошел к кади, не зная, в чем дело. Войдя, увидел, что те два свидетеля и хозяин дома, который дал мне триста динаров, сидят у него. Хозяин дома потребовал от меня триста динаров, и я не мог ничего отрицать, а хозяин дома вынул запись, и те два полномочных свидетеля засвидетельствовали, что за мной триста динаров. Кади поверил их свидетельству и приказал мне отдать эти деньги, что я и сделал. Я рассердился и пожалел, что не наказал их, и задумал им отомстить. И это самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали.

Тут поднялся вали Булака и сказал:

— А что до меня, о владыка султан, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. У меня набралось триста тысяч динаров долга, и это мучило меня. Я продал все, что было, и набрал сто тысяч динаров, не больше.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 344-я

Когда же триста сорок четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вали Булака сказал:

— Я продал то, что было за мной и передо мной, и набрал сто тысяч динаров, не больше, пребывая в великом замешательстве. Однажды ночью я сидел у себя дома, и вдруг кто-то постучал в ворота.

— Посмотри, кто у ворот,— сказал я слуге.

И он вышел и вернулся, изменившись в лице, и у него дрожали поджилки.

— Что случилось? — спросил я его.

— У ворот нагой человек в кожаной рубахе,— ответил он.— Он с мечом и ножом у пояса, а с ним толпа людей такого же вида. Он требует тебя.

Я взял свой меч в руку и вышел посмотреть.

— Что вам надо? — спросил я этих людей.

И они сказали:

— Мы воры и добыли сегодня ночью великую добычу и предназначили ее тебе, чтобы ты покрыл свой долг.

— А где же добыча? — спросил я их.

И они принесли мне большой сундук, полный сосудов из золота и серебра. Увидев его, я обрадовался и подумал: «Я лежащий на мне долг покрою, и еще останется столько же со мною!»

И я взял сундук и вошел в дом.

«Будет невеликодушно, если я дам им уйти без ничего!» — подумал я. И, взяв сто тысяч динаров, отдал их ворам и поблагодарил их за милость. Они взяли динары и ушли под покровом ночи своей дорогой, и никто не узнал о них. А когда настало утро, я увидел, что то, что лежит в сундуке,— медь, покрытая золотом и оловом, и все это стоит пятьсот дирхемов. И мне стало очень тяжко, что динары, бывшие у меня, пропали, и к моим заботам прибавилось забот. Вот самое удивительное, что случилось со мной в то время, когда я был вали.

Следующим поднялся вали Старого Мисра и сказал:

— О владыка наш султан, что до меня, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. Я повесил десять воров, каждого на отдельную виселицу, и приказал сторожам стеречь их и не давать людям забрать кого-нибудь из них. А когда наступил следующий день, я пришел на них посмотреть и увидел на одной виселице двоих повешенных.

— Кто это сделал и где виселица, на которой был второй повешенный? — спросил я сторожа.

Они стали отнекиваться, а когда я хотел их побить, сказали:

— Знай, о эмир, что мы вчера заснули, а проснувшись, увидели, что одного повешенного украли вместе с виселицей, на которой он висел. И мы испугались тебя и вдруг видим — едет феллах со своим ослом, и мы схватили его, убили и повесили вместо того, которого украли с этой виселицы.

И я удивился и спросил их:

— А что было у феллаха?

— У него был мешок на осле.

— А что в мешке?

— Не знаем.

— Сюда его! — приказал я.

Мне принесли мешок, и я велел его открыть. В нем оказался убитый и разрубленный человек. Я удивился и воскликнул:

— Слава Аллаху! Причиной повешения этого феллаха была только его вина перед этим убитым, и не обидчик Господь твой для рабов!

ВОР И МЕНЯЛА

Рассказывают, что у одного менялы был кошель, полный золота. Однажды он проходил мимо воров, и один из них сказал:

— Я могу взять этот кошель.

— Как ты это сделаешь? — спросили его.

— Смотрите,— сказал он.

И последовал за этим человеком до его жилища. Войдя в дом, меняла кинул кошель на скамью. Тут ему захотелось помочиться, и он вошел в дом отдохновения, чтобы удовлетворить нужду, и сказал невольнице:

— Подай кувшин с водой!

Невольница взяла кувшин и последовала за менялой в дом отдохновения, оставив дверь открытой, а вор вошел и взял кошель и ушел к своим товарищам, рассказав им о том, что случилось...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 345-я

Когда же триста сорок пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вор взял кошель и ушел к своим товарищам, рассказав им о том, что у него случилось с менялой и невольницей. Они сказали ему:

— Клянемся Аллахом, поистине, ты проявил ловкость, и не всякий человек это может сделать, но меняла сейчас выйдет из дома отдохновения и, не найдя мешка, станет бить и мучить свою невольницу. Таким образом, ты сделал недоброе дело, и тебя по головке не погладят. Если ты ловкач, то освободи девушку от побоев и мучений.

— Если захочет Аллах великий, я выручу девушку и мешок,— сказал вор.

Затем он вернулся к дому менялы и увидел, что тот пытает невольницу из-за мешка. Он постучал в дверь, и меняла спросил:

— Кто там?

А вор ответил:

— Я слуга твоего соседа на рынке.

И меняла вышел к нему и спросил:

— Что тебе?

— Мой господин приветствует тебя и говорит: «Что это твои повадки переменились? Как это ты бросаешь такой кошель, как этот, возле лавки и уходишь, оставив его? Если бы его нашел кто-нибудь чужой, он бы взял его и ушел». Если бы мой господин не увидел его и не сохранил, кошель бы, наверное, пропал у тебя.

Потом он вынул кошель и показал его меняле.

— Это мой кошель! — воскликнул меняла и протянул руку, чтобы взять его у вора, но тот сказал:

— Клянусь Аллахом, я его тебе не дам, пока ты не напишешь моему господину записку, что ты получил от меня кошель, и не приложишь к ней печать.

Меняла вошел в дом, чтобы написать записку о прибытии мешка, а вор ушел с мешком своей дорогой. Невольница же освободилась от наказания.

ВАЛИ И РАБОТНИК

Рассказывают также, что однажды ночью Ала ад-Дин, вали Куса, сидел у себя в доме, и вдруг пришел к нему человек, а с ним слуга с сундуком на голове. Он остановился у ворот и сказал кому-то из слуг эмира:

— Войди и уведомь эмира, что я хочу с ним свидеться по одному делу.

Слуга доложил об этом человеке, и эмир велел его ввести. Когда он вошел, эмир увидел, что облик его великолепен. И он посадил его рядом с собой и спросил:

— Что у тебя за дело?

Пришедший ответил:

— Я хочу раскаяться и вернуться к Аллаху великому через твои руки, и мне хочется, чтобы ты помог мне в этом, так как я под твоими глазами и под твоим взором. Со мною сундук с вещами, которые стоят около сорока тысяч динаров. Ты наиболее достоин их. Дай мне тысячу динаров,

дозволенных мне,— я сделаю их основой моего состояния, они помогут мне при раскаянии и избавят меня от нужды в запретном, а награда тебе у Аллаха великого.

Потом он открыл сундук, и вали увидел золотые изделия, и драгоценные камни, и металлы, и кольца, и жемчуг. Это ошеломило его, и он, обрадовавшись, кликнул своего казначея:

— Принеси мешок! (А в нем была тысяча динаров)...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 346-я

Когда же триста сорок шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вали кликнул своего казначея, приказав ему принести мешок, в котором была тысяча динаров.

Когда же казначей принес этот мешок (в нем была тысяча динаров), вали отдал его человеку. Человек взял и, поблагодарив вали, ушел своей дорогой под покровом ночи. Когда же настало утро, вали призвал старосту ювелиров и показал ему сундук с украшениями, и тут оказалось, что все они были из олова и меди, а камни, кольца и жемчуга — стеклянные. Это было для вали тяжелым ударом, и он приказал найти того человека, но никто так и не смог изловить его.

ИБРАХИМ И НЕВОЛЬНИЦА

Однажды повелитель правоверных аль-Мамун попросил Ибрахима ибн аль-Махди:

— Расскажи нам о самом удивительном, что тебе пришлось увидеть!

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных,— ответил Ибрахим.— Как-то раз вышел я прогуляться, и ноги привели меня в одно место, откуда разносился аромат вкусной еды. Я остановился в замешательстве и не мог ни уйти, ни зайти в это помещение. Подняв взор, я увидел окно, а за окном руки и запястья, белее и краше которых нет на свете. Мой разум покинул меня при виде их, и я забыл о запахе кушаний. Стал я придумывать хитрость, чтобы проникнуть в этот дом, и вдруг увидел поблизости портного. Подойдя к нему и поздоровавшись, я спросил:

— Чей это дом?

— Одного купца,— ответил портной.

— А как его зовут?

— Его зовут так-то, сын такого-то, и он разделяет трапезу только с кущами.

Пока мы разговаривали, к нам приблизились два почтенных, приятных на вид человека, которые ехали верхом, и портной сказал мне, что они состоят в близкой дружбе с хозяином дома, и сообщил мне их имена. Я тронул своего коня, догнал этих людей и сказал им:

— Пусть я буду за вас выкупом! Отец такого-то вас заждался!

Я поехал вместе с ними. Мы вошли в ворота, и хозяин дома не усомнился, что я их друг.

— Добро пожаловать! — сказал он мне и посадил меня на самое высокое место.

Затем принесли столик, и я подумал: «Аллах послал мне эти кушанья на счастье, но теперь остаются рука и запястье». Потом мы перешли для беседы в другое помещение, и хозяин дома стал проявлять ко мне особое внимание, думая, что я гость из гостей. Гости были ласковы со мной, полагая, что я друг хозяина дома. Мы выпили несколько кубков, а потом к нам вышла невольница, подобная ветви ивы и прекрасная, как солнце.

И она лютню взяла и, затянув напев, стихи произнесла:

...Ко мне ты не подойдешь, и только глаза говорят
О тайнах души, о сердцах, что в жарком огне горят.

Меня охватил восторг при виде ее красоты. Я позавидовал ее прекрасному искусству и сказал:

— За тобой еще кое-что осталось, о невольница.

Тогда она в гневе кинула лютню и сказала:

— Разве вы приводили ранее глупцов на такое собрание?

Я раскаялся в том, что случилось, и, увидев, что люди порицают меня, сказал:

— Миновало меня все, на что я надеялся!

Чтобы отвести от себя упреки, я потребовал лютню и пояснил:

— Просто она кое-что пропустила в песне, которую сыграла.

Люди приготовились внимательно слушать. Мне принесли лютню, и настроил струны я, и полилась песня моя:

Я тот, кто влюблен в тебя и терпит тоску свою.
Течет за слезой слеза. Ты видишь тех слез струю?

дозволенных мне,— я сделаю их основой моего состояния, они помогут мне при раскаянии и избавят меня от нужды в запретном, а награда тебе у Аллаха великого.

Потом он открыл сундук, и вали увидел золотые изделия, и драгоценные камни, и металлы, и кольца, и жемчуг. Это ошеломило его, и он, обрадовавшись, кликнул своего казначея:

— Принеси мешок! (А в нем была тысяча динаров)...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 346-я

Когда же триста сорок шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вали кликнул своего казначея, приказав ему принести мешок, в котором была тысяча динаров.

Когда же казначей принес этот мешок (в нем была тысяча динаров), вали отдал его человеку. Человек взял и, поблагодарив вали, ушел своей дорогой под покровом ночи. Когда же настало утро, вали призвал старосту ювелиров и показал ему сундук с украшениями, и тут оказалось, что все они были из олова и меди, а камни, кольца и жемчуга — стеклянные. Это было для вали тяжелым ударом, и он приказал найти того человека, но никто так и не смог изловить его.

ИБРАХИМ И НЕВОЛЬНИЦА

Однажды повелитель правоверных аль-Мамун попросил Ибрахима ибн аль-Махди:

— Расскажи нам о самом удивительном, что тебе пришлось увидеть!

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных,— ответил Ибрахим.— Как-то раз вышел я прогуляться, и ноги привели меня в одно место, откуда разносился аромат вкусной еды. Я остановился в замешательстве и не мог ни уйти, ни зайти в это помещение. Подняв взор, я увидел окно, а за окном руки и запястья, белее и краше которых нет на свете. Мой разум покинул меня при виде их, и я забыл о запахе кушаний. Стал я придумывать хитрость, чтобы проникнуть в этот дом, и вдруг увидел поблизости портного. Подойдя к нему и поздоровавшись, я спросил:

— Чей это дом?

— Одного купца,— ответил портной.

— А как его зовут?

— Его зовут так-то, сын такого-то, и он разделяет трапезу только с купцами.

Пока мы разговаривали, к нам приблизились два почтенных, приятных на вид человека, которые ехали верхом, и портной сказал мне, что они состоят в близкой дружбе с хозяином дома, и сообщил мне их имена. Я тронул своего коня, догнал этих людей и сказал им:

— Пусть я буду за вас выкупом! Отец такого-то вас заждался!

Я поехал вместе с ними. Мы вошли в ворота, и хозяин дома не усомнился, что я их друг.

— Добро пожаловать! — сказал он мне и посадил меня на самое высокое место.

Затем принесли столик, и я подумал: «Аллах послал мне эти кушанья на счастье, но теперь остаются рука и запястье». Потом мы перешли для беседы в другое помещение, и хозяин дома стал проявлять ко мне особое внимание, думая, что я гость из гостей. Гости были ласковы со мной, полагая, что я друг хозяина дома. Мы выпили несколько кубков, а потом к нам вышла невольница, подобная ветви ивы и прекрасная, как солнце.

И она лютню взяла и, затянув напев, стихи произнесла:

...Ко мне ты не подойдешь, и только глаза говорят
О тайнах души, о сердцах, что в жарком огне горят.

Меня охватил восторг при виде ее красоты. Я позавидовал ее прекрасному искусству и сказал:

— За тобой еще кое-что осталось, о невольница.

Тогда она в гневе кинула лютню и сказала:

— Разве вы приводили ранее глупцов на такое собрание?

Я раскаялся в том, что случилось, и, увидев, что люди порицают меня, сказал:

— Миновало меня все, на что я надеялся!

Чтобы отвести от себя упреки, я потребовал лютню и пояснил:

— Просто она кое-что пропустила в песне, которую сыграла.

Люди приготовились внимательно слушать. Мне принесли лютню, и настроил струны я, и полилась песня моя:

Я тот, кто влюблен в тебя и терпит тоску свою.
Течет за слезой слеза. Ты видишь тех слез струю?

Невольница вскочила и склонилась к моим ногам, целуя их, и воскликнула:

— У тебя следует просить прощения, о господин! Клянусь Аллахом, я не знала, каковы твои чувства, не слыхивала такого искусства!

И люди стали оказывать мне уважение и почет, придя в величайшее восхищение. Все принялись просить меня еще петь. И я спел еще волнующую песню, от которой люди совсем опьянели.

Хозяин выпил со мною несколько кубков и сказал:

— О господин, мой век даром пропал, раз я подобного тебе раньше не знал! Ради Аллаха, о господин, скажи, кто ты, чтобы я узнал моего сотрапезника, которого даровал мне Аллах сегодня ночью.

Я стал двусмысленно говорить, не открывая ему своего имени, но он заклинал меня, и тогда я все сказал ему. Узнав мое имя, он вскочил на ноги...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 347-я

Когда же триста сорок седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, узнав имя Ибрахима ибн аль-Махди, хозяин дома вскочил на ноги и воскликнул:

— Я дивился, что такие достоинства могут быть у кого-нибудь, кроме людей, подобных тебе, и время подарило мне милость, за которую я не в состоянии отблагодарить. Может быть, это сон, а если нет, то когда же мне надеяться, что халиф посетит меня в моем доме и разделит со мной трапезу?

Я умолял его сесть, и он сел, расспрашивая о том, как я попал к нему. Я поведал ему всю историю от начала до конца, не скрывая из нее ничего.

— Что касается кушаний, то здесь я желаемое получил, а что до ладони, то тут меня случай огорчил,— сказал я.

И хозяин дома воскликнул:

— И руки, и кисть ты получишь, если пожелает Аллах великий!

Потом он добавил:

— О такая-то, чтоб спустилась такая-то, скажи,— и стал звать мне невольниц. Но я не видел моей госпожи.

Тогда хозяин дома сказал:

— О господин, никого не осталось, кроме моей матери и сестры, но, всемогущим клянусь, они придут, чтобы ты их увидел тут.

Я удивился его благородству и широте его души и воскликнул:

— Пусть я буду за тебя выкупом! Начни с сестры.

— С любовью и удовольствием! — отвечал он.

Затем пришла его сестра, и я увидел — это она, обладательница увиденных мною прекрасных рук!

— Пусть я буду за тебя выкупом,— это та девушка, чьи кисть и запястье я видел,— сказал я.

Тогда хозяин дома велел слугам тотчас же привести свидетелей. Потом сам он принес два кошелька с золотом и сказал им:

— Вот наш владыка сиди Ибрахим ибн аль-Махди, дядя повелителя правоверных, сватает мою сестру, и я вас в свидетели беру, что замуж ее за него выдаю.

Он дал ей в приданое кошелек с золотом и сказал мне:

— Я выдал за тебя мою сестру и даю ей приданое.

— Принимаю это и согласен,— ответил я.

Он отдал один из кошельков своей сестре, а другой — свидетелям.

— О владыка,— сказал он мне потом,— я хочу приготовить для тебя и твоей жены одну из комнат.

Я смутился, но постыдился уединиться с нею в его доме и сказал:

— Снаряди ее и отправь в мой дом.

Клянусь тобою, о повелитель правоверных, он дал за ней такое большое приданое, для которого оказались тесными наши комнаты. Через положенный срок она родила мне этого мальчика, что стоит перед тобой.

Аль-Мамун удивился великодушию этого человека и воскликнул:

— Его милость от Аллаха! Я никогда не слыхал о подобных ему!

И он велел Ибрахиму ибн аль-Махди призвать этого человека, чтобы посмотреть на него. Ибрахим привел его к аль-Мамуну, и тот расспросил его обо всем. Ему понравилось его остроумие и образованность, и он сделал его одним из своих приближенных.

ЖЕНЩИНА С ОТРУБЛЕННЫМИ РУКАМИ

Однажды один царь сказал жителям своего царства:

— Поистине, если кто-нибудь из вас подаст кому-нибудь милостыню, я отрублю ему руку!

После этого люди стали воздерживаться от милостыни, и никто никому ничего не подавал. Однажды один нищий пришел к женщине (а его мучил голод) и попросил ее:

— Подай мне чего-нибудь...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 348-я

Когда же триста сорок восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, один голодный человек подошел к женщине и попросил ее подать ему что-нибудь.

— Как же я тебе подам, когда царь отрубит руку всякому, кто подаст? — ответила женщина.

Но нищий воскликнул:

— Прошу тебя, ради Аллаха великого, подай мне!

И женщина пожалела его и дала ему две лепешки. Весть об этом дошла до царя, и он велел привести ту женщину. Когда она явилась, он отрубил ей обе руки и отправил ее домой. Через некоторое время царь попросил свою мать:

— Жени меня на красивой женщине.

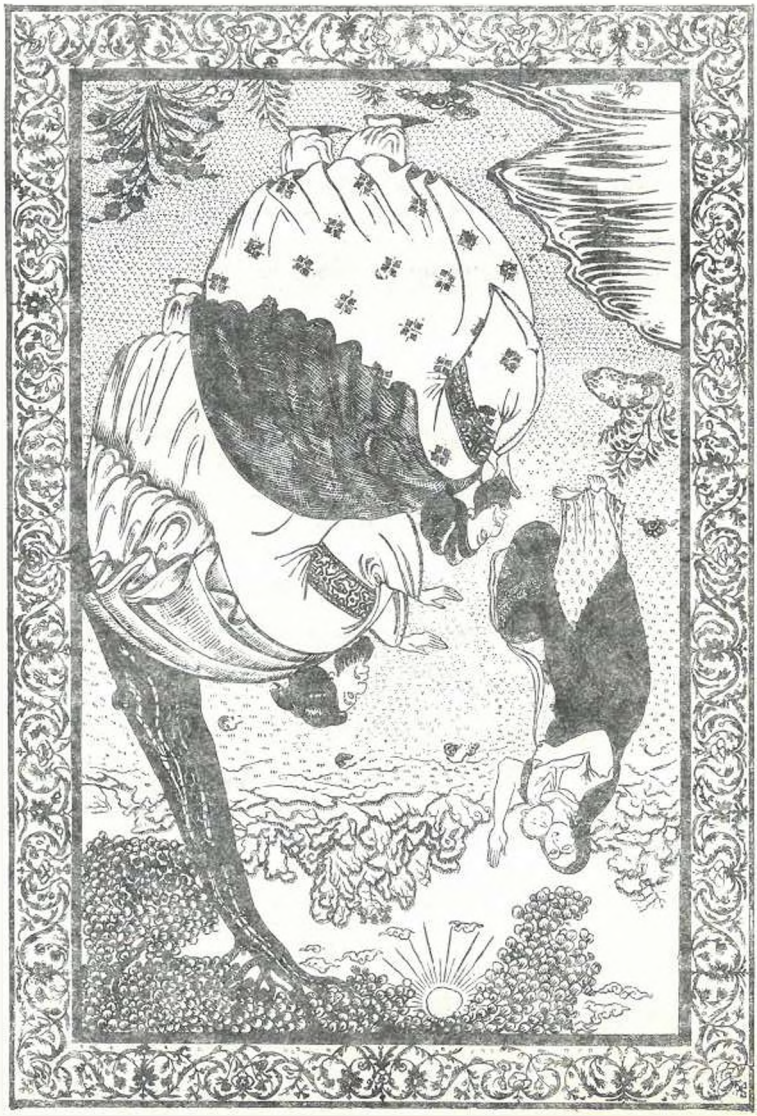
— По соседству с нами есть женщина, лучше которой не найти,— отвечала мать.— Но у нее большой недостаток.

— А что? — спросил царь.

— У нее отрублены руки.

— Я хочу посмотреть на нее,— сказал царь.

Мать привела ее к нему, и когда царь посмотрел на нее, то прельстился ее красотой и женился на ней. А это была та женщина, которая подала нищему две лепешки и которой царь отрубил из-за этого руки. Когда же царь женился на ней, ей позавидовали другие его жены и написали ему письмо, в котором оклеветали ее, назвав распутницей (а она родила мальчика). Царь написал своей матери письмо и приказал ей отвезти эту женщину в пустыню, оставив ее там, а самой вернуться. Мать завезла ее в пустыню и вернулась, а женщина осталась там с ребенком на шее. Проходя мимо ручья, она встала на колени, чтобы напиться воды,



и, когда наклонилась, ребенок упал в воду. Женщина села и заплакала. Прохожие спросили ее:

— О чем ты плачешь?

— У меня был ребенок на шее, и он упал в воду,— отвечала она.

— Хочешь ли ты, чтобы мы его вытащили?

— Да,— отвечала она.

Она помолилась Аллаху великому, и ребенок вышел к ней из воды невредимым.

— Хочешь ли ты, чтобы Аллах вернул тебе руки? — спросили женщину эти люди.

И она ответила:

— Да.

И тогда они помолились Аллаху — велик он и славен! — и руки ее вернулись к ней.

А потом люди спросили женщину:

— Знаешь ли ты, кто мы?

И она ответила:

— Аллах лучше знает.

И они сказали:

— Мы те твои две лепешки, которые ты подала нищему. Хвали же Аллаха великого, который вернул тебе и сына, и руки!

И она восхвалила Аллаха великого и прославила его.

БЕДНЯК И ЖЕНЩИНА

Рассказывают, что среди сынов Израиля был богомольный человек. Его жена пряла хлопок, а он каждый день продавал пряжу и снова покупал хлопок. На полученную прибыль он покупал еду для своей семьи, которую съедали в тот же день.

Однажды он вышел и продал пряжу. Тут его встретил один из его друзей и пожаловался на нужду. Тот человек отдал ему вырученные за пряжу деньги и вернулся домой без хлопка и без еды.

— Где же хлопок и еда? — спросили его.

— Меня встретил такой-то и пожаловался на нужду, и я отдал ему все деньги,— ответил он.

— Что же мы будем делать, если нам нечего больше продавать? — спросили его.

А у них была разбитая чашка и кувшин, и этот человек пошел с ними на рынок. Но никто у него ничего не купил.

Когда он был на рынке, мимо него прошел человек с рыбой...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 349-я

Когда же триста сорок девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, этот человек взял чашку и кувшин и пошел с ними на рынок. Но никто у него ничего не купил. Когда он был на рынке, мимо него прошел человек с рыбой. Одна рыба была у него вонючая и раздувшаяся, и ее никто не покупал. Человек с рыбой спросил:

— Продашь ты мне твою заваль за мою заваль?

Человек с чашкой согласился — отдал ему чашку и кувшин и взял у него рыбу. Когда принес ее домой, у него спросили:

— Что мы будем делать с этой рыбой?

— Мы ее изжарим и съедим, пока Аллах великий не пожелает для нас достатка,— ответил человек.

Рыбу взяли и разделали, и в животе у нее оказалось жемчужное зерно. Узнав об этом, старик сказал:

— Посмотрите — если оно просверлено, то оно принадлежит кому-нибудь из людей, а если нет — то это дар Аллаха великого.

Они посмотрели, и зерно оказалось непросверленным. Когда настало утро, старик отправился с жемчужиной к одному из своих друзей, человеку, сведущему в этом, и тот спросил:

— О такой-то, откуда у тебя эта жемчужина?

— Дар, которым одарил нас Аллах великий,— ответил старик.

— Она стоит тысячу дирхемов,— сказал тот человек,— и я дам тебе,— сказал тот человек,— их, но пойди с ней к такому-то — у него больше денег, чем у меня, и он больше понимает в этом.

И старик пошел с жемчужиной к тому человеку, и человек сказал:

— Она стоит семьдесят тысяч дирхемов, не больше этого.

И он дал ему семьдесят тысяч дирхемов и позвал носильщиков, которые донесли старику деньги до ворот его дома. Тут подошел к нему нищий и сказал:

— Дай мне что-нибудь из того, что дал тебе Аллах великий.

И старик ответил:

— Мы были вчера такими, как ты, возьми половину этих денег себе.

Когда он разделил эти деньги на две части и каждый взял свою часть, нищий сказал ему:

— Возьми себе свои деньги и да благословит тебя Аллах! Я посланец твоего Господа — он послал меня к тебе, чтобы я испытал тебя.

И старец добавил:

— У Аллаха слава и благодеяние!

И он прекрасно прожил вместе со своей семьей до смерти.

АБУ-ХАСАН АЗ-ЗИЯДИ

Рассказывают, как однажды Абу-Хасан аз-Зияди пожаловался на свое стесненное положение.

— И пристали ко мне зеленщик, и хлеботорговец, и другие поставщики,— рассказывал он,— а я не находил выхода. Как-то раз, когда я был в отчаянии и уже не знал, что предпринять, вошел ко мне один из моих слуг и сказал:

— У ворот ждет паломник, который хочет войти к тебе.

— Позволь ему,— сказал я.

Человек вошел, и вдруг я вижу — это человек из Хорасана. Мы поздоровались с ним, и он спросил:

— Ты ли Абу-Хасан аз-Зияди?

— Да,— ответил я,— а что тебе нужно?

— Я чужеземец,— отвечал человек,— и хочу совершить паломничество. Но со мною много денег, и мне тяжело их нести. Я бы хотел оставить у тебя эти десять тысяч дирхемов до своего возвращения. Если же караван возвратится, а меня не будет, то знай, что я умер, и деньги станут подарком тебе от меня. Если же я вернусь, то они — мои.

— Будь по-твоему, если захочет Аллах великий! — сказал я ему.

Он вынул мешок, и я приказал принести весы. Человек отвесил деньги, вручил их мне и ушел своей дорогой, а я призвал поставщиков и заплатил свой долг...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста пятидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Абу-Хасан аз-Зияди сказал:

— Я призвал поставщиков и заплатил свой долг. И стал я жить на широкую ногу, думая про себя: «Пока он вернется, Аллах пошлет нам что-нибудь».

Через день слуга вошел ко мне и сказал:

— Твой друг хорасанец у ворот.

— Впусти его! — приказал я.

Хорасанец вошел и сказал:

— Я собирался в паломничество, но пришла весть о смерти моего отца, и я решил вернуться. Дай же мне деньги, которые я у тебя оставил вчера.

Меня охватило отчаяние, и я так смешался, что не дал ему сразу ответа. Если бы я стал отрицать, он бы заставил меня поклясться, и это был бы последний раз в моей жизни; а если бы я рассказал ему, что уже распорядился его деньгами, он обесславил бы меня. И я подумал и сказал ему:

— Да сделает тебя Аллах здоровым! Мое жилище не защищено, и не хранилище для денег оно. Когда я твой мешок взял, то его тому послал, у кого он теперь. Поверь и возвращайся завтра за ним, если захочет Аллах великий!

И он от меня ушел, и я ночь в замешательстве провел. Поднявшись к слуге, я попросил его оседлать мула.

Но он сказал:

— О владыка, сейчас еще ночь.

И я вернулся в постель, но сон не давался. И я будил слугу зря, пока не взошла заря. Наконец слуга оседлал мула, и я сел, не зная, куда ехать, бросив поводья мулу на плечо. А мул пошел в восточную сторону Багдада. Увидев по дороге людей, виденных мною раньше, я свернул на другую дорогу. Но они, заметив, что я в тайласане, поспешили ко мне и спросили:

— Знаешь ли ты жилище Абу-Хасана аз-Зияди?

— Это я Абу-Хасан аз-Зияди.

— Отвечай повелителю правоверных!

Я пошел с ними и вошел к аль-Мамуну.

— Кто ты? — спросил он меня.

— Человек из сподвижников кади Абу-Юсуфа, из факихов, знатоков преданий,— ответил я.

— Расскажи мне, что случилось,— попросил аль-Мамун.

И я изложил ему свою историю. Аль-Мамун заплакал и воскликнул:

— Горе тебе! Не дал мне посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — из-за тебя спать сегодня ночью! Когда я заснул в начале ночи, он сказал мне: «Помоги Абу-Хасану аз-Зияди!» И я проснулся, но я не знал тебя. Потом я опять заснул, и он снова пришел ко мне и сказал: «Горе тебе! Помоги Абу-Хасану аз-Зияди!» И я проснулся, но я не знал тебя. Потом я заснул, и он пришел ко мне и сказал: «Горе тебе! Помоги Абу-Хасану аз-Зияди!» После этого я уже не осмелился заснуть и бодрствовал всю ночь, утром я разбудил людей и послал их во все стороны искать тебя.

Потом халиф дал мне десять тысяч дирхемов и сказал:

— Это для хорасанца.

Затем он дал мне еще десять тысяч дирхемов и сказал:

— Трать эти деньги широко, ими поправить твои дела легко.

После этого он дал мне еще тридцать тысяч дирхемов и сказал:

— Подготовься к отъезду и приходи ко мне с утра получше — должность получишь.

Я вышел (а деньги были со мной) и отправился к себе домой. Не успел еще совершить утреннюю молитву, как явился хорасанец. Я пригласил его в дом и вынес ему мешок:

— Вот твои деньги.

— Это не те самые деньги,— сказал он.

— Да,— ответил я.

И я рассказал ему всю историю. Хорасанец заплакал и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, если бы ты сказал правду с самого начала, я не стал бы взыскивать с тебя, и теперь, клянусь Аллахом, я ничего не приму...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 351-я

Когда же триста пятьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, хорасанец сказал аз-Зияди:

— Клянусь Аллахом, если бы ты сказал мне правду с самого начала, я не стал бы взыскивать с тебя, и теперь,

клянусь Аллахом, я ничего не приму из этих денег — они твои!

И он ушел. А я привел свои дела в порядок и в день выезда отправился к аль-Мамуну. Когда я предстал перед ним, он велел мне приблизиться и вынул мое назначение из-под молитвенного ковра.

— Вот тебе назначение на должность судьи в Медине почитаемой, на западной стороне от Ворот Мира. Я назначил тебе столько-то и столько-то на каждый месяц,— сказал он.— Бойся же Аллаха, великого, сильного, и помни о том, как позаботился о тебе посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!

Люди изумились словам аль-Мамуна и спросили меня об их значении. Тогда я рассказал им всю историю от начала до конца.

И Абу-Хасан пребывал судьей в Медине почитаемой до тех пор, пока не умер во дни аль-Мамуна. Милость Аллаха над ним!

ЮВЕЛИР И ТРИ НЕЗНАКОМЦА

Рассказывают, что у одного человека было много денег, но они у него пропали. Жена посоветовала ему обратиться к кому-нибудь из друзей, чтобы исправить положение. Он так и сделал. Друг одолжил ему пятьсот динаров, чтобы он на эти деньги открыл торговлю. Человек стал ювелиром, взял золото и отправился на рынок драгоценностей, где открыл лавку. Когда он сел в своей лавке, к нему пришли три человека и спросили о его отце. Узнав, что его отец уже умер, эти люди спросили, оставил ли он какое-нибудь потомство.

— Он оставил раба, который перед вами,— ответил ювелир.

— А кто подтвердит, что ты его сын? — спросили пришедшие.

— Люди на рынке,— ответил ювелир.

— Собери их, чтобы они засвидетельствовали это.

Ювелир собрал людей, и они засвидетельствовали это. Тогда те три человека вынули мешок, в котором было около тридцати тысяч динаров, дорогие камни и ценные металлы, и сказали:

— Твой отец поручил нам передать тебе это после его смерти.

Затем они ушли. А к ювелиру пришла женщина и потребовала у него некоторые из камней, стоимостью в пятьсот

динаров, купив их у него за три тысячи динаров. И ювелир продал ей камни. Затем он взял пятьсот динаров и отнес их своему другу, одолжившему ему эту сумму.

— Возьми пятьсот динаров, которые я у тебя занял,— Аллах помог мне и облегчил мое положение.

Но его друг отвечал:

— Я дал их тебе ради Аллаха. Возьми этот листок, не читай его раньше, чем придешь домой, и поступай так, как в нем сказано.

Ювелир взял деньги и листок бумаги и ушел к себе домой, а когда развернул его, то увидел такие стихи:

Мужи, что к тебе мешок, с камнями мешок принесли —
Мой дядя, мой брат Салих и сын дорогой Али.

А женщина, что покупала,— то мама родная моя.
И деньги, и чудные камни к тебе от меня пришли.

Я не хотел, чтоб унижен ты был и смущен,
Я не хотел, чтоб враги над тобой посмеяться могли.

БАГДАДЕЦ, КОТОРЫЙ УВИДЕЛ СОН

Рассказывают, что один человек в Багдаде был очень богат, но пришел день, и деньги его иссякли. Он стал таким бедным, что даже поесть ему было не на что. Однажды ночью он спал, подавленный и расстроенный, и во сне услышал голос:

— Твой достаток в Каире, отправляйся туда и ищи его.

И этот человек поехал в Каир. Когда он прибыл туда, был уже вечер, и он заснул в мечети. А по соседству с мечетью был дом, куда пробралась шайка воров. Обитатели дома проснулись от шума и подняли крик, а вали со своими людьми помог им, и воры убежали. Войдя в мечеть и увидев человека из Багдада, вали схватил его и так больно побил плетьми, что тот едва не отдал концы, после чего вали заточил его в тюрьму. После трехдневного пребывания в тюрьме вали призвал его и спросил:

— Из какого ты города?

— Из Багдада,— ответил человек.

— А для чего ты пришел в Каир?

— Я услышал во сне голос, который сказал мне: «Твой достаток в Каире, отправляйся туда». А придя в Каир, я увидел, что достаток, о котором он мне говорил,— это плети, доставшиеся мне от тебя.

И вали захохотал:

— О малоумный! Я три раза слышал во сне голос, который говорил мне: «В Багдаде, в таком-то квартале, есть дом такого-то вида, и во дворе его садик, и там водоем, а под ним деньги в большом количестве; отправляйся туда и возьми их»,— и не поехал, а ты по своей глупости ездил из города в город из-за чепухи, которая тебе привиделась.

Потом он дал ему денег и сказал:

— Пусть эти деньги помогут тебе возвратиться в свой город...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 352-я

Когда же триста пятьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вали дал багдадцу денег и сказал:

— Пусть эти деньги помогут тебе возвратиться в свой город.

И человек взял их и вернулся в Багдад. А дом, который описал вали, был как раз домом этого человека. Приехав домой, он стал копать под водоемом и нашел большие деньги. Так Аллах снова сделал его богатым. Вот такое удивительное совпадение.

АЛЬ-МУТЕВАККИЛЬ И ЕГО НЕВОЛЬНИЦА

Передают также, что повелитель правоверных аль-Мутеваккиль в своем дворце имел четыреста наложниц: двести румиек и двести туземок и абиссинок, которых ему подарил Убайд ибн Тахир. А среди них была невольница по имени Махбуба, уроженка Басры, обладающая несравненной красотой и прелестью, нежностью и изяществом, она владела искусством игры на лютне и хорошим певческим голосом, слагала стихи и владела отличным почерком. И аль-Мутеваккиль увлекся ею настолько, что не мог пребывать без нее ни минуты. А невольница, увидев его привязанность к ней, возгордилась, не желая отвечать благодарностью за милость. Тогда аль-Мутеваккиля охватил великий гнев, и он перестал ее навещать, а обитателям дворца запретил с ней общаться, и она пребывала в одиночестве несколько дней. Но аль-Мутеваккиля не покидала склон-

ность к ней, и однажды утром он сказал своим приближенным:

— Этой ночью я увидел во сне, что мы с Махбубой помирились.

А они ответили ему:

— По милости великого Аллаха, мы надеемся, что это случится наяву.

В это время вдруг вошла одна служанка и что-то шепнула аль-Мутеваккилю. Он вышел из залы и вошел в покой женщин. А служанка тихонько сказала ему:

— Из комнаты Махбубы донеслось до нас пение и игра на лютне, но нам неизвестна причина этого.

Тогда аль-Мутеваккиль, подойдя к дверям ее комнаты, услышал, что Махбуба под лютню, хорошо играя, такие стихи напевает:

Хожу по дворцу одна, сама себе не мила,
Не видя, кому бы хоть слово сказать могла.

Провинность свершила я, провинность перед тобой,
Раскаяние прими, не держи, господин мой, зла.

Аль-Мутеваккиль, услышав стихи об увиденном Махбубой сне, поразился такому диковинному совпадению их снов. Он вошел к ней в комнату, а Махбуба, увидев его, поднялась, склонилась к его ногам и, целуя их, молвила:

— Аллах свидетель, о повелитель, под влиянием увиденного во сне вчерашней ночью я пробудилась и эти стихи сложила. Прости, что не так служила.

— Клянусь Аллахом, мне приснился такой же сон! — молвил Мутеваккиль.

И обнял невольницу он, и с ней помирился, и пробыл у ней семь дней и ночей. А Махбуба написала у себя на щеке имя аль-Мутеваккиля мускусом — «Джафар», ибо так звали повелителя правоверных, и он, увидев свое имя на ее щеке, молвил:

Ты написала мускусом «Джафар»...
Как дорог мне души бесценный дар!

И вывели строку вдоль щек твоих персты,
Вложили в сердце строк любимых жар.

Тебя Джафар хранит среди других,
Напиток уст твоих — медовый, как нектар.

А после смерти аль-Мутеваккиля все наложницы забыли его, кроме Махбубы...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 353-я

Когда же триста пятьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, после смерти аль-Мутеваккиля все наложницы забыли его, кроме Махбубы, которая печалилась о нем, пока не умерла, и ее похоронили рядом с ним, да пребудет милость Аллаха над ними!

ЖЕНЩИНА И МЕДВЕДЬ

Пересказывают также, что во времена правления аль-Хакима биамр-Аллаха жил один торговец бараньим мясом, по имени Вардан. И какая-то женщина каждый день приходила к нему и давала динар, который по весу равнялся двум с половиной египетским динарам, брала у него ягненка и отдавала нести своему носильщику, и они уходили к ее жилищу, а на следующее утро опять приходила. Так продолжалось долгое время, и мясник ежедневно получал от нее динар. Но однажды Вардан задумался над этим и сказал себе:

— Эта женщина ежедневно оставляет мне за покупку динар, не пропуская ни одного дня, и покупает на деньги. Это очень странно!

Затем Вардан в отсутствие женщины спросил носильщика:

— Куда ты ежедневно ходишь с этой женщиной?

— Я очень удивлен этим обстоятельством,— ответил носильщик.— Эта женщина каждый день покупает у тебя ягненка, плодов, свечей и закусок на динар, берет у одного христианина на динар две бутылки вина и заставляет меня все это нести. Я следую за ней к Садам Вазира, а затем она завязывает мне глаза, берет за руку и ведет неизвестно куда. Потом она перекладывает все в другую корзину, отводит меня на то место, где завязала глаза, дает мне десять дирхемов и отправляет домой.

— Да будет ей помощь от Аллаха! — молвил мясник.

После этого он еще больше задумался над этим делом, так что провел всю ночь в беспокойстве и волнении.

И рассказывал Вардан-мясник:

— Наутро она, как обычно, явилась ко мне и вручила динар, взяла ягненка, отдала его носильщику и удалилась, а я, поручив лавку мальчику, пошел за ней вслед, так что она меня не видела...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 354-я

Когда же триста пятьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Вардан-мясник рассказывал:

— Я, поручив лавку мальчику, пошел за ней, так что она меня не видела, и все время преследовал ее, пока она не вышла из Каира. Таким образом я крался за ней, пока мы не достигли Садов Вазира. Женщина завязала носильщику глаза и повела его, а я преследовал их, пока не достигли горы. Тогда она подошла к большому камню, забрала у носильщика корзину и отправила его домой, а затем скрылась из виду. Тогда я приблизился к тому камню, поднял его и вошел внутрь. За камнем я увидел открытую опускную дверь из меди и начал по ступенькам спускаться вниз, пока не достиг длинного прохода, где было много света. Я шел по нему и вдруг увидел подобие двери, ведущей в комнату. Оглядевшись по сторонам, я заметил за дверью комнаты небольшую нишу с окошечком, выходившим в ту комнату. Заглянув в него, я увидел женщину, которая зарезала ягненка, лучшие его части бросила в котел вариться, а остатки отдала огромному могучему медведю. И, пока она стряпала, медведь съел ягненка полностью. Затем женщина наелась, выложила плоды и бутылки с вином, принявшись пить из кубка вино, а медведя поить из золотой чаши, пока ее не охватил дурман опьянения. Тогда она сбросила с себя все одежды и легла, а медведь упал на нее, приняв от женщины все прелести, которыми владеют потомки Адама, пока он не кончил и не сел. Затем он приблизился к ней, упал на нее, а окончив, сел передохнуть, потом опять бросился к ней, и так продолжалось десять раз, после чего они оба упали в беспамятство. Тогда я решил воспользоваться случаем, спустился в комнату, выхватил находившийся

у меня нож острее бритвы, а приблизившись к ним, я увидел, что у них не шевелится ни одна жилка из-за труда, совершенного ими. Тогда я приложил нож к горлу медведя и отделил ему голову от тела. Раздался сильный хрип, от которого женщина проснулась, испуганная. Увидев зарезанного медведя и меня с ножом в руке, пронзительно вскрикнула, так что я подумал, что она испустила дух, а затем сказала мне:

— О Вардан, такое-то твое воздаяние за милость!

— О ты, враг сама себе,— ответил я,— неужто нет мужчин, что ты совершаешь этот мерзкий поступок?

Она опустила в землю свой взор, ничего не говоря и не отводя глаз от мертвого медведя. А немного спустя молвила:

— О Вардан, что для тебя более приемлемо — выслушать, что я скажу тебе,— и это будет твоим спасением...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 355-я

Когда же триста пятьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, женщина молвила:

— О Вардан, что для тебя более приемлемо — выслушать меня,— и это будет твоим спасением и причиной богатства, или ослушаться и погибнуть?

— Говори, я тебя слушаю,— ответил я.

И она сказала:

— Зарежь меня, как и медведя! Бери сокровищ, сколько пожелаешь, и возвращайся домой.

— Неужто я хуже медведя? — ответил я.— Приди к великому Аллаху с покаянием, и я женюсь на тебе, а сокровищ этих нам хватит до конца жизни.

— О Вардан, это невозможно! Как я смогу жить после него? — воскликнула женщина.— Клянусь Аллахом, если ты не зарежешь меня, я обязательно погублю тебя.

— Не прекословь — ты погибнешь: это мое мнение! Я зарежу тебя и отправлю к проклятию Аллаха! — воскликнул я.

Затем схватил ее за волосы и зарезал, отправив к проклятию Аллаха, ангелов и всех людей. После этого я огля-

делся и увидел столько золота и драгоценных камней, сколько не в силах собрать ни один владыка на земле. Тогда я наполнил корзину носильщика, прикрыл ее своим платьем и вышел из сокровищницы.

Я шел, не останавливаясь, до ворот Каира, как вдруг подъехали ко мне десять всадников из свиты аль-Хакима биамр-Аллаха, среди которых находился и сам повелитель правоверных.

— Эй, Вардан! — крикнул он.

— Я слушаю, о повелитель! — ответил я.

— Ты убил медведя и женщину? — спросил он.

И я ответил:

— Да.

Тогда он молвил:

— Снимай с головы свою ношу и будь спокоен,— богатство, которым ты овладел, никто не будет у тебя оспаривать.

Я поставил перед ним корзину, а он, открыв ее, увидел сокровища и сказал:

— Поведай мне о случившемся с тобой, хотя я и так знаю о тебе все, как будто пребывал там вместе с тобой.

Я рассказывал ему о случившемся со мной, а он повторял:

— Ты говоришь правду! — А в итоге молвил: — О Вардан, ступай с нами к сокровищнице!

Я отправился с ним к сокровищнице, а он, увидев запертую дверь, сказал мне:

— О Вардан, никто не в силах открыть эту сокровищницу, кроме тебя. Подними эту дверь, ибо сокровища охраняются твоим именем и обликом.

— Клянусь Аллахом, я не в силах открыть ее! — воскликнул я.

Но аль-Хаким молвил:

— Подойди по благословению Аллаха!

Я приблизился к опускной двери и с именем великого Аллаха на устах протянул к ней руку, и она начала подниматься легче самого легкого.

— Спускайся вниз и вынеси все, что там находится,— молвил халиф.— Никому не удавалось попасть туда, кроме тебя, с тех пор как сокровище положено туда, так как медведь и женщина убиты тобой. У меня так записано, и я ждал, когда это случится, и, наконец, это произошло.

— Я вошел туда,— рассказывал Вардан,— и перенес халифу все, что находилось в сокровищнице. Затем он велел привести вьючных животных и погрузить на них

все сокровища, а после этого вручил мне мою корзину, и я отправился домой, а вскоре открыл свою лавку на рынке.

Этот рынок до сих пор существует и называется рынком Вардана.

ДЕВУШКА И ОБЕЗЬЯНА

Говорят также, что один султан имел дочь, в сердце которой вошла любовь к черному рабу, который лишил ее девственности, и царевна полюбила сближение, так что без этого она не могла прожить ни минуты. Однажды она поделилась этим с одной управительницей, и та сообщила ей, что никто не может совокупляться чаще обезьяны. Как-то случилось, что обезьянщик вел под окнами царевны большую обезьяну, а царевна, открыв лицо, взглянула на обезьяну, подмигнула ей, и обезьяна, разорвав цепи, убежала и поднялась к ней. Девушка спрятала ее и проводила с ней дни и ночи в еде, питье и совокуплении. Но отец девушки узнал о проделках дочери и решил ее убить...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 356-я

Когда же триста пятьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, отец девушки догадался о проделках дочери и решил ее убить, но она, узнав о намерениях отца, облачилась в одежду невольников, села на коня и, нагрузив на мула огромное количество золота, драгоценных камней и материи, пустилась вместе с обезьяной в дорогу и ехала, пока не достигла Каира. Там она поселилась в одном доме на равнине и каждый день, изменив цвет лица и облик, приходила к одному юноше-мяснику после полудня, чтобы купить мясо. Юноше это показалось странным, и он сказал себе:

— Этот невольник наверняка скрывает что-то необычное.

Однажды, когда она по обычаю пришла за мясом, юноша отправился вслед за ней так, что она его не видела.

— Я следовал за ней,— говорил юноша,— пока она не добралась до своего дома и не вошла туда. Я начал подсматривать со стороны и увидел, как она разожгла огонь и приготовила мясо, тогда она наелась вдоволь, а остатки отдала обезьяне. После этого женщина сбросила с себя одежды и облачилась в роскошнейшее женское платье, с чего я понял, что это женщина. Затем она принесла вино, выпила и напоила обезьяну, которая начала падать на женщину и сделала это около десяти раз, пока женщину не покрыло беспамятство, после чего обезьяна накрыла ее шелковым плащом и отправилась на свое место. Тогда я спустился вниз в комнату, но обезьяна почуяла меня и бросилась, чтобы растерзать, но я вынул бывший у меня нож и проткнул ей брюхо. Женщина проснулась, испуганная, и, увидев мертвую обезьяну, неистово завопила и свалилась без памяти. А когда она очнулась, то спросила меня:

— По какой причине ты это совершил? Ради Аллаха, отправь меня вместе с ней!

Но я начал ее уговаривать, что справлюсь с этим не хуже обезьяны, до тех пор, пока не успокоил ее. А затем я женился на ней, но оказалось, что у меня не хватает сил, чтобы заменить ей обезьяну, и я вынужден был обратиться за советом к одной старухе с упоминанием об истории этой женщины. Старуха решила помочь мне в этом деле и сказала:

— Ты должен принести мне котелок, наполненный крепким уксусом, а также ритль молодого алоэ.

Я принес старухе все, что она потребовала от меня. Она бросила все в котелок и поставила его на огонь. Затем, дав ему сильно закипеть, велела мне вступить с той женщиной в сношение, и я делал это, пока ее не покрыло беспамятство. Тогда старуха взяла ее, бесчувственную, приблизила ее фардж к отверстию котла, пар из него вошел в фардж, и оттуда что-то вышло. Я начал всматриваться и увидел двух червячков — черного и желтого, а старуха молвила:

— Один — от сближения с негром, а второй — от сближения с обезьяной.

А женщина, очнувшись от обморока, пробыла со мной некоторое время, не требуя сближения, ибо Аллах отвернул от нее это состояние, что повергло меня в удивление...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 357-я

Когда же триста пятьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша сказал:

— Аллах отвернул от нее это состояние, что повергло меня в удивление, и я поведал ей свою историю.

Женщина проводила жизнь с этим человеком во взаимопонимании и наслаждении, взяв к себе старуху вместо матери. И они жили с мужем и старухой в веселье и радости, пока не посетила их Разрушительница наслаждений и Разлучница собраний. Да восславится живой, неумирающий, в чьих руках видимое и невидимое царство!

КОНЬ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

Рассказывают, что в древние времена жил великий царь, и было у него три дочери, подобные полным лунам и цветущим садам, и сын — словно месяц. Однажды, когда царь сидел на престоле, к нему вошли трое мудрецов. У одного из них был павлин из золота, у другого — труба из меди, а у третьего — конь из слоновой кости и эбенового дерева.

— Что это за вещи и какова польза от них? — спросил царь.

Обладатель павлина ответил:

— Польза от этого павлина состоит в том, что всякий раз, как минет час ночи или дня, он хлопает крыльями и кричит.

А обладатель трубы молвил:

— Если трубу поставить на ворота города, она будет для него как страж: если в город войдет вор, она подаст голос — и его схватят.

А обладатель коня сказал:

— О владыка, этот конь замечателен тем, что если сесть на него верхом, то он доставит в какую угодно страну.

— Я не награжу вас, пока сам не убежусь в правдивости ваших слов,— сказал царь.

Первым он испытал павлина и убедился, что он таков, как говорил его обладатель; затем испробовал трубу, также уверившись в ее достоинствах.

— Пожелайте от меня чего-нибудь! — сказал он после этого мудрецам.

— Мы желаем,— ответили мудрецы,— чтобы каждому из нас ты отдал в жены одну из твоих дочерей.

А потом землю облобызал перед царем третий мудрец, обладатель коня, и сказал:

— О царь времени, награди меня так же, как ты наградил моих товарищей.

— Сначала я испытаю твоего коня,— отвечал царь.

Тут подошел его сын и сказал:

— О батюшка, я сяду на этого коня и испробую его.

— О дитя мое, делай как знаешь.

Царевич сел на коня, подвигал ногами, но конь не сошел с места.

— О мудрец, где же его быстрый бег? — спросил царевич.

Тогда мудрец подошел к царевичу, показал ему винт подъема и сказал:

— Поверни этот винт!

Царевич повернул винт, и вдруг конь задвигался и рванул с царевичем к облакам. Царевич растерялся, и пожалел, что на коня сел, и воскликнул:

— Видно, схитрил мудрец, чтобы приблизить мой конец! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!

Он стал осматривать коня и увидел на его правом плече что-то похожее на петушиную голову, а затем то же самое на левом плече.

— Я не вижу на коне ничего, кроме этих двух шпеньков,— сказал себе царевич и стал поворачивать шпенек, который был на правом плече. Конь полетел с ним быстрее, и царевич оставил шпенек. Затем он посмотрел на левое плечо, увидел другой шпенек и повернул. Тут движение коня замедлилось, и они начали осторожно снижаться...

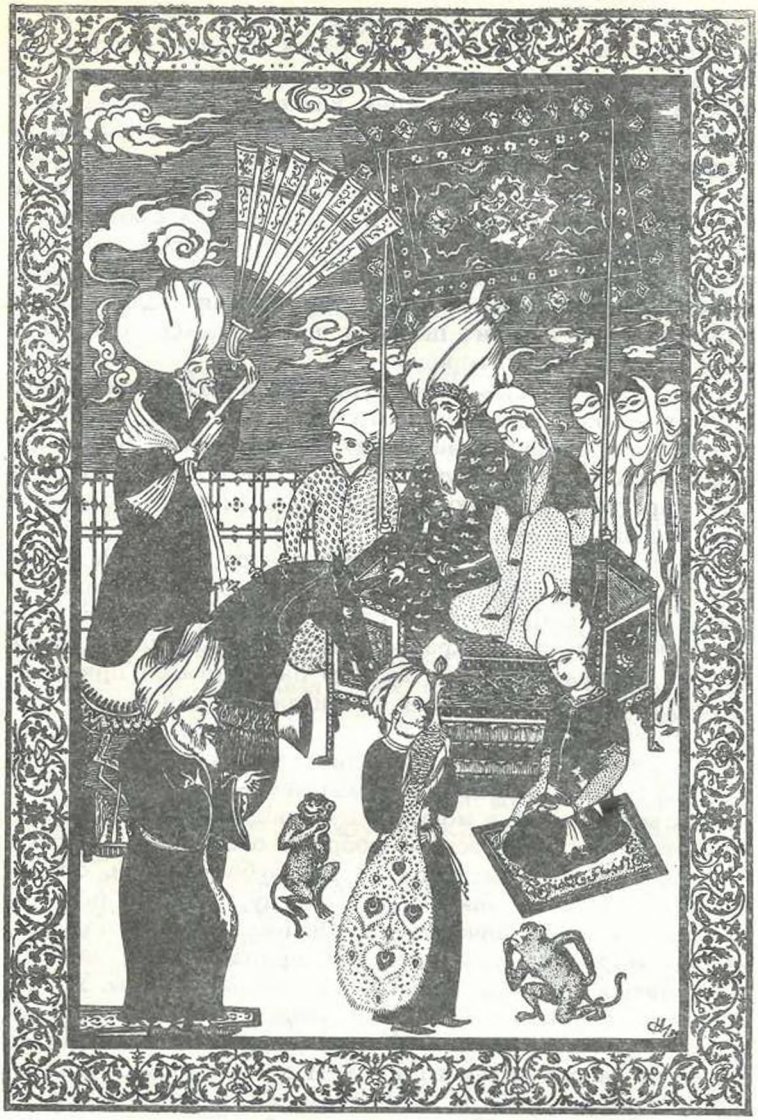
Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 358-я

Когда же триста пятьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда царевич повернул левый шпенек, движение коня замедлилось, и они начали осторожно снижаться.

Когда царевич понял, что конь действительно необыкновенный, сердце его исполнилось радости, и он поблаго-



дарил Аллаха великого за милость, которую тот ему оказал, спасши от гибели. И он, не переставая, спускался весь день, так как во время его подъема земля очень удалилась от него, и поворачивал морду коня, как хотел, пока конь спускался. Словом, если он желал опускаться,— опускался на коне, а если желал подниматься,— поднимался.

Когда царевичу удалось осуществить свои заветные желания, он направил коня к земле и стал смотреть на проплывающие мимо страны и города, которых не видел никогда. Его внимание привлек необыкновенный город, стоявший среди зеленой земли, где деревья цвели, где каналы текли, и царевич подумал про себя: «О, если бы я знал название этого города».

Затем он принялся кружить над ним и рассматривать его со всех сторон. Тем временем солнце клонилось к закату, и царевич подумал: «Я не найду лучшего места, чтобы переночевать, чем этот город. Я здесь переночую, а утром в свое царство перекочую и расскажу всем моим родным о том, что видели мои глаза».

И он стал искать места, безопасного для себя и для своего коня, и вдруг заметил посреди города роскошный дворец, окруженный мощной стеной с высокими бойницами.

«Поистине, это прекрасное место!» — подумал царевич. И стал управлять конем так, что он опустился прямо на крышу дворца. Сойдя с коня и осмотрев дворец со всех сторон, он воскликнул:

— Клянусь Аллахом! Поистине, тебя создал искусный мудрец! Если Аллах продлит назначенный мне срок и возвратит меня целым в мою страну к родным, к отцу, я сделаю этому мудрецу всякое добро и окажу ему милость.

Просидев на крыше дворца до глубокой ночи, он почувствовал мучительный голод и жажду, ибо с тех пор, как расстался с отцом, ничего не ел и не пил. Тогда он подумал: «В таком дворце, как этот вот, припасы всяк найдет!» И, оставив коня, пошел поискать какой-нибудь еды. Увидев лестницу, спустился по ней и увидел двор, выстланный мрамором. Нигде никого не было видно. Не услышал он также во дворце никакого шума. И он остановился в замешательстве, не зная, куда направиться, а потом подумал: «Пожалуй, лучше всего возвратиться туда, где я оставил коня, и переночевать там, а когда настанет утро, сесть на коня и уехать...»

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста пятьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царевич подумал: «Переночую здесь, а утром сяду на коня и поеду».

Вдруг он увидел свет, приближающийся к нему. Царевич всмотрелся и понял, что свет исходит от толпы невольниц, среди которых идет сияющая девушка с таким станом, как буква алиф. Вся она сияла, светлую луну напоминала. Как сказал поэт:

Не улыбнувшись, ночью пришла она,
Засияла, как в небе темном луна.

Средь людей нет похожих нигде на нее,
Так прекрасна она, величава, стройна.

И была та девушка дочерью царя этого города. Отец сильно любил ее и построил для нее этот дворец. И всякий раз, как царевной овладевала грусть, она приходила сюда со своими невольницами и оставалась там день, или два, или больше, а потом возвращалась к себе во дворец. Случилось так, что в этот вечер она пришла со своими невольницами развлечься, и с нею был евнух, опоясанный мечом. Когда она вошла во дворец, разостлали ковры, и зажгли жаровни с курениями, и стали играть и веселиться. И вдруг царевич бросился на евнуха и ударил его по лицу. Свалив на землю, он взял его меч и разогнал невольниц во все стороны.

И когда царевна красоту и прелесть его увидала, она сказала:

— Возможно, ты тот, кто вчерашнего дня сватал у отца меня, но он тебе отказал, что ты безобразен, сказал? Клянусь Аллахом, солгал отец мой, ведь ты красавец такой!

А сын царя Индии действительно сватал царевну у ее отца, но царь отказал ему, так как он был отвратителен видом. Поэтому царевна подумала, что это тот, кто ее сватал. И она подошла к юноше, обняла его, поцеловала и легла с ним, а невольницы сказали ей:

— О госпожа, это не тот, кто сватал тебя у отца, так как то был безобразный, а этот красивый. И тот, кто сватал тебя у отца, не годится даже в слуги этому юноше, стройному станом и великому саном.

Потом невольницы привели в чувство евнуха, и он вскочил, испуганный, и стал искать свой меч, но не нашел его у себя. Невольницы сказали ему:

— Вот сидит с царевной тот, кто взял твой меч и тебя повалил.

А царь этому евнуху поручил охранять свою дочь, боясь превратностей судьбы. Евнух встал, подошел к занавеске и поднял ее. Увидев, что царевна разговаривает с царевичем, он спросил:

— О господин мой, ты из людей или джиннов?

— Горе тебе, о сквернейший из рабов! — воскликнул царевич.— Как можешь ты считать детей царей Хосроев нечестивцами?

Затем взял меч в руку и сказал:

— Я зять царя, он женил меня на своей дочери и велел мне войти к ней.

Услышав эти слова, евнух молвил:

— О господин, если ты из людей, как утверждаешь, то она годится только для тебя, и ты имеешь на нее больше прав, чем кто-либо другой.

Потом евнух с криками отправился к царю (а он разорвал на себе одежды и посыпал голову землею). Услышав его крик, царь спросил:

— Что случилось с тобой? Ты встревожил мою душу. Расскажи мне поскорее.

— О царь,— отвечал евнух,— помоги твоей дочери: над ней взял власть шайтан из джиннов в обличье человека, имеющий образ царского сына!

— Как же ты недосмотрел за моей дочерью и на нее свалилась такая напасть? — воскликнул царь и тотчас же отправился во дворец.

— Что случилось с моей дочерью? — спросил он у невольниц.

— О царь,— ответили они,— мы сидели с ней и не успели опомниться, как на нас бросился этот юноша, подобный полной луне (а мы никогда не видели более красивого лица). В руках у него был обнаженный меч. Он утверждал, что ты женил его на своей дочери. Мы не знаем, человек это или джинн, но он целомудрен и вежлив и не делает ничего скверного.

Когда царь услышал это, его пыл остыл, и он стал понемногу поднимать занавеску, пока не увидел, что царевич сидит с его дочерью и они мирно разговаривают. Облик царевича был прекрасен, подобно светящейся луне.

Царь не мог удержаться от ревности к своей дочери и поднял занавеску. Войдя с обнаженным мечом в руке, он бросился на них. А царевич спросил царевну:

— Это твой отец?

— Да,— отвечала она...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 360-я

Когда же триста шестидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царевич увидел царя с обнаженным мечом в руке (а он налетел на них, точно гуль) и спросил царевну:

— Это твой отец?

— Да,— отвечала царевна.

И тут царевич вскочил на ноги, и, схватив меч, страшно закричал на царя, и хотел броситься на него с мечом. Царь понял, что царевич ловчее его, и, вложив меч в ножны, подождал, пока царевич не подошел к нему.

— О юноша, ты из людей или джиннов? — ласково обратился он к нему.

— Если бы я не соблюдал принцип перед тобою и твоей дочерью, я бы пролил твою кровь! Как ты можешь считать меня неверным шайтаном, если я из детей царей Хосроев, которые при желании могут отнять у тебя царство и власть! — воскликнул царевич.

Услышав это, царь почувствовал к нему уважение и побоялся с ним ссориться.

— Если ты из царских детей, как ты утверждаешь,— сказал он ему,— то как ты вошел ко мне во дворец без моего позволения и унизил мое достоинство, проникнув к моей дочери? Ты говоришь, что ты ее муж, и утверждаешь, что я женил тебя на ней, а я убивал царей и царских сыновей, сватавшихся к ней. Кто тебя спасет от моей ярости? Ведь если я кликну моих рабов и слуг и велю им убить тебя, они тотчас же это сделают. Кто же освободит тебя отсюда?

Услышав эти слова, царевич сказал:

— Поистине, я удивляюсь твоей непроницательности! Разве ты желаешь для своей дочери мужа, лучше меня? Разве ты видел кого-нибудь тверже меня душой и богаче и сильнее властью, войсками и помощниками?

— Нет, клянусь Аллахом,— отвечал царь,— но я хотел бы, о юноша, чтобы ты посватался к ней в присутствии свидетелей, и тогда я бы женил тебя на ней; а если я женю тебя тайком, ты опозоришь меня вместе с нею.

— Ты хорошо сказал,— ответил царевич,— но только,

о царь, если соберутся твои рабы, слуги и войска и меня убьют, как ты говорил, ты опозоришь сам себя, и люди перестанут тебе верить. По-моему, тебе должно поступить, о царь, так, как я скажу тебе.

— Говори! — молвил царь.

— Вот что я тебе скажу,— ответил царевич,— либо мы с тобою сразимся один на один, и, кто убьет своего противника, тот будет ближе к власти,— либо ты оставишь меня сегодня ночью, а когда настанет утро, выведешь ко мне свои войска и отряды слуг. Скажи мне, сколько их?

— Их сорок тысяч всадников, кроме рабов, принадлежащих мне, и кроме их приближенных, а их столько же,— ответил царь.

— Когда наступит день,— сказал царевич,— выведи их ко мне и скажи им...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 361-я

Когда же триста шестьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царевич сказал царю:

— Когда наступит день, выведи их ко мне и скажи: «Этот человек сватает у меня дочь с условием, что сразится с вами, и утверждает, что одолеет вас». А потом дай мне сразиться с ними; если они меня убьют — это лучше всего скроет твою тайну и сохранит твою честь, а если я их одолею и покорю — то царь пожелает взять меня в зятья.

Услышав слова царевича, царь одобрил его решение и принял его совет, хотя нашел все это странным. Его ужаснуло намерение царевича сразиться со всеми войсками.

Затем они посидели, поговорили, после чего царь позвал евнуха и велел немедленно отправиться к вазиру с приказанием собрать всех воинов и привести их в состояние полной боевой готовности.

Евнух пошел к вазиру и передал ему приказание царя. Вазир потребовал к себе начальников войска и вельмож царства и повелел им садиться на коней и выезжать, надев военные доспехи. Что же касается царя, то он, не переставая, разговаривал с царевичем, так как ему понравились его речи, ум и воспитанность.

Пока они беседовали, настало утро, и царь поднялся на

свой престол, а воинам своим велел садиться на коней. Он подвел царевичу одного из лучших своих коней и приказал его оседлать и одеть в хорошую сбрую, но царевич сказал ему:

— О царь, я не сяду на коня, пока не взгляну на войска.

— Пусть будет так, как ты желаешь,— ответил царь.

И они пошли на площадь, где царевич наконец увидал войска.

— О люди! — воскликнул царь.— Ко мне прибыл юноша, который сватает мою дочь. Я никогда не видал никого красивее его, и сильнее сердцем, и страшнее в гневе. Он утверждает, что одолеет вас один, и заявляет, что, даже если бы вас было сто тысяч, то и это было бы немного. Когда вы будете сражаться с ним, поднимите его на зубцы копий и на концы мечей — поистине, он взялся за великое дело!

Потом царь сказал царевичу:

— О сын мой, вот они, делай с ними, что хочешь.

А юноша ответил:

— О царь, ты несправедлив ко мне. Как я буду с ними сражаться, когда я пеший, а они на конях?

— Я приказывал тебе сесть на коня, а ты отказался. Вот тебе кони, выбирай из них себе, какого хочешь.

— Мне не нравится ни один из твоих коней, и я сяду лишь на того, на котором приехал,— отвечал царевич.

— А где же твой конь? — спросил царь.

— Он над твоим дворцом,— ответил царевич.

— Где, где? — переспросил царь.

— На крыше,— ответил юноша.

Услышав это, царь воскликнул:

— Вот первое свидетельство расстройства твоего ума! Горе тебе! Как может быть конь на крыше? Сейчас все выясним.

Потом царь обратился к одному из своих приближенных:

— Ступай ко мне во дворец и доставь то, что находится на крыше.

Люди удивлялись словам юноши и говорили друг другу:

— Как спустится этот конь с крыши по лестницам? Поистине, это что-то невероятное.

А тот, кого царь послал во дворец, поднялся на самый верх и увидел, что там действительно стоит конь, краше которого нет на свете. Человек подошел к коню и стал его рассматривать. Оказалось, что он из эбенового дерева и слоновой кости. Один из приближенных царя тоже посмотрел на коня, и они стали пересмеиваться и говорить:

— И на этом коне юноша хочет сразиться с войском?

— Не иначе как он безумный! Но вскоре все станет ясно...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 362-я

Когда же триста шестьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, приближенные царя, увидев коня, стали пересмеиваться и сказали:

— И на этом коне юноша хочет сразиться с войском?

— Не иначе как он безумный. Но вскоре все станет ясно, и, может быть, он окажется прав!

Они подняли коня, и принесли его на руках к царю, и поставили перед ним. Люди собрались возле него, дивясь его виду и красоте седла и узды. Царю конь тоже понравился. Удивленный, он спросил царевича:

— О юноша, это и есть твой конь?

— Да, о царь, это мой конь, и ты скоро увидишь, сколь он необычен,— ответил юноша.

Царь сказал ему:

— Возьми своего коня и садись на него.

— Я сяду на него только тогда, когда воины от него удалятся,— ответил юноша.

И царь приказал воинам, стоявшим рядом, отдалиться от него на полет стрелы. Тогда юноша сказал:

— О царь, вот я сяду сейчас на своего коня и брошусь на твои войска, разогнав их направо и налево.

— Делай, что хочешь, и не щади их, ведь они не пощадят тебя,— молвил царь.

Затем царевич направился к своему коню и сел на него, а воины выстроились напротив него и говорили друг другу:

— Когда юноша будет между рядами, мы поднимем его на зубцы копий и на лезвия мечей.

Один из них воскликнул:

— Клянусь Аллахом, это беда! Как можно убить такого прекрасного юношу?

А другой сказал:

— Клянусь Аллахом, вы доберетесь до него только после великого дела! Юноша решился на это лишь потому, что знает свое превосходство.

Сев на своего коня, царевич повернул винт подъема, и

все взоры обратились к нему. Эбеновый конь заволновался, забился и стал делать всякие диковинные движения. Внутренность его наполнилась воздухом, и, наконец, он поднялся ввысь и полетел по воздуху. Когда царь увидел, как юноша на коне взмывает в небо, он крикнул своему войску:

— Горе вам, хватайте его, пока он от вас не ушел!

А вазиры и наместники сказали ему:

— О царь, разве кто настигнет летящую птицу? Это не иначе как великий колдун, от которого тебя спас Аллах. Прославляй же Аллаха великого за спасение от его рук!

Царь вернулся к себе во дворец и рассказал обо всем своей дочери. Она так опечалилась, что вскоре заболела и слегла. Когда отец увидел это, то прижал ее к своей груди, поцеловал между глаз и сказал:

— О дочь моя, хвали Аллаха великого и благодари его за то, что он освободил нас от этого злокозненного колдуна!

И он стал повторять ей то, что видел, и рассказывать, как царевич поднялся в воздух. Но царевна не внимала словам отца и все плакала и тосковала. Затем она подумала себе: «Клянусь Аллахом, я не стану ни есть, ни пить, пока Аллах не соединит меня с ним».

Царь совсем отчаялся, так как ему тяжело было видеть страдания дочери. Но всякий раз, когда он обращался к ней с лаской, ее любовь к царевичу только усиливалась...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 363-я

Когда же триста шестьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь стал печалиться о дочери, но всякий раз, когда он обращался к ней с лаской, ее любовь к царевичу только усиливалась.

Вот что было с царем и его дочерью. Что же касается царевича, то он поднялся в воздух и стал вспоминать красоту и прелесть девушки. От приближенных царя он узнал название города и имена царя и его дочери. А город этот назывался Сана.

Затем царевич ускорил ход и приблизился ко дворцу своего отца. Спустившись на крышу и оставив там своего коня, он вошел к родителю и увидел, что тот грустен и печален из-за разлуки с сыном. Когда же сын явился пред

его очи, отец сильно обрадовался и прижал его к своей груди. Затем царевич спросил его про мудреца, который сделал коня:

— О батюшка, что с ним?

И отец его ответил:

— Да не благословит Аллах мудреца и ту минуту, когда я его увидел! Ведь это он был причиной нашей разлуки с тобою. Сейчас он в заточении, о дитя мое,— с того дня, как ты скрылся от нас.

Царевич тут же приказал освободить мудреца и привести к себе. Когда же тот предстал перед ним, царевич одарил его богатыми одеждами и всяческими милостями. Однако царь не женил мудреца на своей дочери, и мудрец разгневался, пожалев о том, что сделал, и понял, что царевич узнал тайну коня.

Потом царь сказал своему сыну:

— Лучше всего тебе не приближаться больше к этому коню, так как ты не знаешь, как он себя поведет.

Царевич рассказал своему отцу о дочери царя, правителя того города.

— Если бы тот царь захотел убить тебя,— сказал отец,— он бы, наверное, убил, но тебе суждено жить.

Вскоре царевичем снова овладела печаль из-за любви к дочери владыки Сана, и он сел на коня, повернул винт и вознесся до облаков небесных. Когда же наступило утро, отец юноши хватился его и не нашел. Он поднялся на крышу и увидел своего сына, летящего по воздуху.

И царь стал всячески раскаиваться, что не взял коня и не скрыл его тайны, и подумал про себя: «Клянусь Аллахом, если вернется ко мне мой сын, я не оставлю этого коня, чтобы успокоилось мое сердце!» И он опять начал плакать...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 364-я

Когда же триста шестьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь опять начал плакать. Вот что с ним случилось.

Что же касается сына, то он до тех пор летел по воздуху, пока не остановился над городом Сана. Затем он опустился в том месте, где и в первый раз, и незаметно вошел в ком-

нату дочери царя. Но там не оказалось ни девушки, ни ее невольниц, ни евнуха. Он принялся ходить по дворцу, ища царевну, и нашел ее совсем в другой комнате. Царевна лежала на подушках, а вокруг нее были невольницы и няньки. Царевич вошел к ним и приветствовал их. Услышав его голос, царевна поднялась, и обняла его, и стала целовать его между глаз, и прижимать к груди.

— О госпожа,— сказал ей царевич,— ты заставила меня тосковать все это время.

— Это ты заставил меня тосковать,— воскликнула царевна,— и если бы твое отсутствие продлилось, я бы погибла, без сомнения!

— О госпожа,— спросил царевич,— как ты смотришь на то, что произошло у меня с твоим отцом и что он со мной сделал? Если бы не любовь к тебе, о искушение людей, я бы его, наверное, убил, и это был бы урок для других. Но так же, как я люблю тебя, я люблю и его ради тебя.

— Как ты мог уйти от меня? — спросила девушка.

— Будешь ли внимать моим словам? — сказал он.

— Говори, я ни в чем не буду прекословить тебе,— отвечала царевна.

— Поедем со мною в мою страну, в мое царство,— сказал царевич.

— С любовью и охотой! — ответила царевна.

Услышав ее слова, царевич обрадовался и, взяв царевну за руку, заставил ее обещать это, поклявшись именем Аллаха всевышнего. После этого он поднялся с нею на крышу дворца, уселся на своего коня, усадил девушку сзади, прижав ее к себе и крепко привязав, затем повернул винт на плече коня, и конь поднялся с ними в воздух.

Невольницы закричали и позвали царя, отца девушки, и ее мать, и те немедленно поднялись на крышу. Царь обратил свой взор к облакам и увидел эбенового коня, который летел в вышине. Он не на шутку встревожился и закричал:

— О царевич, прошу тебя, ради Аллаха великого, пожалей меня и мою жену, не разлучай нас с нашей любимой дочерью!

Но царевич не ответил ему. А потом подумал, что девушка будет жалеть о разлуке с матерью и отцом, и спросил ее:

— О искушение времени, не хочешь ли ты, чтобы я вернул тебя к твоим родителям?

Но она отвечала:

— О господин, клянусь Аллахом, не хочу я этого!

Я должна быть только с тобою, где бы ты ни был, любовь к тебе сильнее любви к отцу и матери.

Услышав эти слова, царевич сильно обрадовался.

Он пустил коня тихим ходом, чтобы не встревожить девушку, и они летели до тех пор, пока не увидели зеленый луг, через который протекал ручей. Потом царевич опустился на землю, они поели и попили. Затем царевич снова сел на коня, посадив девушку сзади и крепко привязав ее веревками. И они летели так, пока не достигли города его отца. Он захотел показать девушке его царство и, опустившись в одном из садов, где гулял его отец, отвел ее в царскую беседку, поставив эбенового коня у ее дверей и приказав девушке стеречь его:

— Сиди здесь, пока я не пришлю моего посланного. Я же пойду к отцу, чтобы приготовить для тебя дворец и показать тебе свои владения,— сказал царевич.

И девушка обрадовалась.

— Делай, что хочешь!..

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 365-я

Когда же триста шестьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка обрадовалась и сказала:

— Делай, что хочешь.

Ей пришло на ум, что она вступит в город только с подобающими ей пышностью и почетом.

Царевич оставил ее и отправился в родной город. Отец, увидав его, обрадовался и пошел к нему навстречу.

Царевич сказал ему:

— Знай, что я привез царевну, о которой тебе рассказывал, и оставил ее за городом, в одном из садов. Ты собери приближенных и выедь ей навстречу, чтобы показать твою мощь, войска и телохранителей.

— С любовью и удовольствием! — отвечал царь.

Тотчас же он приказал жителям всячески украсить город, самим одеться в наилучшие одежды, а царевне приготовил комнату, украшенную зеленой, красной и желтой парчой, где усадил невольниц — индийских, румских и абиссинских — и разложил сокровища дивные.

Когда царевич вернулся в сад и вошел в беседку, где

оставил девушку, то оказалось, что там нет ни ее, ни коня. Он стал бить себя в грудь, и рвать на себе одежды, и кружить по саду, как безумный. Затем он успокоился и подумал: «Как она узнала тайну этого коня, если я не говорил ей ни о чем? Может быть, персидский мудрец, сделавший его, напал на нее и забрал ее в отместку за то, что сделал с ним мой отец?»

Царевич призвал сторожей сада и спросил их, кто проходил мимо них или входил в этот сад.

— Мы не видели, чтобы кто-нибудь входил в этот сад, кроме персидского мудреца,— ответили сторожа,— он собирал полезные травы.

Услышав это, царевич уверился, что девушку взял именно он...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 366-я

Когда же триста шестьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царевич уверился, что девушку взял именно этот мудрец. А по предопределенному велению случилось так, что, когда царевич оставил девушку в беседке и отправился во дворец отца, персидский мудрец явился в сад для сбора лекарственных трав и почувствовал здесь запах мускуса и благовоний. Он понял, что здесь должна быть царевна, и шел на этот запах, пока не достиг беседки. У ее дверей он обнаружил своего коня, и сердце его возрадовалось. Он подошел к коню, проверил его части и удостоверился, что все они целы. Мудрец хотел сесть на коня и полететь, но подумал: «Обязательно посмотрю, кого привез с собою царевич вместе с конем».

И он вошел в беседку и увидел царевну, подобную сияющему солнцу на чистом небе. Мудрец понял, что эта девушка высокого происхождения, и царевич оставил ее тут на время, а сам отправился в город привести приближенных. Мудрец вошел к девушке и поцеловал перед ней землю, а девушка подняла глаза и увидела, что он очень безобразен.

— Кто ты? — спросила она его.

— О госпожа,— ответил он,— я пришел от царевича. Он велел мне перевести тебя в другой сад, поближе к городу.

— А где царевич?

— Он в городе у своего отца и придет сейчас сюда с пышной свитой.

— О такой-то,— сказала ему девушка,— неужели царевич не нашел никого, чтобы послать ко мне, кроме тебя?

И мудрец засмеялся ее словам и сказал ей:

— О госпожа, пусть не обманывает тебя мое безобразие. Если бы ты получила от меня то, что получил царевич, ты, наверное, восхвалила бы меня. Царевич намеренно выбрал меня, чтобы послать к тебе, из-за моей устрашающей наружности, так как он ревнует тебя и любит. У него ведь столько невольников, рабов, слуг, евнухов и челяди, что не счесть.

Девушка поверила его словам и поднялась...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 367-я

Когда же триста шестьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка поверила словам мудреца и поднялась. Вложив свою руку в руку мудреца, она сказала:

— О батюшка, что ты привез, на что бы я могла сесть?

И мудрец отвечал ей:

— О госпожа, коня, на котором ты прибыла. Ты поедешь на нем.

— Я не могу ехать на нем одна,— отвечала девушка.

Услышав это, мудрец улыбнулся и понял, что захватил ее.

— Я сам сяду с тобой,— сказал он ей.

Потом он сел, посадил ее сзади, прижав к себе, и затянул на ней веревки.

Затем мудрец повернул винт подъема, внутренность коня наполнилась воздухом, он зашевелился, задрожал, и поднялся вверх, и полетел. Летел он до тех пор, пока город не скрылся.

— Эй, где тот сад, о котором ты говорил?

А мудрец отвечал:

— Да обезобразит Аллах царевича! Он скверный и злой.

— Горе тебе! — воскликнула царевна.— Как ты можешь перечить приказу твоего господина?

— Он не мой господин,— ответил мудрец.— Знаешь ли ты, кто я?

— Нет, я знаю о тебе лишь то, что ты позволил о себе знать,— ответила царевна.

— Мой рассказ был только хитростью,— воскликнул мудрец.— Я всю жизнь горевал об этом коне — это мое создание, а царевич овладел им. Теперь же я захватил его и тебя вместе с ним и сжег сердце царевича, как он сжег мое сердце. Впредь он никогда не будет иметь над конем власти. Но успокой мое сердце и прохлади глаза,— я для тебя полезнее, чем он.

Услышав его слова, царевна стала бить себя по лицу и закричала:

— О горе! Мне не достался мой возлюбленный, и я осталась без отца и матери!

И она горько заплакала. Мудрец же продолжал лететь с нею в страну румов до тех пор, пока не опустился на зеленом лугу с ручьями и деревьями. И был этот луг близ города, а в городе был царь.

И случилось так, что в тот день царь выехал поохотиться и прогуляться и, проезжая мимо того луга, увидел стоящего мудреца, а с ним рядом — коня и девушку. Не успел мудрец опомниться, как налетели на него рабы царя, и взяли их всех, и поставили перед царем. Когда царь увидел безобразное лицо мудреца и узрел красоту и прелесть девушки, он сказал ей:

— О госпожа, какая связь между этим старцем и тобою?

— Это моя жена и дочь моего дяди,— поспешил ответить мудрец.

Услышав его слова, девушка объявила его лжецом и сказала:

— О царь, клянусь Аллахом, я не знаю его, и он мне не муж; он взял меня насильно, хитростью.

Тогда царь велел бить мудреца, и его так били, что он едва не умер. А потом царь приказал бросить его в тюрьму, после чего отобрал у него девушку и коня. Однако он не знал, что это за конь и как с ним обращаться.

Вот что было с мудрецом и с девушкой. Что же касается царского сына, то он оделся как путешественник, и взял деньги, и уехал, будучи в горестном настроении. Ища девушку, он шел из страны в страну и из города в город и спрашивал о коне из черного дерева. Всякий изумлялся ему и считал его безумным.

Долгое время, несмотря на расспросы и поиски, царевич не мог напасть на след девушки и коня. Затем он отправился в город отца девушки и спросил о ней там, но не услышал о ней вести и нашел ее отца глубоко опечаленным. Царевич

вернулся назад и направился в земли румов, чтобы там искать девушку с конем.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 368-я

Когда же триста шестьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царевич направился в земли румов, чтобы там искать девушку с конем.

Случилось, что он остановился в одном хане и увидел группу беседовавших купцов. Он подсел ближе и услышал, как один из них говорил:

— О друзья мои, я видел чудо из чудес.

— Что же это? — спросили его.

— Я был в одном краю, в таком-то городе (и он упомянул название города, в котором была девушка) и услышал, как его обитатели рассказывали диковинную повесть, будто царь города выехал однажды на охоту и ловлю вместе с толпой приближенных и вельмож, и, проезжая мимо зеленого луга, увидел там эбенового коня, а рядом с ним — стоявшего человека и женщину. Мужчина был безобразен видом, а девушка красива и прелестна. Ну, а конь из эбенового дерева — это чудо из чудес, никто никогда не видел лучше.

— И что же сделал с ними царь? — спросили присутствующие.

— Он схватил мужчину и спросил у него, кто эта девушка. Тот стал утверждать, что это его жена и дочь его дяди, но девушка объявила его слова лживыми. Тогда царь велел побить его и бросить в тюрьму. Что же касается эбенового коня, то я о нем ничего не знаю.

Услышав слова купца, царевич подошел к нему и стал его обо всем осторожно расспрашивать. Тот назвал ему город и имя царя. Когда настало утро, царевич выехал в путь. Достигнув того города, он решил войти туда, но привратники схватили его, чтобы привести к царю, тот должен был узнать причину его прихода сюда и чем он занимается.

Но все это случилось в вечерний час, когда не положено было входить к царю. Поэтому привратники привели его в тюрьму, но, увидав красоту царевича, тюремщики пожалели его и оставили у себя, а не в камере. Когда принесли им

еду, царевич поел с ними вдоволь, а потом они стали разговаривать, и тюремщики спросили царевича:

— Из какой ты страны?

— Я из страны Фарс, страны Хосроев,— ответил он.

Услышав это, они засмеялись, и кто-то из них сказал:

— О хосроец, я не видел и не слышал человека, более лживого, чем хосроец, который уже сидит у нас в тюрьме.

— А я не видел более безобразного лица,— сказал другой.

— Что вам известно о нем? — спросил царевич.

— Он утверждает, что он мудрец,— сказали тюремщики.— Царь увидал его на дороге, когда ехал на охоту, и с ним была женщина невиданной красоты, прелести и совершенства, а также необыкновенный конь из черного дерева. Что касается девушки, то она у царя, и он ее любит, но только она бесноватая. Если бы тот человек был действительно мудрец, как он это утверждает, он бы, наверное, ее вылечил. Царь пытается помочь ей. Что же касается коня из черного дерева, то он у царя в казне. А человек, безобразный видом, который был с нею,— у нас в тюрьме, и когда спускается ночь, он плачет и рыдает, не давая нам спать...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 369-я

Когда же триста шестьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, люди рассказали царевичу о персидском мудреце, который находится у них в тюрьме и все ночи напролет плачет и рыдает, не давая спать.

И царевич решил придумать план, который поможет ему достичь цели. Когда привратники захотели спать, они отвели царевича в тюрьму и заперли за ним дверь. Тут он услышал, как мудрец плачет и сетует по-персидски:

— Горе мне за то, что я навлек на себя и на царевича, и за то, что я сделал с девушкой, не оставив ее, но и не добившись желаемого. И все потому, что я задумал дурное: я искал для себя того, чего я не заслуживаю, а кто ищет того, что для него не годится, тот попадает туда, куда попал я.

Услышав слова персиянина, царевич заговорил с ним по-персидски:

— До каких пор будет стоять этот плач и завывание? Увидеть бы, постигло ли тебя то, что не постигло другого?

Персиянин стал ему жаловаться на свое положение и на тяготы, которые он испытывает. Наутро привратники взяли царевича и привели к своему царю, уведомив его, что он пришел в город вчера вечером, когда входить к царю не позволялось.

Царь стал расспрашивать царевича:

— Из какой ты страны? Как твое имя? Чем ты занимаешься? Почему ты прибыл в этот город?

— Что до моего имени,— ответил царевич,— то оно по-персидски Хадже, а моя страна — страна Фарс. Я из людей науки и умею врачевать. Я исцеляю больных и бесноватых, хожу по разным землям и городам, чтобы усовершенствовать свои знания, и попутно лечу больных. Вот мое ремесло.

Услышав слова царевича, царь сильно обрадовался и воскликнул:

— О достойный мудрец, ты явился к нам вовремя.

Он рассказал ему о девушке и в заключение сказал:

— Если ты исцелишь ее, ты получишь все, что потребуешь.

— Да возвеличит Аллах царя! — воскликнул царевич.— Опиши мне все, что ты видел в ней бесноватого, расскажи, сколько дней назад приключилось с нею это безумие и как ты захватил ее с конем и мудрецом.

И царь поведал ему обо всем и сообщил, что мудрец находится в тюрьме.

А царевич спросил:

— О счастливый царь, что же ты сделал с конем, который был с нею?

— О юноша,— ответил царь,— он у меня до сих пор находится в одной из комнат.

И царевич подумал: «Лучше всего сразу осмотреть коня, и если он цел, тогда исполнится все, что я хочу; если же он перестал двигаться, то мне придется придумать какую-нибудь хитрость, чтобы освободиться».

Потом он обратился к царю и сказал:

— О царь, мне следует посмотреть коня, может, я найду в нем что-нибудь, что мне поможет исцелить девушку.

— С любовью и охотой! — ответил царь, взял царевича за руку и привел к коню.

Царевич проверил, в каком он состоянии, и нашел его целым и невредимым. Он сильно обрадовался и воскликнул:

— Да возвеличит Аллах царя! Я хочу войти к девушке

и посмотреть, что с нею. Надеюсь, что исцеление придет через мои руки с помощью коня, если захочет Аллах великий.

И он велел стеречь коня.

Царь пошел с ним в комнату, где была девушка, и царевич увидел, что она бьется в истерике и падает. Но он понял, что она не безумная, а делала это лишь для того, чтобы к ней никто не приближался.

Увидев девушку в таком состоянии, царевич сказал ей:

— С тобой не будет беды, о искушение людей.

Затем он стал ласково говорить с нею и дал ей узнать себя. Тут же она громко вскрикнула и упала в беспамятство — так сильна была радость, которую она испытала. А царь подумал, что этот припадок оттого, что она его испугалась. Царевич припал к ее уху и сказал:

— Будь терпеливой и стойкой; сейчас нам особенно понадобится терпение и умелый расчет, чтобы хитростью освободиться от притеснителя-царя. А хитрость будет состоять в том, что я выйду к нему и скажу: «Ее болезнь — от духа из джиннов, и я тебе ручаюсь за ее исцеление». Я поставлю ему условие, чтобы он расковал на тебе цепи, и тогда этот дух якобы оставит тебя. И когда царь войдет к тебе, говори с ним спокойно, чтобы он видел, что благодаря мне ты вылечилась. Тогда исполнится все то, чего мы хотим.

— Слушаю и повинуюсь! — шепнула девушка.

Вскоре царевич вышел от нее и пришел к царю, радостно сообщив:

— О счастливый царь, кончились ее болезни, она выздоровела. Я вылечил ее для тебя. Войди же к ней и обещай ей то, что ее обрадует,— тогда исполнится все, что ты от нее хочешь...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 370-я

Когда же триста семидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда царевич представился мудрецом, он вошел к девушке, дал ей узнать себя и рассказал о своем замысле. Царевна сказала:

— Слушаю и повинуюсь!

Тогда царевич пошел к царю и сказал ему:

— Войди же к ней. Ласково поговори, пообещай то, что ее обрадует, тогда исполнится все, что ты от нее хочешь.

Когда царь вошел к девушке, она поднялась, поцеловала перед ним землю и сказала:

— Добро пожаловать!

Царь очень обрадовался и велел невольницам и евнухам заботливо прислуживать ей, отвести ее в баню и приготовить для нее одежды и украшения. Невольницы вошли к царевне и приветствовали ее, и она ответила наилучшими словами им. Потом ее облачили в роскошные одежды, а на шею надели ожерелье из драгоценных камней.

И повели ее в баню, и прислуживали ей, а затем царевну вывели из бани, подобную полной луне. Придя к царю, она приветствовала его и поцеловала перед ним землю. И царь сказал царевичу:

— Все это по твоему благословению, да умножит Аллах твои дуновения!

— Она вполне исцелится,— сказал царевич,— если ты выйдешь со всеми своими телохранителями и воинами на то место, где ты нашел ее. И пусть с тобой будет конь из эбенового дерева. Я заговорю там ее духа, заточу его и убью, и он никогда к ней не вернется.

— С любовью и охотой! — сказал царь.

Затем эбенового коня вынесли на тот луг, где нашли девушку, коня и персидского мудреца.

Царь и его войска сели на коней, и царь взял девушку с собой. На лугу царевич велел поставить девушку и коня как можно дальше от царя и воинов и сказал царю:

— С твоего разрешения я зажгу куренья, прочту заклинания и заточу здесь дух, чтобы он никогда к ней не возвращался; потом я сяду на эбенового коня, посажу девушку сзади, и конь начнет двигаться. Я доеду до тебя, и дело будет окончено. После этого делай с нею, что хочешь.

Услышав эти слова, царь сильно обрадовался. А царевич сел на коня, поместил девушку сзади (а царь и все воины смотрели на него) и, прижав ее к себе и затянув на ней веревки, повернул винт подъема... Конь поднялся в воздух. Воины смотрели на царевича, пока он не скрылся с глаз.

Царь провел полдня, ожидая его возвращения, но царевич не вернулся, и царь, потеряв надежду, стал горевать о разлуке с девушкой. Так и не дождавшись, он возвратился с войсками к себе в город.

Вот что было с ним. Что же касается царевича, то он направился к городу своего отца и наконец, довольный и счастливый, прилетел к его дворцу. Поселив девушку во

дворце, он пошел к своим родителям и после приветствия рассказал им о прибытии девушки, и они были счастливы, узнав обо всем. Вот что было с царевичем, конем и девушкой.

Что же касается царя румов, то, возвратившись в свой город, он уединился у себя во дворце, печальный и безутешный. И вошли к нему его вазиры и стали утешать его, говоря:

— Тот, кто взял девушку,— колдун, и слава Аллаху, который спас тебя от его колдовства и коварства.

И они не оставляли царя, пока тот не забыл невольницу. Что же касается царевича, то он устроил великий пир для жителей города.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 371-я

Когда же триста семьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царевич устроил великий пир для жителей города, и праздновали они целый месяц. А царевич с царевной были счастливы вместе. Вот что было с ними. Отец же царевича сломал коня из эбенового дерева.

Вскоре царевич написал письмо своему тестю, где рассказал ему обо всем, что с ним случилось. Он сообщил также, что женился на его дочери и она находится у него во дворце. Он также послал царю подарки и дорогие редкости. Когда посланный достиг города отца девушки, то есть Сана в Йемене, то он доставил письмо и подарки этому царю. Прочитав письмо, тот сильно обрадовался и принял подарки, оказав уважение посланному. Потом он приготовил роскошный подарок для своего зятя и послал его с тем же посланным назад. Тот возвратился с подарком к царевичу и осведомил его о том, что царь, отец девушки, был рад узнать о счастливой судьбе дочери.

И царь стал каждый год писать своему зятю и одаривать его. А когда отец юноши скончался, то он сам стал правителем в этом царстве. И был он справедлив к подданным, и подчинились ему страны, и повиновались ему рабы, и жили они сладостной и здоровой жизнью, пока не пришла к ним наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница. Да будет же хвала вечно Живому, дающему жизнь всему небесному и земному.

УНС АЛЬ-ВУДЖУД
И АЛЬ-ВАРД ФИЛЬ-АКМАМ

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века царь, саном высокий, величия и власти обладатель (так его отличил создатель). И был у царя вазир по имени Ибрахим, а у вазира была дочь редкой красоты и очарования, блистательная обладательница великого ума и образования. И любила она беседу за чашей вина, и лица прекрасные и нежно-страстные, и редкие рассказы, и к любви звала умы нежность ее свойств.

И ее имя было аль-Вард филь-Акмам. А назвали ее так, потому что пленяла ее красота, нежность чрезмерная и блеска полнота, и царь любил разделять с ней трапезу из-за ее совершенной образованности. А он имел обычай собирать вельмож своего царства и играть в шар. И в тот день, когда собирались люди, чтобы играть в шар, дочь вазира села у окна, чтобы посмотреть на них. И вдруг она увидела среди воинов юношу, лучше которого не было по виду и по наружности — с сияющим лицом, смеющимися устами, длинными руками и широкими плечами. И девушка несколько раз взор на него обращала и не могла насмотреться, глядя на него, и тогда она своей няньке сказала:

— Как имя этого юноши с красивым лицом, который среди воинов?

И нянька ответила:

— О дочь моя, все они красивые, который же среди них?

— Подожди, я укажу тебе на него,— сказала девушка.

Затем она взяла яблоко и бросила им в юношу, и тот поднял глаза и увидел в окне дочь вазира. Была она как во мраке луна. Еще взгляд его к нему не возвратился, как он в девушку эту влюбился. И он возмечтал и стихи прочитал:

Из войск стрела с зарубкой к нам летит
Иль прилетела она из окна?

А когда кончили играть, девушка спросила няньку:

— Как имя того юноши, на которого я тебе указала?

И нянька отвечала:

— Его имя — Унс аль-Вуджуд.

И девушка легла спать, и стала она вздыхать и такие стихи читать:

Да, прав был тот, кто имя тебе дал,
Усладой мира кто тебя назвал.

Все сущее твой освящает лик,
Своим сияньем ты весь мир объял.

Окончив читать свое стихотворение, она написала его на бумаге, завернула в кусок шелка, обшитый золотом, и положила под подушку. А одна из нянек увидела это, и подошла к девушке, и стала развлекать ее разговором, пока та не уснула, затем украла бумажку из-под подушки, прочла ее и поняла, что девушку охватила любовь к Унс аль-Вуджуду. После этого нянька положила ее на место, и когда ее госпожа аль-Вард филь-Акмам пробудилась ото сна, сказала ей:

— О госпожа, я тебе добрая советчица и за тебя ответчица. Знай, что любовь сильна. Если сокрыта она, плавится мост железный, растут недуги-болезни, для того, кто откроет любовь, нет упрека слов.

И аль-Вард филь-Акмам спросила ее:

— О нянюшка, а какое есть лекарство от страсти?

И та ответила:

— Лекарство от нее — единение.

— А как его достичь? — спросила девушка.

И нянька отвечала:

— Его можно достичь перепиской, мягкими речами и добрых пожеланий словами. Это влюбленных соединяет и трудные дела облегчает. И если у тебя есть дело, о госпожа, то я исполню твое желание и доставлю твое послание.

Услышав эти слова, аль-Вард филь-Акмам обрадовалась, но удержала себя от речей, чтобы увидеть конец задумки своей, и молвила про себя: «Об этом деле никто от меня не узнал, и я открою его этой женщине лишь после того, как испытаю ее».

А нянька сказала:

— О госпожа, во сне ко мне пришел человек и сказал: «Твоя госпожа и Унс аль-Вуджуд любят друг друга — помоги им, передавай их послания и исполняй их желания, скрывая их обстоятельства и тайны,— тебе достанется великое благо». Таков мой сон, а власть принадлежит тебе.

И аль-Вард филь-Акмам после этого спросила няньку...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 372-я

Когда же триста семьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь,

милостивый государь, аль-Вард филь-Акмам спросила няньку, когда та рассказала ей свой сон:

— Умеешь ли ты хранить тайны, о нянюшка?

И та отвечала:

— Как мне тайн не скрывать, если я свободная?

И тогда девушка вынула бумажку, на которой были написаны стихи, и молвила:

— Ступай с этим посланием к Унс аль-Вуджуду и принеси мне ответ от него.

И нянька, взяв послание, отправилась с ним к Унс аль-Вуджуду. Войдя к нему, поцеловала ему руки и приветствовала его ласковыми речами, а затем она отдала ему бумажку, и Унс аль-Вуджуд прочел письмо, и понял его смысл, и потом написал стихи на письме том:

В горячей моей душе таится огонь большой,
Скрываю мою любовь, но вид открывает мой.

Коль слезы пролью, скажу: «То рана в моих глазах,
Чтоб сплетник не увидал, не понял бы, что со мной»..

Влюбился навеки я, ах, сердце полно любви.
А прежде свободен был, не знал любви никакой.

Я сердце открыл свое, и сетую горько я
На страсть и мою любовь, чтоб сжалились надо мной!

Затем свернул письмо, поцеловал его и отдал женщине и сказал:

— О няня, смягчи душу твоей госпожи, о любви расскажи.

— Слушаю и повинуюсь,— ответила та.

Взяв у него письмо, она вернулась к своей госпоже и отдала его ей. Аль-Вард филь-Акмам поцеловала его, а затем, развернув, прочитала и, поняв его смысл, внизу такие стихи написала:

О потерпи, носитель красоты,
В любви, возможно, будешь счастлив ты,

Когда поверим, что ты в нас влюблен,
Лишь страж мешает нам осуществить мечты.

Окончив стихи, она свернула бумажку и отдала няне. Та взяла ее и вышла от аль-Вард филь-Акмам, дочери вазира. Встретившийся ей царедворец спросил:

— Куда идешь?

И старуха ответила:

— В баню.

Она испугалась его, и бумажка выпала у нее, когда она выходила из дверей.

Вот что было с нею. Что же касается бумажки, то один евнух, увидев ее на дороге, поднял. Тем временем вазир вышел из гарема и сел на свое ложе. А евнух, подобравший бумажку, направился к нему, и, когда вазир сидел на ложе, вдруг подошел к нему с бумажкой в руке и сказал:

— О господин, я нашел эту бумажку, оброненную в доме, и поднял ее.

И вазир взял у него бумажку из рук (а она была свернута), и развернул ее, и увидел, что на ней написаны стихи, о которых было упомянуто раньше, и стал читать, и понял их смысл, и узнал почерк своей дочери. И тогда он вошел к ее матери, так сильно плача, что слезы текли по его бороде, и его жена спросила его:

— Что случилось, о господин мой?

— Возьми эту бумажку и посмотри, что в ней,— ответил вазир.

Жена вазира взяла бумажку и увидела, что это послание от ее дочери аль-Вард филь-Акмам к Унс аль-Вуджуду. И слезы стали душить ее, но она поборола себя и, удержав слезы, сказала вазиру:

— О господин, от плача нет пользы, и правильное решение в том, чтобы нам придумать какое-нибудь дело для защиты чести нашей дочери.

Она стала утешать его, облегчая его печаль, и он сказал ей:

— Я боюсь. И мой страх имеет две причины. Первая — так как это моя дочь, а вторая — из-за султана, поскольку Унс аль-Вуджуд — его любимец, и может произойти большое несчастье. Что ты думаешь по этому поводу?

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 373-я

Когда же триста семьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вазир спросил жену:

— Что ты думаешь по этому поводу?

— Подожди, пока я совершу молитву о совете,— отвечала жена.

Совершив молитву в два раката, как установлено для молитвы о совете, и окончив ее, она сказала мужу:

— Посреди Моря Сокровищ есть гора, называемая «Гора лишившейся ребенка» (а причина, по которой ее так назвали, будет далее), и никто не может добраться до этой горы без труда. Устрой же там для нашей дочери жилище.

И вазир пообещал своей жене, что он построит на этой горе неприступный дворец, и там будет жить его дочь. И к ней будут доставлять припасы ежегодно, и поселят с ней людей, которые будут ее развлекать и служить ей. И собрал он плотников, и строителей, и измерителей, и послал их на ту гору, и они выстроили для девушки неприступную крепость,— подобной ей не видали видящие. А затем вазир приготовил припасы и верблюдов, и вошел к своей дочери ночью, и приказал ей собираться в дорогу. И сердце ее почуяло разлуку. Когда девушка вышла и увидела людей в обличье путешественников, она заплакала сильным плачем и стала писать на дверях, Унс аль-Вуджуда оповещая, беда у нее какая,— от нее волосы дыбом встают, тают камни и слезы текут. И она, испытывая сильное волнение, написала стихотворение:

Прошу тебя Аллахом, дом родной,
Когда пройдет под утро милый мой,

Ему привет сердечный передай.
Не знаем ведь, вернемся ли домой...

А окончив свои стихи, она села и поехала вместе со своими людьми, пересекая степей, пустынь, равнин и круч немало, пока Море Сокровищ не засияло. И разбили палатки на берегу моря, и построили для девушки большой корабль, и посадили ее туда вместе с ее невольницами. И вазир приказал, чтобы, после того как они достигнут горы и отведут девушку и ее невольниц во дворец, люди возвратились бы на корабле назад, а сойдя с корабля, сломали бы его. И они уехали, и сделали, как приказал вазир, и вернулись, плача о том, что случилось.

Вот что было с ними. Что же касается Унс аль-Вуджуда, то он поднялся после сна и совершил утреннюю молитву, а затем сел на коня и отправился служить султану. И, как всегда, он проезжал мимо ворот вазира, надеясь, что увидит кого-нибудь из приближенных вазира, которых он обычно встречал, и посмотрел на ворота, и увидал, что на них написано стихотворение.

И когда Унс аль-Вуджуд увидел это стихотворение, мир исчез для него, и огонь загорелся в его груди, и он возвра-

тился к себе домой, и потерял он покой, и охватили его тревога и волнение, пока не пришла ночь. И Унс аль-Вуджуд, никому ничего не сказав, переодевшись, вышел в темноту ночи и пошел, куда глаза глядят. Так шел он всю ночь и весь следующий день, пока не усилился жар солнца и не запылали горы и он не почувствовал сильную жажду. И увидел он дерево, а подле него ручей с прозрачной водой. И направился он к этому дереву и сел на берегу ручья. И он хотел напиться, но вода не имела для него вкуса, лицо его пожелтело, и ноги его распухли от ходьбы и утомления, и он горько заплакал от волнения. А потом поднялся и пошел бродить. И когда шел он по степям и пустыням, вдруг вышел лев, шею которого душили волосы, и голова его была величиной с купол, и пасть шире, чем ворота, а клыки — точно бивни слона. И при виде льва Унс аль-Вуджуд убедился, что умрет, и, обернувшись лицом к кыбле, произнес исповедание веры и приготовился к смерти. А он знал из книг, что если смириться перед львом, то и лев перед тобой смирится, так как его укрощают хорошие слова и он делается гордым от похвал. И он говорить льву стал:

— О лев из чаши пустыни, храбрец, молодцов отец, о царь взыскующий, я влюбленный тоскующий, и погубили меня любовная мука и разлука, расставшись с любимыми, я потерял верный путь. Милостив будь, сжалься над моей любовью и страстью!

И лев, услышав его слова, отошел назад и сел, опершись на хвост. А потом он поднял голову и стал играть хвостом и передними лапами. И когда Унс аль-Вуджуд увидал эти движения, он произнес такие строки стихотворения:

О царь пустыни, я твой друг, араб.
Не умертвляй — я встречу тех, чей раб.

Не дичь я, нет, и жира нет на мне,
Любимых потеряв, теперь я слаб...

А когда он окончил стихотворение, лев поднялся и пошел к нему...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 374-я

Когда же триста семьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Унс аль-Вуджуд окончил сти-

хотворение, лев поднялся и пошел к нему с ласковым видом, и глаза его были полны слез. Подойдя к нему, лев лизнул его языком и пошел впереди него, сделав знак следовать за ним.

И Унс аль-Вуджуд последовал за ним, и так они шли, пока не поднялись на гору. Затем они спустились в пустыню, и юноша увидел следы людей и понял, что это следы тех, кто шел с аль-Вард филь-Акмам. И он пошел по следам. Увидав, что юноша пошел по следам и поняв, что это след людей, прошедших с его возлюбленной, лев повернул назад и ушел своей дорогой.

Что же касается Унс аль-Вуджуда, то он шел по следу днем и ночью в горе, пока не увидел ревущее море, где бились волны. И здесь след оборвался. И Унс аль-Вуджуд понял, что далее путь пролегал по морю, и все его надежды рухнули, и он пролил потоки слез и такие стихи произнес:

Я с малых лет любовь и страсть познал,
Когда ребенком молоко сосал,

И выпил чашу страсти и беды,
И, мягок телом, как бы стертым стал.

И он заплакал, и упал в беспамятство, и провел в бесчувствии долгое время, а потом очнулся, обернулся кругом, но никого не увидал в пустыне.

И Унс аль-Вуджуд испугался диких зверей и поднялся на высокую гору, и когда он стал на этой горе, вдруг услышал голос человека, который говорил в пещере. Унс аль-Вуджуд прислушался, и оказалось, что это богомолец, который оставил мир, погрузившись в благочестие. Юноша постучался к нему в пещеру три раза, но богомолец не ответил и не вышел. Унс аль-Вуджуд стал испускать вздохи.

Вдруг дверь пещеры открылась, и Унс аль-Вуджуд услышал голос, произносящий:

— О милость!

И он вошел в дверь и приветствовал богомольца, и тот ответил на его приветствие и спросил:

— Как твое имя?

— Мое имя — Унс аль-Вуджуд,— ответил юноша.

— Почему ты пришел сюда? — спросил богомолец.

И Унс аль-Вуджуд рассказал ему свою историю с начала до конца, поведав обо всем, что с ним случилось, и богомолец заплакал и сказал ему:

— О Унс аль-Вуджуд, я провел в этом месте двадцать лет и не видел здесь никого до вчерашнего дня, а вчера я

услышал плач и шум, и, посмотрев в сторону звуков, я увидел множество людей и палаток, расставленных на берегу моря, и люди построили корабль, и на него село несколько человек, и они поплыли по морю. А потом корабль вернулся с некоторыми из них, и они сломали корабль и ушли своей дорогой. Я думаю, что люди, которые уехали морем и не вернулись, и есть те, кого ты ищешь, о Унс аль-Вуджуд. И забота твоя тогда велика, и беспокойство тебе простительно. Но не найдется любящего, который не испытал бы печалей.

Затем богомолец подошел к Унс аль-Вуджуду и обнял его...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 375-я

Когда же триста семьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, богомолец подошел к Унс аль-Вуджуду и обнял его, и они так плакали, что горы загудели от их плача. И плакали они до тех пор, пока не упали в беспамятство. А очнувшись, они дали друг другу обет быть братьями ради Аллаха великого. И богомолец сказал Унс аль-Вуджуду:

— Сегодня ночью я помолюсь и спрошу для тебя у Аллаха совета.

И Унс аль-Вуджуд отвечал ему:

— Слушаю и повинуюсь.

Вот что было с Унс аль-Вуджудом. Что же касается аль-Вард филь-Акмам, то ее привезли к горе и привели во дворец, и, взглянув на него, она увидела, как он устроен, и заплакала, и сказала:

— Клянусь Аллахом, это прекрасное место, но как недостает здесь любимого!

И она увидела на острове птиц и велела одному из своих приближенных поставить силки и изловить нескольких, и всякий раз, как поймает, сажать птиц в клетки во дворце, и слуга сделал так, как она велела.

И аль-Вард филь-Акмам села у окна и стала вспоминать все, что с ней случилось, и усилились ее любовь, страсть и волненье, и она слезы пролила и такие стихи прочла:

Посетую кому я на любовь?
Судьба нас разлучила с милым вновь.

О, знаешь ли, любимый, милый мой,
Я брошена за сталь замком оков!

В таком далеком месте я теперь,
Найдешь ли ты в горах мой грустный кров?

А когда мрак покрыл даль, усилилась девушки печаль, она вспомнила все, что миновало, и такое стихотворение прозвучало:

Спустился на горы туман, и боль взволновала страсть.
Тоска охватила меня — желает натешиться всласть.

Любовью замучена я и горестью вся сожжена,
Печаль и тревоги растут, хотят мою волю украсть.

Готова я выдержать все, чтобы не погасла любовь.
Приветствуй любимого, ночь! Твоя, о бессонница, власть!

Вот что было с аль-Вард филь-Акмам. Что же касается Унс аль-Вуджуда, то богомолец сказал ему:

— Спустись в долину и принеси мне лыка с пальм.

И Унс аль-Вуджуд спустился и принес лыка. Богомолец взял лыко и свил из него сеть, а потом сказал:

— О Унс аль-Вуджуд, в глубине долины есть кусты, которые растут и сохнут на корнях,— спустись туда и наполни ими сеть. Затем завяжи ее, брось в море, а сам сядь на нее и плыви,— быть может, ты достигнешь своей цели. Тот, кто не подвергает себя опасности, не получает того, к чему стремится.

И Унс аль-Вуджуд отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

После этого он простился с богомольцем, ушел от него и начал действовать так, как приказал старец.

А когда он доплыл на сети до середины моря, подул ветер и погнал его далеко. И он, не переставая, плыл по морской пучине, поднимаемый одной волной, опускаемый другой, и видел, какие в море диковины и ужасы, пока не выбросила его судьба через три дня к Горе лишившейся ребенка. На сушу вышел он, напоминая оглушенного цыпленка, страдая от голода и жажды, и увидал бегущие потоки, и птиц, поющих на ветвях, и плодоносные деревья, которые росли парами и отдельно. И он долго ел плоды, потом напился из источников воды и пошел бродить. Увидев вдали что-то белое, он пошел по направлению к нему. Подойдя, Унс аль-Вуджуд увидел, удивленный, что это дворец,

неприступный и укрепленный. Подойдя к воротам и увидев, что они заперты, он просидел возле них три дня. Пока он так сидел, вдруг открылись ворота дворца и оттуда вышел евнух. Увидев Унс аль-Вуджуда, он спросил его:

— Откуда ты и что тебя сюда привело?

И Унс аль-Вуджуд ответил:

— Я прибыл из Испахана. Корабль с товаром, на котором я плыл по морю, потерпел крушение, и волны выбросили меня на этот остров.

Евнух обнял юношу, заплакал и сказал:

— Да продлит Аллах твою жизнь! Испахан — моя страна, там живет моя двоюродная сестра, в которую я был сильно влюблен. Но на нас напали, захватили меня вместе с прочей добычей (а я был маленький) и оскопили, а потом меня продали в евнухи, и вот я в таком положении...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 376-я

Когда же триста семьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, евнух рассказал Унс аль-Вуджуду обо всем, что случилось с ним, завершив рассказ:

— Люди, которые захватили меня, оскопили и продали в евнухи, и вот я в таком положении.

Затем евнух приветствовал Унс аль-Вуджуда и ввел его во двор дворца. Там был большой пруд, окруженный деревьями и кустами, и птицы в серебряных клетках с золотыми дверцами весело щебетали.

Унс аль-Вуджуд подошел к первой клетке, вгляделся в птицу и увидел, что это горлинка. Птица же, увидев юношу, возвысила голос свой, молвила:

— О благой!

От неожиданности Унс аль-Вуджуд впал в беспамятство. А очнувшись, стал вздыхать и такие стихи читать:

О горлинка, безумна ль ты, как я?
Ты молвила: «Благой!» Ах, речь твоя

От страсти, от восторга, что в душе?
Поешь ли с горя? Где твоя семья?

Больна ты, в горе, потеряв друзей?
Не радуют роскошные края?

И он заплакал, и упал, снова впав в беспамятство, а опомнившись, встал и побрел. Так он шел, пока не дошел до второй клетки, в которой сидел вяхирь. И вяхирь, увидев его, проворковал:

— О вечный, благодарю тебя!

И Унс аль-Вуджуд стал вздыхать, сдерживая потоки слез, и такие стихи произнес:

Воркуя, вяхирь, ты промолвил мне;
Благодарю я в горести вдвойне!

Возможно, наградит меня Аллах,
Сведет с любимой в дальней стороне.

И выпущу я птичек из темниц,
Пускай летают, счастливы вполне.

А окончив стихи, он к третьей клетке на высокой ветке подошел и соловья там нашел. И соловей при виде юноши защебетал, а тот, певца услышав, стихи прочитал:

Ах, соловьиный голос! Как сложна
Пронзительная песня и нежна!

Как любящие в горести поют,
О, как им снисходительность нужна!

Они — любовь великая сама,
Не знают ни утра они, ни сна.

Окончив эти стихи, он подошел к четвертой клетке и увидел в ней соловья другой породы, и соловей застонал и защебетал при виде Унс аль-Вуджуда, а тот услышал его щебетание и произнес стихотворение-страдание:

На заре прекрасный голос тешит даль —
Соловьиная и радость, и печаль.

Удивительная песня размягчила
От восторга даже камень, даже сталь.

И под утро нам вещает ветерок,
Что в садах цветет сирень, цветет миндаль.

Он прошел еще немного и увидел диковинную клетку,— не было клетки лучше ее. Приблизившись же еще, узрел в ней лесного голубя — вяхиря. Небесное созданье от страсти пело, а на шее у птицы дивное ожерелье из драгоценных камней висело. Голубь сидел в клетке ошеломленный, и юноша потрясенный пролил немало слез и вот эти стихи произнес:

Лесной мой вяхирь, шлю тебе привет,
Ты песней-лаской покоряешь свет,

Влюблен давно я в стройную газель,
На сна приятность мне давно запрет.

А когда Унс аль-Вуджуд окончил свои стихи...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 377-я

Когда же триста семьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Унс аль-Вуджуд окончил свои стихи, лесной голубь пробудился от оцепенения и, услышав слова стихотворения, стал стонать, и кричать, и петь, так что едва словами не щебетал, и язык обстоятельств за него такие стихи сказал:

Влюбленного увидев, вспомнил я,
Как погибала молодость моя.

И вспомнил я любимую свою,
Мои лесные милые края.

Не нужно ожерелье из камней —
Верните радость вольного житья!

Затем Унс аль-Вуджуд, обратившись к испаханцу, спросил его:

— Чей это дворец и кто там живет?

— Его построил такой-то вазир для своей дочери, боясь для нее времени случайностей и любви печальностей. И поселил он ее там вместе с ее людьми, и мы отпираем ворота только раз в год, когда получаем припасы.

И Унс аль-Вуджуд сказал себе: «Близко мое желаемое, но долог срок!»

Вот что было с Унс аль-Вуджудом. Что же касается аль-Вард филь-Акмам, то ей не было приятно ни есть, ни пить, ни петь, ни спать, ни сидеть, и она поднялась (а страсть ее не улеглась, а возросла), и все углы дворца обошла, но не нашла для себя успокоения и, заплакав, произнесла слова стихотворения:

От милого в темницу увезли
За море синее, на край земли.

Хотели, чтоб забыла я его,
Огнями страсти сердце мне сожгли.

В печали нервной день и ночь живу,
Грущу о нем, а встреча с ним вдали...

Затем она, одев свои лучшие одежды и ожерелье из драгоценных камней, связав баальбекские одежды, спустилась по ним на землю. И так шла она по степям и пустыням, пока не достигла берега моря. И там был рыбак в лодке. Он ловил рыбу, и ветер прибил его к этому острову. Рыбак обернулся и увидел на острове аль-Вард филь-Акмам, а увидав ее, испугался и на лодке помчался. И девушка стала знаками его звать и стихи читать:

Меня не бойся, о рыбак благой,
Ты отзовись на зов душевный мой.

О, пожалей бесценный жар любви,
Тебя увидит, может, мой родной.

Услышав ее слова, рыбак начал плакать, и стонать, и юность свою вспоминать,— тогда он встречался с любимой, и была любовь неодолимой. И сейчас велики были его волненье и увлеченье, огни любви его сожгли, и уста стихи произнесли:

Я вспоминаю молодость мою,
Мою любовь и страсть, я слезы лью.

Мои глаза в ночи уже не спят.
Я о любви, о близости пою!

Окончив стихи, рыбак подплыл к берегу и сказал девушке:

— Сойди в лодку, я отвезу тебя, куда ты пожелаешь.

Аль-Вард филь-Акмам сошла в лодку, и рыбак поплыл с нею, но, лишь они немного отъехали от берега, подул сзади сильный ветер, и лодка понеслась, и скоро берег скрылся с их глаз, и рыбак не знал, куда они плывут. Ветер все усиливался, и так продолжалось три дня, а потом он утих по велению Аллаха великого, и лодка плыла, пока не приплыла к городу на берегу моря...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста [illegible]десят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится [illegible]редании, о счастливый наш царь, милостивый госуда[illegible]одка с рыбаком и аль-Вард филь-Акмам приплыла [illegible]ороду у моря. И рыбак решил пристать к берегу. А [illegible]вил этим городом царь, отличавшийся великой яростью [illegible] звали его Дирбас. В это самое время сидел он со своим сыном в царском дворце, и смотрели они в окно, и обратили взоры в сторону моря, и увидели лодку. И увидали они в лодке женщину, подобную луне среди звезд, и были кольца с дорогими бадахшанскими рубинами на ней и ожерелье из драгоценных камней. И царь понял, что она из дочерей вельмож и царей, и вышел из дворца через ворота, которые вели к морю, и увидел, что лодка пристала к берегу и девушка спит, а рыбак привязывает лодку к причалу. И царь пробудил девушку ото сна. Она проснулась, и царь спросил ее:

— Кто ты и откуда и почему прибыла сюда?

И аль-Вард филь-Акмам отвечала:

— Я дочь Ибрахима, вазира царя Шамиха, и причина моего прибытия сюда — дело не случайное и обстоятельство необычайное.

И она рассказала ему свою историю.

Услышав слова девушки, царь убедился в ее любви и страсти, и его охватила жалость к ней, и он молвил:

— Нет для тебя страха и испуга, в моем лице имеешь друга, я приведу тебя к тому, что тебе желательно, чего ты ищешь. Выслушай такие слова:

Тебя, дочь знатных, встретил добрый край —
Весть радостную, девушка, узнай.

Пошлю богатства, витязей, коней
Я к Шамиху. Любовь — и ад, и рай.

Изведал хорошо я вкус любви...
Не трогай чувств, влюбленным все прощай!

Закончив стихи, царь вышел к своим приближенным и, призвав вазира, велел связать тюки с несметными богатствами и отправляться к царю Шамиху.

— Обязательно привези ко мне человека по имени Унс аль-Вуджуд и скажи царю: «Царь Дирбас хочет с тобою породниться, выдав свою дочь замуж за Унс аль-Вуджуда, твоего приближенного. Ему необходимо отправиться со

мною, чтобы мы написали брачный договор царевны в царстве ее отца»,— приказал он вазиру.

И потом царь Дирбас написал царю Шамиху письмо, где содержалось все это, и дал его вазиру, еще раз приказав, чтобы тот привез Унс аль-Вуджуда, и сказал:

— Если же не привезешь его ко мне, будешь отстранен от места.

И вазир отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

Затем вазир отправился с подарками к царю Шамиху. Прибыв к нему, он передал привет от царя Дирбаса и отдал письмо и подарки. И, увидав дары и прочитав письмо, в котором упоминалось имя Унс аль-Вуджуда, царь Шамих молвил вазиру:

— Где же Унс аль-Вуджуд? Он ушел, и мы не знаем о нем ничего. Найди мне его, и я дам тебе во много раз больше подарков, чем ты привез.

И он стал жаловаться, и вздыхать, и стихи со слезами читать:

Верните друга верного, прошу.
Что мне рубины? Я их не ношу.

Со мной жил ясный месяц золотой,
Словами свойств его не опишу...

Его в заботе нянчил я дитям,
Ах, в горести теперь стареть спешу...

А потом он обратился к вазиру, который привез дары и послание, и сказал ему:

— Ступай к твоему господину и скажи ему, что уже год, как Унс аль-Вуджуд ушел, и мы не знаем, куда он отправился, и не имеем о нем никаких вестей.

— О царь,— отвечал вазир,— мой господин сказал мне: «Если не привезешь его ко мне, будешь отстранен от должности». Как же я поеду без Унс аль-Вуджуда?

И царь Шамих приказал своему вазиру Ибрахиму:

— Отправляйся с ним и с отрядом людей, и разыщите Унс аль-Вуджуда.

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал вазир.

Он собрал отряд приближенных, взял с собою вазира царя Дирбаса, и они отправились на поиски Унс аль-Вуджуда...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста семьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Ибрахим, вазир царя Шамиха, собрал отряд приближенных, взял с собою вазира царя Дирбаса, и они отправились на поиски Унс аль-Вуджуда. И, проходя мимо кочевых арабов или оседлого племени, они спрашивали:

— Не проходил ли здесь человек, которого зовут так-то и облик его такой-то?

Но им отвечали:

— Мы такого не встречали.

Так они спрашивали во всех городах и селеньях и искали на равнинах и на горах, в пустынях и степях, пока не пришли к берегу моря. Там они потребовали лодку, сели в нее и плыли, пока не достигли Горы лишившейся ребенка. И тогда вазир царя Дирбаса спросил вазира царя Шамиха:

— Почему эту гору так назвали?

— Потому что здесь поселилась в древние времена джинния, и была эта джинния из Китая. Она страстно полюбила одного человека. Но джинния боялась своих родных. И когда ее страсть сильно возросла, она стала искать места на земле, где можно было бы спрятать возлюбленного от своих родных, и нашла эту гору, пути к которой не может найти никто, ни человек, ни джинн. И тогда она похитила возлюбленного, и отнесла его на гору, и стала украдкой навещать его. Так продолжалось долгое время, пока она не родила на этой горе множество детей. Купцы, проезжая мимо горы, слышали детский плач, похожий на плач матери, лишившейся детей,— поведал легенду вазир Ибрахим.

Путники шли, пока не достигли дворца. Они постучали в ворота, ворота раскрылись, и к ним вышел евнух, и узнал Ибрахима, вазира царя Шамиха, и поцеловал ему руки. А затем вазир вошел во дворец и увидел среди евнухов одного факира. Это был Унс аль-Вуджуд. Вазир спросил:

— Откуда этот человек и кто он?

— Это купец. Его имущество утонуло, но он спасся. Он одержимый,— ответили ему.

И вазир оставил его и вошел во дворец, но не увидел следов своей дочери. И тогда он начал расспрашивать ее невольниц.

— Мы не знаем, как она ушла, она пробыла с нами совсем недолго,— отвечали те.

И вазир зарыдал и стихи прочитал:

Вот дом, где вечно пели стаи птиц,
Людскому счастью не было границ.

Влюбленный плачет — ведь открыта дверь,
И нет ее очей, бровей, ресниц.

А прочитав стихи, воскликнул:

— Не обмануть судьбу и не убежать от предопределения и решения Аллаха!

Затем он поднялся на крышу и увидел баальбекские одежды, привязанные к бойницам дворца и доходившие до земли. И он понял, что дочь спустилась по ним и ушла, куда глаза глядят.

Он обернулся и увидел ворону с совою. И он это зловещим предзнаменованием счел, загрустил и с крыши дворца сошел. И велел евнухам искать госпожу. И они на гору взошли, но там ее не нашли.

Что же касается Унс аль-Вуджуда, то он, убедившись, что аль-Вард филь-Акмам исчезла, закричал страшным криком и упал без памяти, и люди думали, что он взят Аллахом всемилостивым и погрузился в красоту величия судящего.

Вот что приключилось с Унс аль-Вуджудом. Что же до вазира Ибрахима, то, отчаявшись найти Унс аль-Вуджуда, его сердце стало занято мыслью об исчезновении дочери аль-Вард филь-Акмам. Вазир же царя Дирбаса, не достигнув желаемого, пожелал отправиться в свою страну. Ибрахим, отец аль-Вард филь-Акмам, стал с ним прощаться, и вазир царя Дирбаса сказал ему:

— Я хочу взять с собою этого факира — может, Аллах великий смягчит сердце царя по его благословению, ибо этот факир — восхищенный Аллахом. А потом я пошлю его в страну Испахан, так как она недалеко от нашей страны.

— Делай что хочешь,— отвечал вазир Ибрахим.

И каждый из них отправился своей дорогой. Вазир царя Дирбаса взял Унс аль-Вуджуда с собой...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста восьмидесятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, вазир царя Дирбаса взял с собою Унс аль-Вуджуда, покрытого беспамятством, и ехал с ним три дня. Юноша был без чувств, и его везли на мулах.

Очнувшись же от беспамятства, он спросил:

— Где я нахожусь?

И ему отвечали:

— Ты вместе с вазиром царя Дирбаса.

И приближенные вазира пошли к нему и сказали, что Унс аль-Вуджуд очнулся. Вазир послал ему розовой воды и сахару. Унс аль-Вуджуда напоили, и оживили его, и ехали до тех пор, пока не приблизились к городу царя Дирбаса. Царь, узнав о возвращении вазира, послал сказать ему:

— Если с тобою нет Унс аль-Вуджуда, не приходи ко мне.

Вазир прочитал приказ царя, и ему стало тяжело. Он не знал, что аль-Вард филь-Акмам находится у царя, и не знал, почему его послали за Унс аль-Вуджудом, как не знал и того, почему царь Дирбас хочет породниться с царем Шамихом.

Унс аль-Вуджуд тоже не знал, куда его везут, и не знал, что его ищут.

Когда Унс аль-Вуджуд очнулся, вазир сказал ему:

— Царь послал меня исполнить одно дело, но я не справился с ним, и, узнав о моем прибытии, царь прислал мне письмо, в котором велел не вступать в город, если дело не исполнено.

— А в чем состоит дело? — спросил Унс аль-Вуджуд.

И вазир поведал ему всю историю. Выслушав, Унс аль-Вуджуд сказал ему:

— Не бойся! Иди к царю и возьми меня с собою, я ручаюсь, что царь не прогонит тебя.

Вазир обрадовался и воскликнул:

— Правда ли то, что ты говоришь?

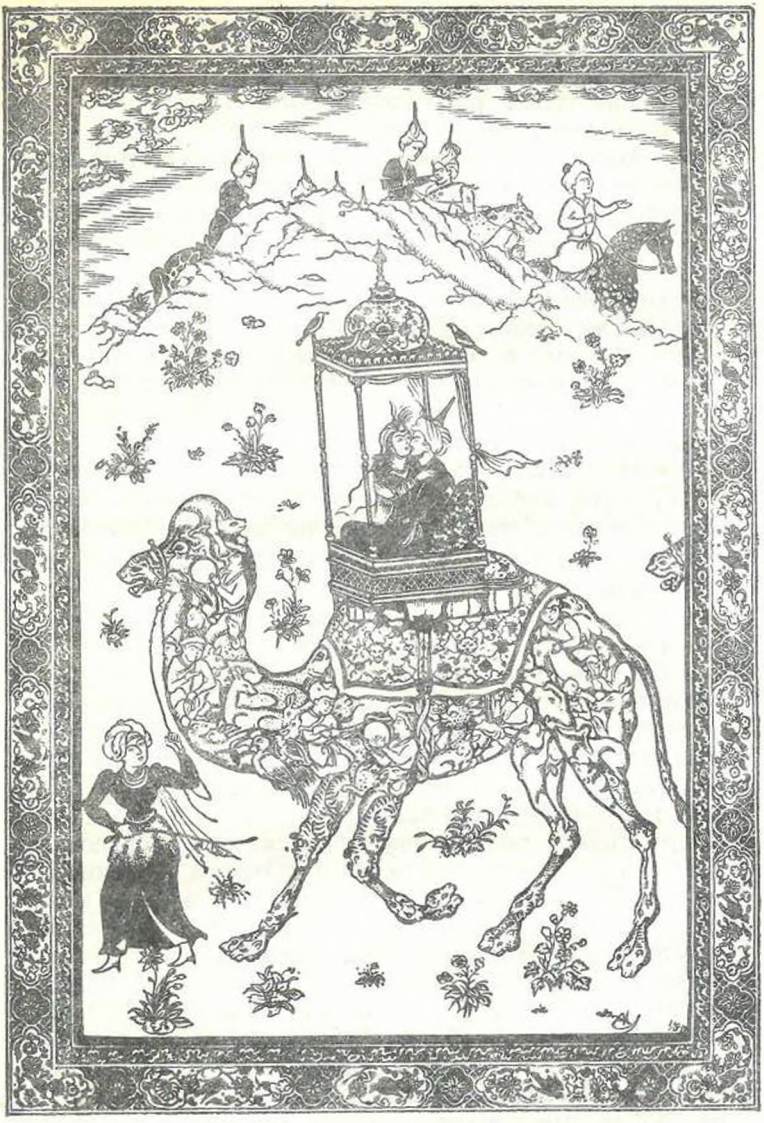
— Да! — ответил Унс аль-Вуджуд.

Вазир сел на коня, взял с собою Унс аль-Вуджуда, и они поехали к царю.

Когда они прибыли, царь спросил вазира:

— Где Унс аль-Вуджуд?

И Унс аль-Вуджуд сказал:



— О царь, я знаю местопребывание Унс аль-Вуджуда.

Царь приказал юноше подойти ближе и спросил его:

— Где же он?

— Очень близко, но скажи мне, что ты от него хочешь, и я приведу его к тебе,— отвечал юноша.

— С любовью и охотой,— ответил царь,— но только это дело требует уединения.

Царь велел всем уйти и, оставшись наедине с Унс аль-Вуджудом, рассказал ему все, не таясь. И тогда Унс аль-Вуджуд сказал ему:

— Принеси мне роскошную одежду и надень ее на меня, и я тотчас же приведу к тебе Унс аль-Вуджуда.

Царь дал ему роскошное одеяние, и Унс аль-Вуджуд надел его и сказал:

— Я — Унс аль-Вуджуд!

И царь сказал ему:

— Клянусь Аллахом, вы поистине верные влюбленные, как две звезды, в небе красоты отдаленные, и дело ваше удивительно рискованное, и обстоятельства ваши диковинны!

И он рассказал Унс аль-Вуджуду всю повесть аль-Вард филь-Акмам.

Выслушав до конца, юноша спросил его:

— Где же она, о царь времени?

— Она у меня,— отвечал царь.

Затем он призвал судью и свидетелей и заключил договор девушки с Унс аль-Вуджудом, одарив его милостями. Потом царь Дирбас послал гонца с письмом к царю Шамиху и известил обо всем, что случилось у него с Унс аль-Вуджудом и аль-Вард филь-Акмам.

Царь Шамих, получив письмо, несказанно обрадовался и ответ написал: «Раз заключение договора произошло у тебя, празднество и вход мужа к жене должны быть у меня». И он снарядил верблюдов и коней и послал за Унс аль-Вуджудом и аль-Вард филь-Акмам людей. Когда посланные пришли к царю Дирбасу, тот одарил юношу и девушку большими деньгами и подарками и отослал их в сопровождении многих воинов. И они ехали, пока не достигли родного города, и был этот день днем празднества, великолепнее которого не видывали. Царь Шамих собрал всех певиц с разнообразными инструментами для пения и устроил пиры, и так прошли семь дней. Каждый день царь Шамих одаривал людей роскошными одеждами и оказывал им милости. А потом Унс аль-Вуджуд вошел к аль-Вард филь-Акмам и обнял ее, и пела девушка, рыдая, и песня ее была такая:

Пришло веселье, и ушла беда,
И зависть миновала, и вражда.

Тревоги, что несли нам седину,
Все страхи я забыла навсегда.

А когда аль-Вард филь-Акмам окончила свое пение, они обнялись и оставались так, пока не упали без чувств...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 381-я

Когда же триста восемьдесят первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Унс аль-Вуджуд и аль-Вард филь-Акмам обнялись и остались так, пока не упали без чувств от сладости встречи, а когда очнулись от бесчувствия, Унс аль-Вуджуд произнес расчувствованно:

О сладостные ночи в тишине,
Когда ты справедливым стал ко мне.

Разлуки нет — и стали мы близки!
Простил нам все живущий в вышине.

Ах, как приятна и медова жизнь!
Люблю я, обладая, все сильней.

А когда он окончил свое стихотворение, они ушли в уединение и проводили время за беседой, стихами и тонкими повестями и рассказами, пока не потонули в море страсти. И провели в счастье семь дней, и им становилось все веселей, они не отличали ночи ото дня из-за охватившего их наслаждения, радости и полного раскрепощения, и были эти семь дней — точно один день. И они узнали, что пришел седьмой день, когда появились певицы с инструментами. Аль-Вард филь-Акмам выразила великое удивление и произнесла стихотворение:

Все сладостней сближенье, веселей...
Над нами пролетели семь ночей.

Но мы не знаем, сколько их у нас.
Ты мне все ближе, милый, все родней.

Аллах, продли сближение, продли!
Ты, милый, любишь, я люблю сильней!

Когда аль-Вард филь-Акмам окончила стихотворение, Унс аль-Вуджуд более ста раз ее поцеловал и стихи прочитал:

Зари последней луч уже погас.
Господь нас от тоски-разлуки спас.

Желаем счастья каждому в любви,
Его веселье тешит пусть, как нас.

День радости пускай к нему придет,
Господь его поздравит в добрый час.

Когда Унс аль-Вуджуд окончил стихотворение, они поднялись и вышли из своих покоев и одарили людей деньгами и одеждой. Аль-Вард филь-Акмам приказала приготовить для себя баню и сказала Унс аль-Вуджуду:

— О свет моих очей, я хочу видеть тебя в бане, мы будем там наедине, и с нами никого не будет.

И радость их возросла, и аль-Вард филь-Акмам такие стихи произнесла:

Пойдем-ка в баню, свет моих очей,
Увидим рай в аду, где свет свечей,

Прославим Вседержителя навек,
И все грехи судьбы отпустим ей.

Тебя увидя в бане, я скажу:
«Любимый, на здоровье мной владей!»

И они встали и пошли в баню поскорей, чтоб насладиться в ней. И вернулись к себе во дворец и прожили там в приятнейших радостях, пока не пришла к ним наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница. Да будет же слава тому, кто неизменен, чьи великие свершения не прекращаются и к кому все дела возвращаются!

АБУ-НОВАС И ТРОЕ ЮНОШЕЙ

Рассказывают, что однажды Абу-Новас остался один и приготовил роскошное помещение, где расставил великое угощение, а потом вышел пройтись и поискать возлюбленного.

— Боже мой, господин великий властелин,— сказал он,— пошли мне кого-нибудь, достойного разделить со мной трапезу сегодня.

И не успел он договорить, как увидел трех безбородых

красивых молодцов, подобных юношам райских садов, только разного цвета. Их стройность и гибкость членов надежду возбуждала, как об этом песня сказала:

«Влюбился в вас»,— я юношам сказал.
«А деньги есть?» — один вопрос задал.

«И деньги есть, и щедрость тоже есть».
«Что ж, дело близко. Выше мы похвал».

Абу-Новас развлекался с красавцами, срывая розы с жаждой из щеки цветущей каждой.

Юноши тоже встретили его ласково и веселились с ним от души. Когда же они собрались уйти, то Абу-Новас их удержал и такие стихи прочитал:

Есть у меня барашек, птица есть,
Вина немало — будем пить и есть.

Друзья, друг друга будем мы любить,
Хочу как книгу каждого прочесть...

Юноши ответили ему...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 382-я

Когда же триста восемьдесят вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, они пошли с ним в его дом и увидели, что все, что он описал в своих стихах, у него есть. Они стали есть, и пить, и наслаждаться жизнью. Затем они попросили Абу-Новаса рассудить, кто из них лучше по блеску и красоте, станом стройнее и ценнее. Абу-Новас указал на одного из них, поцеловав его два раза сначала, и песня такая прозвучала:

Ах, родинка, ты диво средь примет.
Украшен кто тобой,— милее нет.

Ее увидев, изумился взор...
«Молитесь о Пророке!» — был ответ.

Затем указал на второго, поцеловав его в губы.

Потом он указал на третьего, сначала его десять раз поцеловал, а потом стихи прочитал:

Юнец красивый хитрости постиг,
Смешал в стакане золото и стих.

Он с винной чашей, с кравчими ходил,
Глаза ж его мечтали о других!

А каждый из молодцов по два кубка осушил, а когда дошла очередь до Абу-Новаса, он взял кубок и стихи проговорил:

Из рук газели ты берешь вино.
Ту неженку тебе любить дано.

Вином, любовью насладится тот,
Кому от Бога это суждено.

Потом он выпил свою чашу, и она пошла по кругу, и, когда очередь в другой раз дошла до Абу-Новаса, радость его одолела, и песня полетела:

С игристым кубок — сотрапезник твой.
За кубком кубок пей и песни пой.

За кубком кубок пей — умеешь пить.
Ты нежен, когда спишь на боковой...

Из рук газели ты вино бери,
Лобзанье щек останется за мной.

Когда вино совсем одолело Абу-Новаса и он не мог отличить руки от головы, он склонился к юношам, целуя, и обнимая, и ноги ногами свивая, не задумываясь про позор и грехи, и произнес такие стихи:

Лобзанья жажда мне тревожит грудь,
Целую губы я кому-нибудь.

Вдруг кто-то постучал в дверь, и оказалось, что это повелитель правоверных Харун ар-Рашид. Все встали и поцеловали перед ним землю. Абу-Новас тотчас очнулся от опьянения. Повелитель правоверных сказал ему:

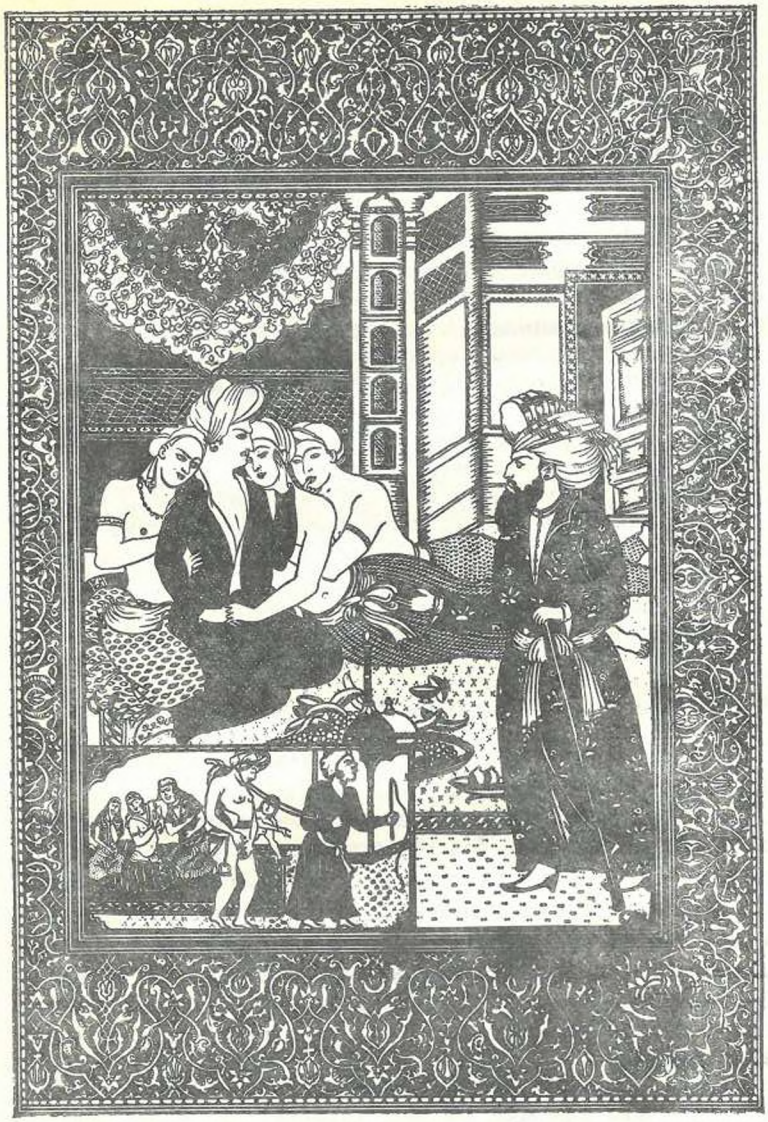
— Эй, Абу-Новас!

Абу-Новас ответил:

— Я здесь, о правоверных повелитель, да поддержит тебя Вседержитель!

Халиф сказал:

— О Абу-Новас, я спросил совета у Аллаха великого и назначил тебя судить сводников.



— А тебе любезно такое назначение, о повелитель правоверных? — спросил Абу-Новас.

— Да,— отвечал халиф.

— О повелитель правоверных, нет ли у тебя прошения, которое ждет моего решения? — спросил Абу-Новас.

Халиф разгневался и ушел. Ночь он провел в сильном волнении, в то время как Абу-Новас все время беззаботно развлекался.

Когда же настало утро и засияло солнце, Абу-Новас отослал юношей. Надев одежду, предназначенную для торжественных случаев, он вышел из дома и направился к повелителю правоверных. А повелитель имел обычай, распустив диван, приходить в приемный зал, куда он созывал поэтов, сотрапезников и музыкантов и где каждый садился строго на свое место. В этот день халиф также созвал своих сотрапезников и рассадил их по местам. Когда же пришел Абу-Новас и захотел сесть на свое место, повелитель позвал Масрура-меченосца и велел ему снять с Абу-Новаса одежду, привязать ему на спину ослиное седло, а на голову надеть повод и на зад подхвостник и водить его по комнатам невольниц...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 383-я

Когда же триста восемьдесят третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Масрур стал делать то, что велел ему халиф. Он водил Абу-Новаса по комнатам (а их было столько же, сколько дней в году), и Абу-Новас был смешон, и все давали ему деньги. И в этот момент вдруг появился Джафар Бармакид и вошел к халифу (а он был в отлучке по важному делу). Увидев Абу-Новаса, он узнал его и спросил:

— Какой ты совершил грех, что тебе досталось такое наказание?

— Я не совершил никакого греха,— ответил Абу-Новас,— для владыки нашего халифа прекраснейшие из стихов моих сотворил, а он мне прекраснейшую из одежд подарил.

Услышав это, повелитель правоверных рассмеялся от всего сердца и простил Абу-Новаса, повелев дать ему полный кошелек денег.

АБДАЛЛАХ ИБН МАМАР

Повествуют также, что некий житель Басры приобрел невольницу, которой преподал разные знания и правила хорошего обхождения. Великой страстью преисполнился он к ней, угождая сердцу своему пиршествами и развлечениями с невольницей, и в конце концов, оставшись ни с чем, впал в мучительную бедность. И тогда невольница посоветовала ему продать ее, чтобы на вырученные деньги он поправил свое положение, если на это будет воля всемогущего Аллаха.

И обнищавшему обладателю невольницы не оставалось ничего иного, как внять ее совету и отправиться с ней на рынок. Стараниями посредника на девушку обратил свое благосклонное внимание эмир Басры Абдаллах ибн Мамар ат-Тайни и приобрел ее за пятьсот динаров. И когда бывший хозяин невольницы уже собирался уйти с вырученными деньгами, девушка зарыдала и такие стихи прочитала:

Тебе да будет польза от монет!
Не мил теперь мне в горе белый свет.

И говорю тоскующей душе:
Прибавь, убавь — любимого уж нет.

Услышав эти стихи, бывший хозяин невольницы начал вздыхать и такие стихи читать:

Когда в делах уловки не найти
И остается только смерть в пути,

Ты извини: мне память — друг теперь,
Теперь любимой мне не обрести.

Абдаллаха ибн Мамара так тронули стихи и печаль расстающихся влюбленных, что он воскликнул:

— Клянусь Аллахом, я не стану способствовать вашей разлуке, вполне очевидно, что вы влюблены друг в друга. Пусть твоими будут и деньги, и девушка, о человек,— да поможет вам в этом Аллах! — разлука обременительна для влюбленных...

И влюбленные поцеловали Абдаллаху ибн Мамару руки и удалились, и они не разлучались до самой смерти. Благословен же тот, кто не знает гибели!

УЗРИТ И ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

А еще повествуют, что некий ученый человек из племени Бену-Узра не знал и дня без любви. И однажды влюбился он в одну тонкостанную красавицу. День за днем засыпал он ее своими посланиями, но молчаливым ответом на них были лишь ее суровость и отчуждение, и неизбывная страсть расстроила его окончательно. Любовная болезнь бросила его в постель, лишила всяческого сна и отдыха, и распространилась об этом молва среди людей...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 384-я

Когда же триста восемьдесят четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, болезнь бросила этого человека в постель, лишила всяческого сна и отдыха, и распространилась об этом молва среди людей. Страдания его до того усилились, что он был близок к смерти. Его родные и родные тонкостанной красавицы умоляли ее снизойти к нему, но она отвергала их просьбы до тех пор, пока он не очутился на самом пороге смерти. И только тогда сердце ее смягчилось, и она милостиво посетила его.

И когда он ее увидел, полились из глаз его потоки слез, и он с разбитым сердцем произнес:

Я жизнью молю твоей, когда меня понесут,
Когда носилки мои перед тобой пройдут,

Пойдешь ли за ними ты? Могилу ты посетишь,
Когда уж я буду там, когда я не буду тут?

В ответ на эти слова красавица зарыдала и воскликнула:

— Клянусь Аллахом, я не предполагала, что твоя любовь ко мне может бросить тебя в руки смерти! Если бы я ведала это, я без колебаний предпочла бы твои объятия.

И когда тот человек слова женщины услыхал, из его глаз побежал, словно из тучи дождь, поток слез, и он слова поэта произнес:

Пришла она, но смерть уже идет,
И близость есть, но смерть меня берет.

После этого он вскрикнул и умер, а красавица, плача, на него пала и до тех пор рыдала, пока в беспамятство не впала, а очнувшись, завещала, чтобы ее похоронили вместе с тем человеком в одной могиле. И она слезы из глаз пролила и такие стихи прочла:

Мы жили на хребте земли — и жизнь ясна была.
Гордился нами стан родной, и родина цвела.

Но время разлучило нас, нас развела судьба,
Теперь нас саван единит, земля нас приняла.

Произнося свои стихи, она безудержно рыдала, пока не упала в беспамятство и, не приходя в себя, умерла через три дня. И ее положили в могилу того человека. Таково это удивительное совпадение в любви.

ВАЗИР БЕДР АД-ДИН

Повествуют также, что властительный вазир Йемена Бедр ад-Дин имел брата дивной красоты, которого окружил своей величайшей заботой. Когда пришло время для обучения брата, вазир выбрал ему в учителя уважаемого старца, целомудренного и богобоязненного, отведя ему жилище подле своего дома. Несколько дней старец приходил в дом вазира, где преподавал знания его брату, а после этого уходил в свое жилище. И вдруг старец воспламенился страстью к прекрасному юноше, и его все сильнее разжигало волнение, и старый пленник сознался в этом юноше, и тот сказал:

— К какой хитрости я могу прибегнуть? Ты ведь очевидец, что мой брат неразлучен со мною и днем, и ночью!

И старец ответил:

— Наши жилища находятся рядом, и когда твоего брата одолеет сон, удались в покой уединения, сделай вид, что ты спишь, а потом взберись по стене на крышу, а я буду ждать тебя за оградой. Один-единственный миг твоего общения со мной останется для твоего брата тайной.

— Слушаю и повинуюсь! — сказал юноша.

И старец приготовил свое жилище к встрече, подобающей сану знатного юноши.

А юноша удалился в покой уединения, выждал, чтобы брат лег на ложе, и когда ночью брат погрузился в сон, поднялся он и подошел к стене. Старик протянул ему руку,

и юноша взял ее и вошел в жилище старца под сиянием полной луны. И они наслаждались яствами, и вином, и приятной беседой, и пением, и бросала на них свои лучистые взоры только луна. И пока они проводили время в блаженстве, для описания слишком великом, проснулся Бедр ад-Дин — йеменский владыка,— и брата он своего окликнул, и не услышал от него ответа, и испугало его это, и поднялся он, и увидел, что дверь растворена. Затем он вышел и услыхал звуки разговора. Поднявшись по стене на крышу, он увидел свет из окна и тех двоих за чашей вина.

И его услышал старец, что чашу вознес, и, затянув напев, стихи произнес:

Щека к щеке, обнявшись, спал со мной
Красавец развеселый молодой.

В молчании не выдаст нас звезда,
Не выдаст месяц полный золотой.

И владыка Бедр ад-Дин был столь кроток, что, услышав эти стихи, он воскликнул: «Аллах простит грехи, а я не выдам вашей тайны!» И ушел и оставил их в радости необычайной.

ШКОЛЬНИК И ШКОЛЬНИЦА

Рассказывают, что как-то раз мальчик и девочка занимались в школе чтением, и мальчик вдруг почувствовал любовь к девочке...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 385-я

Когда же триста восемьдесят пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, мальчик и девочка занимались в школе чтением, и вдруг мальчика охватила любовь к девочке. Однажды, когда дети не видели, мальчик доску девочки взял и на ней такие стихи написал:

Что можешь ты о том сказать, кто страстью изможден,
Кто очень полюбил тебя, но чувством тем смущен?

И то, что в глубине души, сокрыть не может он.

Прочитав стихи и поняв их смысл, она от жалости к мальчику зарыдала и под стихами мальчика свои строки написала:

Мы видим: страстью мальчик изможден,
Но милостью он будет награжден,

Мы девичью хранили чистоту,
Но любит он, достигнет цели он.

В этот момент вошел учитель, взял доску, и прочитал написанное, и почувствовал к мальчику и девочке сочувствие и сожаление, и написал под их надписями такое стихотворение:

Люби, девчонка, о, не бойся ты,
Осуществляй о близости мечты.

Учителя не бойсь: и он любил,
Знал цену страсти, цену красоты.

И случилось так, что господин невольницы одной вошел тогда в школу, и нашел доску девочки той, и написанные слова девочки, мальчика и учителя прочитал, и под всеми подписями такие стихи написал:

Пусть вас Аллах навек не разлучит.
Доносчиков пусть это огорчит.

Из вашего учителя — клянусь! —
В грядущем сводник выйдет знаменит.

Потом господин невольницы послал за судьей и свидетелями, и тут же был оформлен брак этой девочки с юношей. По этому поводу был устроен пир и молодым оказана великая милость. Так пребывали они вместе, наслаждаясь и радуясь, пока не застигла их наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница.

АЛЬ-МУТАЛАММИС

Повествуют также, что аль-Муталаммис, убежавший от ан-Нумана ибн аль-Мунзира, отсутствовал так долго, что все уже утвердились во мнении, что он умер. Родные его красавицы-жены Умеймы склоняли ее ко вторичному замужеству, но она противилась этому. Тем не менее они

упорствовали в своем решении уступить одному из многочисленных женихов и в конце концов принудили ее согласиться на брак с человеком из ее племени, несмотря на то что она чувствовала к подобному замужеству глубокое отвращение, так как всецело и навсегда полюбила мужа своего — аль-Муталаммиса.

И вот опустилась ночь, когда Умейму препроводили к немилому жениху. И именно этой ночью возвратился ее любимый и законный муж аль-Муталаммис. Звуки свирелей и бубнов возвестили ему о торжестве в стане, а кто-то из детей поведал, что к жене аль-Муталаммиса, Умейме, входит нынешней ночью как муж такой-то человек.

Услышав это сообщение, аль-Муталаммис прибегнул к хитрости, и вошел к невесте с женщинами вместе, и увидел, что невеста на ложе, а жених уже подходит к ней, чтобы быть там тоже. И тогда она глубоко вздохнула, зарыдала и двустишие прочитала:

О, если б я могла, любимый, знать,
Где ты живешь и где тебя искать!

А ее муж, аль-Муталаммис, был из числа знаменитых поэтов, и он такими словами жене ответил:

С тобою здесь я, рядом, Умейма,
К тебе летел, стремился без ума.

И тогда жених понял их любви права и поспешно вышел, произнося слова:

Во благе жил я прежде. А теперь?
Прожить нельзя на свете без потерь!

И он удалился, а с женщиной остался аль-Муталаммис, ее муж, и они жили жизнью превосходной, справедливой, приятной и счастливой, пока не застигла их наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница. Слава же тому, по чьему велению стоят земля, и небеса, и вся вселенная!

ХАРУН АР-РАШИД И СИТТ ЗУБЕЙДА

Повествуют также, что халиф Харун ар-Рашид, безгранично влюбленный в Ситт Зубейду, оборудуя ей место для прогулок, обсадил прудик с чистейшей водой такой густой живой изгородью из деревьев, что они, сплетясь кронами с обильной листвой, закрывали купающихся от любого взора с какой бы то ни было стороны. И вот однажды Ситт Зубейда была у пруда...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 386-я

Когда же триста восемьдесят шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, однажды Ситт Зубейда была у пруда, и ее манила его сверкающая красота и нравились сплетенные над ним деревья. А было очень жаркое время, и Ситт Зубейда одежду сняла, и в пруд вошла, и там стала, а вода ее не покрывала,— и начала серебряный кувшин наполнять и себя поливать. Узнав об этом, халиф вышел из дворца, и подошел к пруду, и увидел из-за листвы ее наготу, и было видно у нее то, что бывает закрыто. И когда Ситт Зубейда поняла, что повелитель видит ее нагой, она повернулась и стыдливо закрылась рукой, но не совсем, и ее тело из-под руки виднелось. И халиф, удивленный этим, тотчас поворотился сам не свой и произнес стих такой:

Глаз увидел мою гибель, от разлуки я горю.

Не зная, что сказать дальше, он потребовал к себе Абу-Новаса и молвил явившемуся поэту:

— Скажи стихотворение, которое начиналось бы словами:

Глаз увидел мою гибель, от разлуки я горю.

И Абу-Новас сказал:

— Слушаю и повинуюсь!

И в следующее мгновение сымпровизировал стихотворение:

Глаз увидел мою гибель, от разлуки я горю.
То ли я газель увидел, то ли нежную зарю?

Та газель под сенью сидра обливается водой
Из серебряных кувшинов. Я стою себе, смотрю.

Видя нас, закрыла тело, только видно из-под рук.
Вот бы с ней побыть немножко, хоть часочек,— говорю.

И на лице халифа благосклонная улыбка появилась, и оказал он поэту милость, и Абу-Новасу было приятно.

ХАЛИФ, НЕВОЛЬНИЦА И АБУ-НОВАС

А еще сказывают, что повелителя правоверных Харуна ар-Рашида однажды ночью охватило загадочное беспокойство. Пытаясь рассеять его, халиф стал прохаживаться по своему дворцу и увидел захмелевшую невольницу, которая давно уже похитила его сердце. И он начал шутить с нею, и прижал ее к своей груди, и с невольницы спал плащ, и развязался ее изар. Повелитель стал добиваться близости с ней, но красавица пообещала ему таковую на завтрашний вечер, сославшись на то, что нынче, не имея понятия о прекрасном намерении халифа, не приготовилась должным образом к встрече. Уважительное ее объяснение удовлетворило халифа настолько, что он ушел с хорошими надеждами.

А когда в окна заглянул сияющий день, повелитель правоверных послал к невольнице-красавице слугу с сообщением, что вслед за ним идет без промедления и его властительный господин. Но, встретившись с возвращающимся посланцем, халиф узнал, что невольница передает ему такое: «Слова ночные день уничтожают».

И ар-Рашид тотчас потребовал от своих сотрапезников незамедлительно сочинить стихотворение, в котором было бы такое:

Слова ночные день уничтожают.

— Слушаем и повинуемся! — дружно отвечали приближенные мудрейшего, всегда и постоянно готовые к любым поворотам его властительной мысли. Поэтому для ар-Раккаши не оставалось ничего другого, как с помощью поддержки и сочувственного подталкивания со стороны всех присутствующих оказаться впереди и такие стихи произнести:

О если б знали вы волненья зной,
Навеки бы от вас ушел покой.

Оставила тебя совсем безумным
Невольница, красивая собой.

«Слова ночные день уничтожает»,—
Промолвила она, махнув рукой.

А после этого вышел Абу-Мусаб и произнес такие стихи:

Когда с горящим сердцем пролетал,
В бессоннице покой ты потерял.

Ужели мало, что бежит слеза
И что огонь внутри заполыхал?

«Слова ночные день уничтожает»,—
Он, улыбнувшись, с гордостью сказал.

А потом выступил Абу-Новас и прочитал такие стихи:

Явилась ночью во дворец она,
Покачивая бедрами, хмельна.

Внезапно плащ прозрачный развязался —
Мгновенно опьянел я без вина.

И ветер бедра всколыхнул крутые,
И веточка с гранатами видна.

Я близости просил. «Придите завтра,—
Сказала,— приготовиться должна».

«Слова ночные день уничтожает»,—
Сказала утром и лишила сна.

И повелитель правоверных вознаградил каждого из стихотворцев кошельком денег, кроме Абу-Новаса. Его он вознамерился удостоить отсечения головы, сказав:

— Ты был с нами ночью во дворце!

— Аллах свидетель,— Абу-Новас ответил,— я не спал нигде, кроме как в своем доме, но смысл твоих слов указал мне на содержание моих стихов, и сказал Аллах — а он велик, и самый правдивый его язык: «А стихотворцы — за ними следуют обманщики; неужели не видишь ты, что они во всякой долине блуждают и что говорят они то, чего не делают?»

И халиф сменил гнев на милость, а предполагаемое отсечение головы Абу-Новасу — на два кошелька денег для него, и все остались довольны.

МУСАБ ИБН АЗ-ЗУБАЙР И АИША

Повествуют также, что Мусаб ибн аз-Зубайр нашел в аль-Медине умнейшую из женщин — Аззу — и, сообщив ей о своем желании взять в жены Аишу, дочь Тальхи, попросил Аззу посетить его предполагаемую супругу и удостовериться в привлекательности ее внешности. И Азза

удостоверилась в этом как нельзя лучше, ибо сказала Мусабу:

— Я видела лицо, которое дышит любовью, лицо, которое прекраснее, чем здоровье. У нее глаза большие, как у ребенка, под которыми нос с маленькой горбинкой и тонкий; и щеки ее прекрасны своим овалом, и уста ее, как гранат, алы; и точно серебряный кувшин ее шея; и грудь ее сосками, как двумя гранатами, алеет; и живот с пупком, как шкатулка из слоновой кости, под нею; и бедра плотные, двум мраморным столбам подобные; но только я видела, что немного великоваты ее ноги. С ней время проводить ты будешь в минуту нужды.

Услышав от Аззы такое описание качеств Аиши, Мусаб женился на ней и вошел к своей жене...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 387-я

Когда же триста восемьдесят седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, услышав от Аззы описание качеств дочери Тальхи, Аишы, Мусаб женился на ней и вошел к своей жене. Азза пригласила Аишу и корейшитских женщин в свой дом и в присутствии Мусаба пропела такие стихи:

Ароматны женские уста.
Поцелуй — как неба чистота.

Пусть судачат сплетники о нас —
Сладко покорила красота.

А ночью Мусаб входил к ней семь раз, и, когда утром его встретила одна из вольноотпущенных, она восхищенно воскликнула:

— Ты так совершенен даже в этом, что я желаю быть выкупом за тебя!

Другая же женщина рассказывала, что, когда она была у Аиши, появился ее муж, и ее повлекло к нему, и они сблизились, и Аиша стала делать диковинные движения, сопровождая их не менее диковинными звуками и восклицаниями, а женщина все это слышала и, когда Мусаб удалился, спросила Аишу:

— Как ты могла снизойти к этому при твоем благородстве и моем присутствии у тебя в доме?

— Что ж предосудительного в том, что жена радует мужа волнующими его движениями?

— Но лучше, когда это принадлежит ночи.

— Ночью происходит еще большее, а днем муж меня видит и в нем начинает двигаться страсть, он теряет над собой власть и тянется ко мне, своей жене, а я ему послушна, и бывает то, что ты видишь.

А еще мне стало известно, что Абу ль-Асвад приобрел местную косоглазую невольницу. Когда же ее стали порицать его родные, Абу ль-Асвад был удивлен и, подняв ладони кверху, такие стихи произнес он:

Хоть предо мной ее бранят, а мне она мила.
Есть, правда, пятнышко в глазах, но нравом весела.

Пускай в ее глазах порок, зато стройна она,
Зато высокая она и задом тяжела.

ХАРУН АР-РАШИД И НЕВОЛЬНИЦЫ

А еще рассказывают, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид оказался ночью в обществе двух невольниц одновременно, одна из которых была мединкой, а другая — куфийкой. Куфийка растирала владыке руки, а мединка, массировавшая ему ноги, протянула свои руки к его телу выше, и тогда куфийка молвила подельнице:

— Как погляжу, ты безраздельно хочешь завладеть капиталом. Оставь что-то и на мою долю.

И мединка отвечала:

— Поведал мне Малик со слов Хишама ибн Урвы, узнавшего от своего отца, что Пророк поучал: «Кто мертвое оживит,— оно ему и его потомству принадлежит».

Но куфийка, изловчившись, оттеснила мединку и, обхватив его всего обеими руками, ответила:

— Молвила мне аль-Амаш со слов Хайсамы, узнавшего от Абдаллаха ибн Масуда, что Пророк поучал: «Да владеет дичью ее поймавший, а не ее согнавший».

И еще рассказывают, что Харун ар-Рашид лежал в обществе трех невольниц — мекканки, мединки и иракийки. И мединка вознамерилась коснуться своей рукой к его товару, но мекканка, вскочив, опередила подельницу, и тогда мединка молвила:

— Злодейство вижу! Поведал мне Малик со слов аз-Зухри, узнавшего от Абдаллаха ибн Салима слышанное тем от Саида ибн Зайда, что Пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — поучал: «Кто мертвую землю оживит, тому она принадлежит!»

И мекканка ответила:

— Поведал нам Суфьян слова Абу з-Зинада, слышанные им от аль-Араджи, узнавшего их от Абу-Хурейры, что Пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — поучал: «Да владеет дичью ее поймавший, а не ее согнавший».

Иракийская же невольница, оттолкнув обеих соперничающих, воскликнула:

— Это будет мое до тех пор, пока не окончится ваш спор.

МЕЛЬНИК И ЕГО ЖЕНА

Рассказывают, что у одного человека была мельница, а также осел, который молол зерно. И была у него также злая жена, которую он любил. Но она его терпеть не могла, а любила своего соседа, который ее ненавидел. Однажды муж услышал во сне, будто кто-то говорит ему: «Копай в таком-то месте у мельницы — найдешь сокровище».

Пробудившись ото сна, он рассказал жене о своем сновидении и велел никому об этом не говорить. Но она тут же рассказала обо всем своему соседу...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 388-я

Когда же триста восемьдесят восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, жена мельника тут же рассказала обо всем своему соседу, чтобы хоть как-то приблизить его к себе, а он пообещал ей прийти ночью. Явившись, стал он копать около мельницы и нашел сокровище. Тогда он спросил женщину:

— Как мы теперь поступим?

— Мы разделим клад на две равные части. Ты оставишь свою жену, а я своего мужа. Потом ты на мне же-

нишься, и все деньги окажутся в наших руках,— ответила женщина.

Но сосед ответил:

— Я боюсь, что сатана собьет тебя с пути и ты возьмешь не меня: ведь золото в доме — что солнце в мире. Правильнее было бы оставить все деньги у меня, а ты освободишься от мужа и придешь ко мне.

— Я также боюсь того, чего боишься ты, и не отдам тебе моей доли денег — это я тебе помогла найти их,— молвила женщина.

Когда сосед услышал эти слова, он решил убить женщину и бросить на то место, где был клад. Так он и поступил. Но наступило утро, и он не успел спрятать труп. Тогда он взял деньги и ушел. А мельник пробудился ото сна и, не найдя своей жены, пошел на мельницу. Привязав осла к жернову, закричал на него. Осел пошел и тут же остановился. Мельник стал бить осла, но всякий раз, как он его ударял, осел отступал назад, испугавшись мертвой женщины. Мельник не знал, почему осел останавливается, и стал штрыкать осла, но тот не двигался с места. Рассердившись, мельник так ударил его ножом в бок, что осел упал замертво.

Когда же взошло солнце, мельник увидел, что осел мертв, жена его мертва и клад пропал. И охватили его гнев и досада на себя за то, что он не выдержал и открыл жене свою тайну.

ВОР И ПРОСТАК

Сказывают также, что однажды некий простак вел за узду своего осла, и на это обратили внимание два мошенника, и один сказал другому:

— Я украду осла у этого человека.

— Но как ты это сделаешь?

— Иди за мной, и ты увидишь.

Мошенники подкрались к простаку, а затем ловкач отвязал животное и отдал его приятелю, а повод надел себе на шею и шел так, пока его содельник не увел осла. После этого мошенник остановился, простак дернул за повод, но так как не сдвинул того, кто был привязан, с места, то обернулся и изумленно спросил:

— Что ты такое?

И ловкач ответил:

— Я твой осел, и со мной приключилось дивное диво.

Однажды я пришел домой пьяный, и моя старая мать-праведница, разволновавшись, призвала меня к раскаянию перед великим Аллахом. Но, вместо этого, я побил ее палкой, и, вняв проклятиям моей матери, всемогущий Аллах обратил меня в осла. Но нынче моя мать стала сокрушаться по поводу моей участи и молиться за меня, и милостивый Аллах возвратил мне человеческий облик.

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — ужаснулся простак.— Аллахом молю тебя, о брат мой, прости мне великодушно за то, что я на тебе ездил, и за все!

Затем простак отпустил ловкого мошенника восвояси, а сам побрел домой, как пьяный, преисполняясь тревогами.

— Что с тобой, и где наш осел? — спросила его жена.

И простак поведал ей о случившемся так, как он в это поверил.

— О горе нам от Аллаха великого! — запричитала жена.— Как могли мы впасть в такой грех, чтобы ездить на сыновьях Адама?

После этого добрая женщина стала постоянно одаривать нищих, вымаливая прощение у Аллаха, а простак — страдать дома без работы.

Наконец жена не выдержала:

— Доколе будет у тебя одна эта забота — сидение дома, без работы? Иди на рынок, купи нам осла, чтобы работа у тебя пошла.

И ее муж пошел на рынок без лишних слов, и остановился около ослов, и вдруг увидел, что продают его осла! И простак сказал своему ослу на ухо:

— Беда тебе, о злосчастный! Наверное, ты снова стал пьянствовать или опять побил твою мать? Клянусь Аллахом, ты больше не нужен мне!

А затем он удалился.

СИТТ ЗУБЕЙДА И АБУ-ЮСУФ

Повествуют также, что как-то в полдень повелитель правоверных вошел в свою спальню, поднялся на ложе и обнаружил там свежее семя. И это ужаснуло его, и сильно испортило его настроение, и охватило его большое волнение. Потребовав к себе Ситт Зубейду, он спросил ее:

— Что это упало на постель?

И Ситт Зубейда сказала то, что увидела:

— О повелитель правоверных, это семя.

— Скажи мне правду, почему это семя здесь, иначе тебя тотчас постигнет моя месть! — воскликнул повелитель.

— Клянусь Аллахом великим, я не знаю этому причины, о владыка,— в том невиновна я, в чем ты подозреваешь меня!

Тогда ар-Рашид вызвал судью Абу-Юсуфа и показал ему свою осквернённую постель, а судья Абу-Юсуф поднял голову, и увидел в потолке щель, и сказал:

— О властелин, это семя летучей мыши, оно у нее такое же, как у человека.

Затем, по его просьбе, ему дали копье, которым он ткнул в щель, и из нее выпала мышь. И подозрение Харуна ар-Рашида рассеялось...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 389-я

Когда же триста восемьдесят девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Абу-Юсуф ткнул копьем в щель на потолке и оттуда выпала мышь,— подозрение Харуна ар-Рашида рассеялось, а Зубейда прищелкнула языком от радости, что халиф убедился в ее невиновности, и пообещала Абу-Юсуфу награду. А у нее имелся большой плод, созревший раньше положенного срока, а также другой такой же — в саду. И Ситт Зубейда обратилась к Абу-Юсуфу с вопросом:

— О имам веры, какой плод, по твоему рассуждению, лучше — присутствующий или отсутствующий?

— По нашему рассуждению,— отвечал Абу-Юсуф,— отсутствующего не судят. Его судить будут, когда он прибудет.

Тогда Ситт Зубейда приказала преподнести ему оба плода, и Абу-Юсуф поел и этого, и того, и Зубейда спросила у него:

— Какое между ними различие?

И ответ судьи был таков:

— Как только я намереваюсь удостоить похвалой один из них, поднимается с доказательством другой.

В ответ на эти слова судьи ар-Рашид одобрительно засмеялся и щедро вознаградил Абу-Юсуфа, и Ситт Зубейда

также вознаградила его, и он удалился довольный. Вот какова мудрость имама Абу-Юсуфа, прояснившая суть этого дела.

АЛЬ-ХАКИМ И КУПЕЦ

Повествуют также, что аль-Хаким биамр-Аллах, проезжая как-то со своими приближенными мимо одного сада, увидел там человека в окружении невольников и слуг и попросил у него напиться воды. Уняв жажду халифа, тот человек почтительно пригласил владыку отдохнуть в саду. И когда повелитель правоверных стал располагаться со своей свитой на отдых, гостеприимный хозяин предоставил ему сто тканых ковров, сто кожаных ковриков, и сто подушек, и сотню подносов с плодами, и сотню сосудов со сластями, и сотню мисок с сахарным щербетом,— и аль-Хаким биамр-Аллах был изумлен и ошеломлен, и воскликнул он:

— О человек, поистине твое дело достойно удивления! Разве ты знал о нашем приходе и сделал для нас эти приготовления?

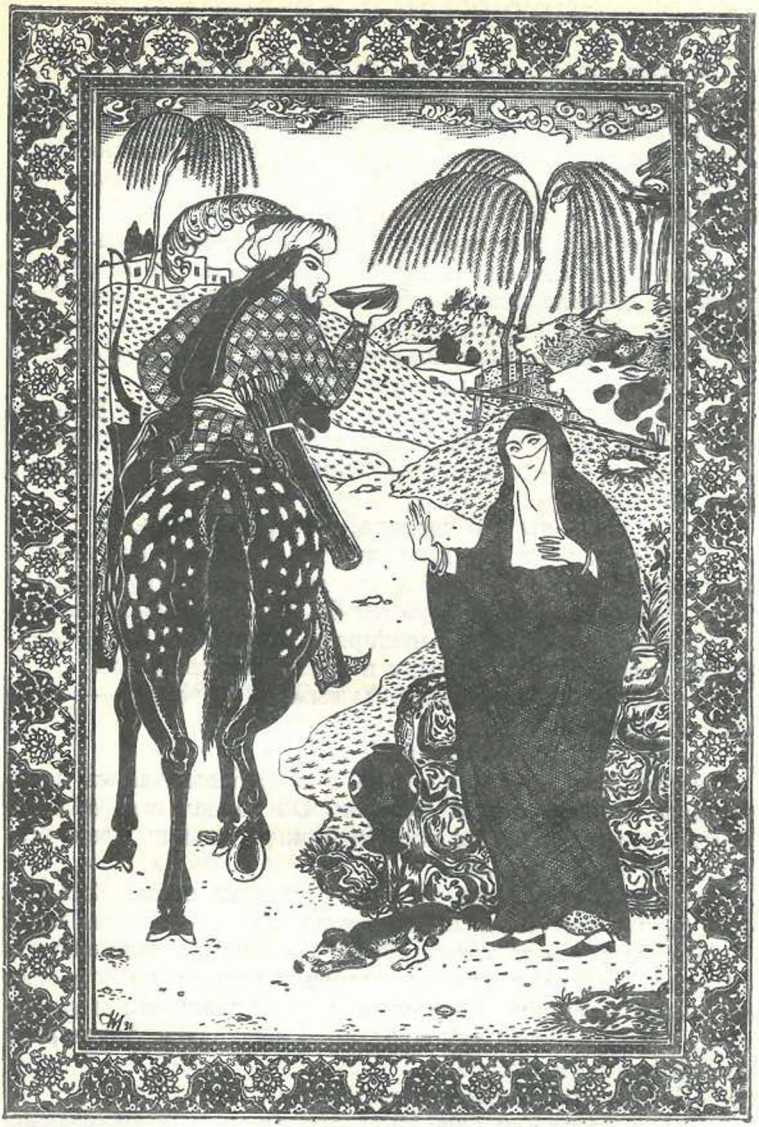
И человек на слова эти халифу ответил:

— Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, знать о твоем приходе для меня не было возможным, я всего лишь купец из числа твоих подданных, но имею я сто наложниц, и, когда великий господин оказал мне почет и остановился у меня,— послать к каждой из них я гонца был рад, чтобы они прислали мне обед в сад, и все они прислали мне кое-что с ковра своего, от избытка своих напитков и яств — посылает мне каждая из них в каждый из дней миску питья, и сосуд, полный сластей, и поднос кушаний, и поднос прохладительного, и поднос плодов. Всегда ежедневный обед мой таков.

И, благодаря Аллаха великого, повелитель правоверных аль-Хаким биамр-Аллах пал ниц, и воскликнул он:

— Хвала Аллаху, создавшему в числе подданных наших человека, у которого дом — полная чаша, который кормит халифа и его свиту так сладко, не приготовляясь к этому, но лишь из своих богатых остатков.

Затем владыка приказал доставить из казначейства и преподнести гостеприимному хозяину все три тысячи тысяч и семьсот тысяч битых в том году дирхемов, и не сел на коня, пока это не было сделано. И, сказав, что благородство этого человека превышает награду, которую тот получил,— аль-Хаким биамр-Аллах сел на коня и уехал.



АНУШИРВАН И ЖЕНЩИНА

Рассказывают, что однажды справедливый царь Кисра Ануширван выехал на охоту. Погнавшись за газелью, он обогнал свиту и ускакал далеко от своих приближенных. Вскоре он увидел впереди деревню. Ему сильно захотелось пить, и он поехал туда. Приблизившись к воротам дома, стоявшего у дороги, царь потребовал воды.

К нему вышла женщина. Увидев царя, вернулась в дом, выжала один стебель сахарного тростника, затем налила воды и, добавив немного благовоний, подала кубок Ануширвану. Царь посмотрел в кубок и, увидев там что-то, похожее на пыль, стал понемногу пить, пока не выпил до дна. Затем он сказал женщине:

— О, как прекрасна твоя вода! Как она сладка! Если бы вот только не этот сор, который был в ней и замутил ее.

— О гость,— отвечала женщина,— я нарочно бросила в воду этот сор.

— А зачем ты это сделала? — спросил царь.

— Потому что я видела, что ты сильно хочешь пить и можешь выпить воду одним глотком. А это тебе повредит. Если бы в ней не было сора, ты бы, наверное, так и сделал.

Справедливый царь Ануширван изумился словам женщины и восхитился ее умом и сообразительностью.

— Из скольких стеблей ты выжала эту воду? — спросил он женщину.

— Из одного,— ответила она.

Ануширван снова изумился и потребовал запись поземельной подати с этой деревни. Он увидел, что она небольшая, и задумал по возвращении в столицу увеличить подать с этой деревни.

«Деревня, где в одном стебле столько воды? Как может быть с нее такая маленькая подать?» — подумал царь.

Потом он снова уехал на охоту, а в конце дня вернулся обратно. Когда он опять потребовал воды, к нему вышла та самая женщина. Увидев царя, она узнала его и вернулась, чтобы вынести ему воды, но замешкалась. Ануширван поторопил ее и спросил:

— Почему ты замешкалась?

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста девяностая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь Ануширван поторопил женщину и спросил:

— Почему ты замешкалась?

И женщина отвечала:

— Потому что из одного стебля я не смогла отжать столько, сколько тебе нужно, и я выжала три стебля. Но из них тоже не вышло столько, сколько из одного стебля.

— А в чем же дело? — спросил царь Ануширван.

— А в том, что намерения султана изменились,— ответила женщина.

— Откуда это стало тебе известно? — спросил царь.

— Мы слышали от разумных, что когда меняются намерения султана, благоденствие покидает людей.

Ануширван засмеялся и изгнал из души своей то, что задумал для людей.

Он тотчас же взял ту женщину в жены, так как ему понравилась крайняя ума острота, сообразительность и ее речей красота.

ВОДОНОС И ЖЕНА ЮВЕЛИРА

Повествуют также, что некогда в городе Бухаре некий водонос доставлял воду в дом одного ювелира. А у этого ювелира была жена, красива лицом, хорошо сложена, чаровница настоящая, умом блестящая, и ей приписывали благочестие, скромность и добродетель. И вот однажды водонос, наполнив, как обычно, водохранилища, неожиданно подошел к женщине, стоящей посреди двора, и стал ей тискать и мять руку, а затем удалился. Когда же домой возвратился муж, жена потребовала от него признания о том, что он сделал сегодня на рынке такого, что разгневало великого Аллаха. Муж ответил, что ничего подобного не произошло, но жена поклялась Аллахом, что муж несомненно сделал что-то предосудительное, и что если он не сознается в этом, то она уйдет от него. И тогда муж поведал, что его посетила женщина, заказала изготовить золотой браслет и ушла. Спустя некоторое время она пришла за браслетом, и надела его на руку, и ювелира смутила своей белизной и красотой эта рука, и он взял ее и помял и повертел слегка.

И жена воскликнула:

— Аллах велик! Водонос, обслуживающий нас вот уже три десятка лет — честнейший человек, но сегодня он совершенно неожиданно взял меня за руку и стал ее мять и вертеть.

— О женщина, взовем к Аллаху о пощаде! Я преисполнился глубоким раскаянием, попроси же для меня прощения.

— Да простит нам Аллах наши прегрешения и да прекрасным здоровьем он нас наделит — чтобы было здоровье и в душе, и в теле...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 391-я

Когда же триста девяносто первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, жена ювелира сказала:

— Да простит нам Аллах наши прегрешения и да прекрасным здоровьем он нас наделит — чтобы было здоровье и в душе, и в теле.

А следующим утром водонос пал перед женщиной на землю, извиваясь в пыли, и сокрушался:

— О госпожа, освободи меня от того, чем меня обременил шайтан, который сбил меня с пути, хотел в заблуждение ввести.

И женщина отвечала ему:

— Иди своей дорогой. Эта ошибка была не от тебя — причиною ее был мой муж, так как он сделал то же в лавке, и Аллах отплатил за это ему ж.

Сказывают, что, когда жена поведала об этой своей встрече с водоносом ювелиру, он воскликнул:

— Удар за удар! Если бы я еще удары нанес — наверняка это сделал бы и водонос.

И слова эти от тех давних дней стали поговоркой, ходячей меж людей. И подобает женщине быть заодно с мужем законным и явно, и втайне; и довольствоваться малым и скромным, если он на многое не властен; и делить с ним и горе, и счастье, и следовать примеру Аиши правдивой и Фатимы ясноликой — да будет доволен обеими Аллах великий! — чтобы быть последовательницей благочестивых предков.

ШИРИН И РЫБАК

Рассказывают, что Хосрой (а это был царь из царей) любил рыбу. Однажды он сидел во дворце вместе с Ширин, своей женой, и к нему пришел рыбак с рыбой большой и поднес ее Хосру. Царю понравилась рыба, и он велел дать рыбаку четыре тысячи дирхемов. Рыбаку дали деньги, он ушел, а Ширин сказала царю:

— Плохо то, что ты сделал.

— Почему? — спросил Хосру.

— Потому что, если ты после этого дашь кому-нибудь из своей челяди столько же денег, тот сочтет это ничтожным и скажет: «Он дал мне столько же, сколько дал рыбаку». А если ты дашь меньше, он скажет: «Он меня презирает и дал мне меньше, чем рыбаку».

— Ты права,— сказал Хосру,— но нельзя брать обратно подаренное.

— Я придумаю, как тебе получить подарок обратно,— молвила Ширин.

— А как? — спросил царь.

— Позови рыбака,— отвечала Ширин,— и спроси его: «Эта рыба самец или самка?» Если ответит — самец, скажи ему: «Мы хотели самку». А если скажет — самка, говори: «Мы хотели только самца».

Царь послал за рыбаком, и тот вернулся (а этот рыбак был умен и сообразителен). Царь Хосру спросил его:

— Эта рыба самец или самка?

Рыбак поцеловал перед ним землю и ответил:

— Эта рыба двуполая — не самец и не самка.

Хосру засмеялся его словам и приказал дать ему еще четыре тысячи дирхемов. Рыбак пошел к казначею, получил от него восемь тысяч дирхемов и положил деньги в мешок. Взвалив его на спину, он хотел выйти, но тут у него выпал из мешка один дирхем. Рыбак снял мешок с плеча и нагнулся ради дирхема одного (а царь и Ширин смотрели на него).

Тогда Ширин говорит царю:

— О царь, ты заметил скаредность этого человека? Когда у него упал дирхем, он нагнулся за ним вместо того, чтобы оставить его для кого-нибудь из слуг царя.

Услышав ее слова, царь почувствовал к рыбаку отвращение и воскликнул:

— Ты права, о Ширин!

Затем царь Хосру велел вернуть того рыбака и сказал ему:

— О низкий помыслами! Ты не человек! Помнишь, как ты, сняв с плеча мешок с деньгами, нагнулся ради одного дирхема, поскупившись оставить его?

Рыбак поцеловал землю и сказал:

— Да продлит Аллах век царя! Я поднял этот дирхем с земли не потому, что он был для меня так значителен, а потому, что на одной его стороне — изображение царя, а на другой — его имя. Я боялся, что кто-нибудь из людей наступит на него, и будет этим нанесено оскорбление на имя царя и его изображение, а с меня взыщется за этот грех.

Царь удивился словам рыбака, нашел прекрасным то, что он сказал, и велел дать ему еще четыре тысячи дирхемов. Он приказал глашатаю кричать повсюду:

— Не должно никому следовать мнению женщин. Тот, кому станут законом их слова, потеряет с каждым своим дирхемом еще два.

ЯХЬЯ ИБН ХАЛИД И ЕГО ГОСТЬ

Повествуют, что Яхья ибн Халид аль-Бармаки, направляясь из дворца халифа к своему дому, встретил у его ворот незнакомца. Человек этот почтительно поприветствовал Яхью стоя и молвил:

— О Яхья, обстоятельства вынуждают меня надеяться на твою щедрую руку, и я молю Аллаха, чтобы он помог мне в этом!

Добродетельный Яхья приютил нуждающегося, ежедневно оправдывая его надежды на помощь всемогущего Аллаха тысячей дирхемов и лучшими яствами на протяжении целого месяца. Но когда Аллах послал своему опекаемому тридцать тысяч дирхемов разом еще и из другого источника добродетели, этот человек опрометчиво подверг ее сомнению в лице приютившего его Яхьи и тайком покинул его...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 392-я

Когда же триста девяносто вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, тот человек, неопределенно засомне-

вавшись в добродетельности Яхьи, взял свои деньги и тайком ушел. Когда Яхья поведали об этом, он воскликнул:

— Клянусь Аллахом великим, если бы этот человек провел у меня целую жизнь и весь свой век, я бы, право, не лишил его своих щедрот и не прекратил бы гостеприимство и почет! Милости Бармакидов неисчислимы и достоинства их неизмеримы, в особенности это Яхьи ибн Халида касается: его славные достоинства неисчерпаемы.

АЛЬ-АМИН И НЕВОЛЬНИЦА

Повествуют, что Джафар, сын Мусы аль-Хади, владел прекрасной невольницей-лютнисткой, которую звали аль-Бедр аль-Кебир. И никого нельзя было найти в те времена, кто был бы прелестнее лицом, чем она, станом стройнее, по качествам нежнее и искуснее в пении и игре на струнах. И была эта дева красива до предела, изящна необыкновенно, во всем совершенна. Про нее услышал Мухаммад аль-Амин, Ситт Зубейды сын, и стал просить, чтобы Джафар ему эту девушку продал, но тот сказал:

— Как это ты знаешь, таким, как я, не подобает продавать невольницу и устанавливать цену за наложниц, и не будь она питомицей моего дома, право, я не пожалел бы ее для тебя.

А когда, спустя некоторое время, Муххамад аль-Амин, Зубейды сын, навестил Джафара, тот принял его как самого лучшего друга своего и велел своей невольнице аль-Бедр аль-Кебир прелестной порадовать аль-Амина песней. И настроила инструменты дева и спела приятнейшие напевы. И Мухаммад аль-Амин, Зубейды сын, принялся за питье и увеселения и велел кравчим щедро поить Джафара, дабы довести того до полного опьянения. Затем он взял девушку с собой и отправился домой, и не протянул к ней своих рук, и утром пригласил Джафара, и, когда пришел друг, поставил перед ним сосуды, вина полные, и приказал петь из-за занавески невольнице. И Джафар узнал по голосу деву, и разгневался, но не проявил своего гнева из-за душевного благородства и возвышенности своих помыслов неизменной, и не выказал никакой перемены. А когда завершалась встреча друзей, Мухаммад аль-Амин, Зубейды сын, приказал кому-то из своих людей нагрузить челнок, в котором прибыл Джафар, деньгами и богатствами дивными ему в дар. И слуга сделал то, что велел ему господин — сын

Зубейды Муххамад аль-Амин, и положил в челнок тысячу кошельков и тысячу жемчужин ценою по двадцать тысяч дирхемов каждая, и клал туда редкости разные, пока матросы не завопили, что лодка больше ничего поднять не в силе.

И аль-Амин приказал потом доставить все это Джафару в дом. Таковы-то помыслы в великих умах, да помилует их Аллах!

САИД ИБН САЛИМ АЛЬ-БАХИЛИ

Повествуют, что Саид ибн Салим аль-Бахили говорил:

— Во времена Харуна ар-Рашида стала доля моя незавидна, собралось у меня много долгов, которыми я стал тяготиться, но я был бессилен расплатиться. И истощились мои ухищрения, и я впал в помрачение, что мне делать, я не знал решительно, так мне было уплатить долги очень затруднительно. А заимодавцы окружали мои ворота день ото дня, и толпились взыскавшие с меня, и не покидали меня те, кому был должен я. И с тяжкими думами направился я к Абдаллаху ибн Малику аль-Хузаи и попросил его применить знания свои и привести меня к вратам облегчения своими мудрыми рассуждениями.

И сказал Абдаллах ибн Малик аль-Хузаи:

— Освободить тебя от испытания, заботы, стеснения, горя и обиды могут лишь Бармакиды.

А я молвил ему:

— О злосчастие! Кто в состоянии выдержать их высокомерие и вытерпеть их самовластие?

И Абдаллах ибн Малик сказал:

— Вытерпи это напряжение, чтобы исправить свое положение...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 393-я

Когда же триста девяносто третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Абдаллах ибн Малик аль-Хузаи сказал Саиду ибн Салиму:

— Вытерпи это напряжение, чтобы исправить свое положение.

— И я вышел от него,— рассказывал Саид ибн Салим аль-Бахили,— и направился к сыновьям Яхьи ибн Халида — аль-Фадлу и Джафару,— которым поведал о своем злосчастии, и они молвили мне:

— Да снизойдет к тебе помощь Аллаха и его милость, избавляющая тварей его от лишений! Да отметит он тебя своей высочайшей благосклонностью раньше, чем иных, позаботившись о твоем достатке,— он в своих желаниях всемогущ, и с рабами своими ласков и пресведущ.

И я ушел от них и возвратился к Абдаллаху ибн Малику с грудью стесненной, душой смущенной, умом рассеянным и сердцем растерянным и поведал ему то, что они мне сказали, и Абдаллах ибн Малик молвил:

— Тебе сегодняшний день у нас провести надлежит, и мы посмотрим, что великий Аллах определит.

Я пробыл у него некоторое время, и тут неожиданно появился мой слуга со словами:

— О господин, у наших ворот стоит много мулов, навьюченных тюками, а человек, который их привел, утверждает, что он поверенный сыновей Яхьи — Джафара и аль-Фадла.

И Абдаллах ибн Малик воскликнул:

— Я надеюсь, что тебе повезло, что облегчение к тебе пришло! Поднимайся смело и посмотри, в чем дело.

Прибежав домой, я увидел у ворот человека, который подал мне записку с таким содержанием: «Ты посетил нас, и мы узнали о твоих затруднениях, и, когда ты ушел, отправились к халифу без промедления, и осведомили его о том, что обстоятельства заставили тебя прийти в наш дом и с просьбой свою голову склонить,— и халиф приказал тысячу дирхемов тебе вручить. И мы сказали халифу: «Эти деньги он отдаст заимодавцам, их на долги еле станет. А где он деньги на свои расходы достанет?» И халиф выделил для тебя еще триста тысяч дирхемов, и каждый из нас выделил тебе из наших свободных денег тысячу тысяч дирхемов, а всего три тысячи тысяч и триста тысяч дирхемов имеешь, которыми ты исправить свои обстоятельства и дела сумеешь».

Посмотри же на великое благородство этих душ, да помилует их Аллах, велик и всемогущ!

ЖЕНЩИНА И РЫБА

Рассказывают, что одна женщина обхитрила своего мужа: в день пятницы он принес ей рыбу и велел ее сварить и продать после молитвы, а сам ушел по своим делам. А к женщине пришел ее друг и попросил ее быть на свадьбе. Она послушалась, положила рыбу в кувшин и ушла со своим другом из дому до следующей пятницы. Муж разыскивал ее повсюду, спрашивая во всех домах, но никто не сказал ему, что с нею. А она пришла в следующую пятницу и вынула рыбу живой. Собрав людей, рассказала им эту историю.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 394-я

Когда же триста девяносто четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, женщина пришла к своему мужу в следующую пятницу, вынула из кувшина рыбу живой и, собрав людей, рассказала им эту историю. Люди мужа ее лжецом объявили и так говаривали:

— Не может быть, чтобы рыба оставалась живой все это время.

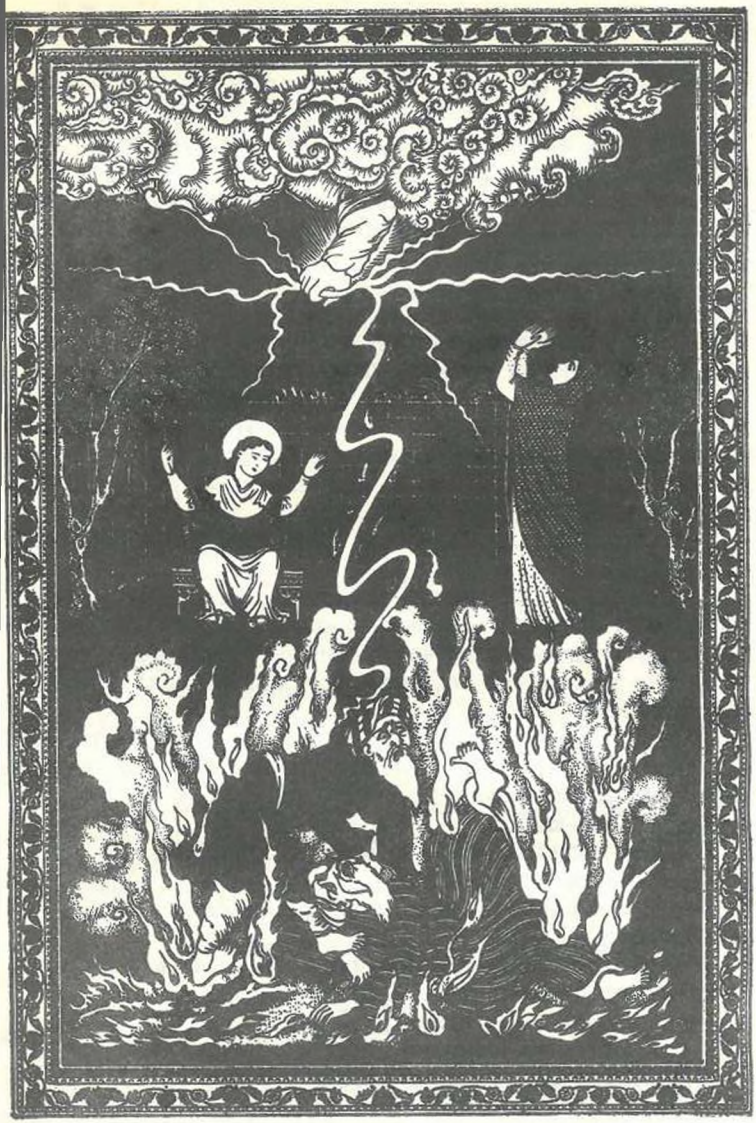
Его объявили сумасшедшим, и заключили в тюрьму, и стали над ним смеяться, и сделалось больно ему, и он слезы проливал и такие стихи прочитал:

Старуха, наврала ты, видит Бог,
Наш блудом опозорила чертог.

Порочна ты, морочила всех ты —
Пускать не надо было на порог!

ЖЕНЩИНА И ЛЖИВЫЕ СТАРЦЫ

Рассказывают, в древние времена среди сынов Исраиля жила праведная женщина. Была она богомольна и благочестива и ходила каждый день в молельню. А рядом с этой молельней был сад, и, когда эта женщина входила в молельню, то она заходила в сад и совершала там омовение. В саду было два сторожа старика. И оба старика в эту



женщину влюбились и соблазнять ее решились. Но она отказалась от их любви. Тогда они сказали ей:

— Если ты не хочешь быть с нами в близких отношениях, то мы засвидетельствуем, что ты развратница.

— Аллах избавит меня от вашего зла,— сказала им женщина.

И одолела стариков досада, и они открыли ворота сада, стали кричать, и отовсюду набежало разного люда. И все спрашивали:

— Что у вас случилось?

И старики сказали:

— Мы нашли эту женщину с юношей, который развратничал с нею, но он ускользнул из наших рук.

А в те времена люди кричали о таком позоре три дня, а после того били виновного камнями. И они три дня кричали о той женщине, чтобы опозорить ее, а старики каждый день приближались к ней и, положив руки ей на голову, говорили:

— Хвала Аллаху за то, что он ниспослал на тебя отомщенье!

Когда же люди хотели побить ее камнями, за ними последовал Данияль (а было ему двенадцать лет, и это первое его чудо — молитва), который сказал им:

— Не торопитесь побивать ее камнями, пока я не разберусь с вами.

И ему поставили скамеечку, и потом он сел, и стариков разлучил (а он первый был, кто свидетелей разлучил), и одного из них спросил:

— Что ты видел?

Старик рассказал ему, а Данияль спросил:

— В каком месте сада?

— В восточной стороне, под грушевым деревом,— ответил старик.

Потом Данияль спросил второго, что он видел, и старик рассказал ему, что случилось. Данияль спросил его:

— В каком месте сада?

— В западной стороне, под яблоней,— ответил тот.

Все это время женщина стояла, подняв голову и руки к небу, и взывала к Аллаху об избавлении. И Аллах великий послал на стариков карающую молнию, которая сожгла их. Так Аллах великий выявил невиновность женщины, и это было первое из случившихся чудес пророка Аллаха Данияля. Мир с ним!

ДЖАФАР БАРМАКИД И БОЛЬНОЙ СТАРИК

Рассказывают, что однажды повелитель правоверных Харун ар-Рашид вместе со своим сотрапезником Абу-Якубом Джафаром Бармакидом и Абу-Новасом шли по пустыне и увидели старца, опиравшегося на своего осла.

— Спроси этого старика, откуда он? — сказал Харун ар-Рашид Джафару.

— Откуда ты пришел? — спросил Джафар старика.

— Из Барсы,— отвечал старик.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 395-я

Когда же триста девяносто пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Джафар Бармакид спросил этого человека, откуда он пришел, на что старик отвечал:

— Из Басры.

— А куда ты шествуешь?

— В Багдад.

— А что ты будешь там делать?

— Буду искать лекарства для моего глаза.

— О Джафар, подшути над ним,— сказал Харун ар-Рашид.

— Если я буду над ним шутить, то нарвусь на неприятности,— отвечал Джафар.

Но халиф воскликнул:

— Заклинаю тебя, подшути над ним!

Тогда Джафар спросил старика:

— Если я выпишу тебе полезное лекарство, чем ты меня наградишь?

— Аллах великий вознаградит тебя тем, что для тебя лучше, чем мое вознаграждение,— ответил старец.

И Джафар сказал:

— Слушай, я выпишу тебе лекарство, которого я никому не давал, кроме тебя.

— А что же это? — спросил старик.

— Возьми три унции дуновенья ветра,— сказал Джафар,— и три унции лучей солнца, и три унции отблеска луны, и три унции света светильника, смешай все это и оставь лежать на ветру три месяца, а потом положи это в

ступку без дна и толчи три месяца. А когда истолчешь, положи все это в расколотую чашку и поставь ее на ветер на три месяца, после чего употребляй это лекарство каждый день по три драхмы перед сном — и так три месяца. Ты выздоровеешь, если захочет Аллах великий.

Когда старец услышал слова Джафара, он растянулся на своем осле, выпустил зловредный ветер и сказал:

— Возьми этот ветер в награду за то, что ты прописал мне лекарство. Когда я буду употреблять его и Аллах пошлет мне здоровье, я дам тебе невольницу, которая станет тебе служить, пока ты будешь жить, службой такой, что Аллах сократит срок твой, а когда ты умрешь и Аллах поспешит направить твою душу в огонь, эта невольница намажет тебе лицо своим дерьмом с горя по тебе и будет бить себя по лицу и рыдать. И, оплакивая тебя, скажет она: «О холоднобородый, как твоя борода холодна!»

Харун ар-Рашид так рассмеялся, что упал навзничь и приказал дать этому человеку три тысячи дирхемов.

ЧЕСТНЫЙ ЮНОША

Рассказывал шариф Хусейн ибн Райян, что повелитель правоверных Омар ибн аль-Хаттаб занимался однажды своими делами, творил суд над подданными, и подле него были вельможи из его сподвижников, люди верного мнения и предположения. Вдруг к нему подошел прекрасный, чисто одетый юноша, которого тянули за ворот двое других юношей. Они поставили его перед повелителем правоверных Омаром ибн аль-Хаттабом. Посмотрев на них, повелитель правоверных велел им отпустить его и спросил юношей:

— Что случилось?

— О повелитель правоверных,— отвечали они,— мы единоутробные братья и должны следовать истине. Наш отец был человек добродетельный и благородный, возвеличен среди племен, от низостей далекий и достоинствами высокий. Он нас маленькими воспитал и милости великие нам оказал...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 396-я

Когда же триста девяносто шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноши сказали повелителю правоверных Омару ибн аль-Хаттабу:

— Наш отец был человек добродетельный и благородный, возвеличен среди племен, от низостей далекий и достоинствами высокий. Он нас маленькими воспитал и милости великие нам оказал. Однажды он пошел в рощу прогуляться и сорвать спелые плоды, а этот юноша его убил, прямой путь искривил. Мы хотим, чтобы он понес возмездие за то, что совершил, и просим тебя вынести ему приговор, как великий Аллах.

Омар посмотрел на юношу устрашающим взором и сказал ему:

— Ты выслушал все, что ты скажешь в ответ?

А этот юноша был тверд душой и смел на язык. Он собрал все свое мужество и улыбнулся. И приветствовал повелителя правоверных прекрасными словами. Затем он сказал:

— Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, они рассказали правду о том, что случилось, и это было предопределено судьбой. Но сначала я поведаю тебе свою историю, а после этого ты решишь, какой мне вынести приговор.

Знай, о повелитель правоверных, что я из лучших чистокровных арабов, самых благородных из всех, живущих под звездным небом. Я вырос в пустыне и пришел в окрестности этого города с женой, детьми и домашним скотом. Я шел по дороге и проходил мимо рощ. Со мной шли благородные верблюдицы, дорогие для меня, и был среди них самец, благородный происхождением, с большим потомством и красавец видом. Он всегда давал обильный приплод и ходил, как царь, увенчанный венцом. Одна из верблюдиц убежала к роще, принадлежащей отцу этих юношей (а деревья в ней были видны через стену) и захватила одно дерево губами. Я отогнал ее от этого сада. Вдруг в просветах стены показался старик — глаза его пылали от гнева, и в правой руке он держал камень. Этим камнем он ударил верблюда и убил его наповал, так как в смертельное место попал. Увидав, как верблюд упал, я задрожал от ненависти, взял тот самый камень и ударил им старика. Таким образом к нему вернулось то, что он сам совершил. И когда в него камень попал, он великим криком закри-

чал. А я поторопился поскорее покинуть это место. Но юноши схватили меня и привели в обитель твою, и вот я перед тобою стою.

И сказал Омар:

— Да будет доволен им Аллах великий! Ты признался в том, что сделал. Теперь ты должен понести кару за свой поступок.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил юноша,— пусть я буду наказан по законам ислама! Но у меня есть маленький брат, которому отец оставил перед смертью большие деньги и благородное золото, поручив его дела мне. Призвав в свидетели Аллаха, он сказал: «Это твоему брату принадлежит, пусть оно у тебя лежит, береги достояние его рачительнее своего».

Я взял эти деньги и закопал, и никто не знает о них, кроме меня. Если ты теперь приговоришь меня к смертной казни, то деньги пропадут, и малыш взыщет с тебя свое право в день, когда Аллах будет судить своих тварей. Если же ты дашь мне три дня сроку, то я поручу кому-нибудь вести дела мальчика и вернусь исполнить долг. У меня есть человек, который поручится за меня.

Повелитель правоверных опустил голову, а потом посмотрел на присутствующих и сказал:

— Кто поручится мне за то, что он вернется обратно?

Юноша указал на Абу-Зарра и сказал:

— Этот за меня ответит и поручится за меня...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 397-я

Когда же триста девяносто седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша указал на Абу-Зарра и сказал:

— Этот за меня ответит и поручится за меня.

Омар — да будет доволен им Аллах великий! — молвил:

— О Абу-Зарр, слышал ли ты эти слова и поручишься ли ты мне за то, что этот юноша явится?

— Да, о повелитель правоверных,— ответил Абу-Зарр,— я поручусь за него на три дня.

И Омар позволил юноше уйти.

Когда срок возвращения приближался к концу, а юноша

еще не пришел в собрание Омара, сподвижники собрались вокруг халифа, как звезды вокруг луны. Пришел и Абу-Зарр. Оба противника юноши говорили:

— Где обидчик, о Абу-Зарр? Вернется ли тот, кто убежал? Мы не сойдем с места, пока ты не приведешь его к нам, чтобы мы ему отомстили.

— Клянусь Владыкой всеведущим, если три дня пройдут и юноша не явится, я выполню поручительство и отдам свою душу имаму,— сказал Абу-Зарр.

И Омар молвил (да будет доволен им Аллах!).

— Клянусь Аллахом, если юноша опоздает, я совершу с Абу-Зарром то, чего требует закон ислама!

И у присутствующих полились слезы, и поднялся шум. Сподвижники предложили юношам взять выкуп и довольствоваться этим, но они не соглашались ни на что, кроме отмщения. Пока люди волновались, жалея Абу-Зарра, явился юноша и стал перед имамом, приветствуя его. Лицо его блестело от пота.

— Я передал мальчика братьям его матери,— сказал он повелителю,— уведомил их обо всех обстоятельствах. А затем я, верен верностью благодарного, бросился в жар и зной — и вот я перед тобой.

Люди поразились его правдивости, благородству и бесстрашию. Кто-то сказал:

— Как благороден ты, о юноша, и как верен обету и долгу!

— Разве вы не знаете,— отвечал юноша,— что, когда явится смерть, то никто от нее не спасется? Я был верен правде своей, чтобы не сказали: «Исчезла верность среди людей!»

— Клянусь Аллахом,— молвил Абу-Зарр,— о повелитель правоверных, я поручился за этого юношу, не зная, какого он племени, и никогда не видев его прежде. Но когда он направился ко мне и сказал: «Вот кто поручится за меня»,— я не счел возможным отвергнуть его, чтобы не сказали: «Исчезло достоинство среди людей!»

И тогда оба юноши воскликнули:

— О повелитель правоверных, мы подарили кровь нашего отца этому юноше, который заставил нас заменить враждебность на дружелюбие верностью своей, чтобы не сказали: «Исчезло милосердие среди людей!»

И обрадовался имам прощению юноши, и верности его, и исполнению им долга, и счел великим мужество Абу-Зарра. И он восхвалил их за это и произнес такие слова поэта:

Воздаст и на земле, и в небесах
За добрые дела тебе Аллах.

Затем он предложил уплатить юношам выкуп за их отца из казны, но они сказали:

— Мы простили его, стремясь к лику Аллаха, а у кого такие намерения не для вида, у того вслед милости не идет попрек или обида.

АЛЬ-МАМУН И ПИРАМИДЫ

Повествуют, что сын Харуна ар-Рашида аль-Мамун, войдя в Каир охраняемый, возжелал проникнуть в пирамиды и опустошить их, но не смог их разрушить, как не тщился сделать это, растрачивая большие деньги...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 398-я

Когда же триста девяносто восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, аль-Мамун тщетно упрямствовал в разрушении пирамид, тратя на это большие деньги, но добился всего лишь того, что проделал небольшое отверстие, в котором нашел денег ровно столько, сколько он их истратил, чтобы его пробить. Потрясение аль-Мамуна таким совпадением тем не менее не помешало ему воспользоваться находкой, однако отвратило его от дальнейшего осуществления своего плана. Этим трем пирамидам, принадлежащим к чудесам света, нет ничего подобного в земном мире высотой, крепостью и искусностью сооружения. Строители пирамид, сооруженных из больших камней, просверливали такой камень с двух концов, вкладывали в него стоймя железные палки, просверливали следующий камень, опускали его на предыдущий и заливали палки сверху расплавленным свинцом, действуя так, со всей строгостью строительной науки, до самого конца работ. Согласно тогдашней мерке локтя, высота каждой пирамиды достигает ста локтей. Каждая из четырех граней пирамиды сужается снизу вверх, начиная с трехсот локтей — размера каждой стороны.

По свидетельству древних, западная пирамида содер-

жит тридцать кладовых из разноцветного кремня, расписанных загадочными рисунками, неисчислимо богатых, с роскошным дорогим оружием, смазанным таинственным жиром, предотвращающим ржавение до самого дня воскресения. Там есть также не поддающееся разрушению, а свертывающееся стекло, разные чудодейственные зелья и воды. Во второй же пирамиде — начертанные на кремневых плитах мудрости повествования о волхвах, о чудесных свершениях каждого из них; изображенные на стенах люди, восседающие в позах идолов на скамеечках и занятые своими таинственными рукомеслами.

И каждую пирамиду охраняет и защищает от ударов времени, судьбы и случая ее могучий страж.

И смущены тайнами пирамид проницательнейшие умы, и много есть для описания их стихов, но мало в них стоящих слов. Как сказал поэт:

Когда увековечиться цари хотят,
То языком строений говорят.

Века не изменяют лика пирамид —
О, крепко под ударами стоят!

И другой молвил:

А где строитель этих пирамид?
Кто родом он, где бился, был разбит?

След говорит: строители ушли
Туда, где нет ни плача, ни обид.

ВОР, ОБОКРАВШИЙ ВОРА

Повествуют также, что некий вор покаялся Аллаху великому раскаянием прекрасным. И, открыв лавку, определенное время продавал ткани. Однажды, когда, заперев лавку, он отправился домой, какой-то вор-хитрец, одевшийся подобно хозяину лавки и извлекший из рукава ключ, приказал ночному сторожу рынка зажечь свечу. И сторож принялся исполнять приказание...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же триста девяносто девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, сторож ушел со свечой, чтобы ее зажечь, вор же проник в лавку и зажег свою свечу. Считая что-то по пальцам над счетной тетрадью, вор приказал возвратившемуся сторожу привести верблюжатника с верблюдом для перевозки некоторых товаров. Явившийся верблюжатник по приказанию мнимого хозяина лавки взвалил на верблюда четыре кипы тканей, и вор спокойно увез их, предварительно заперев лавку и дав сторожу два дирхема.

Когда же с сиянием дня в лавку явился ее настоящий хозяин, ему доставили немалое удивление благодарности и благословения, расточаемые в его адрес сторожем за дарственные дирхемы. Поток воска, брошенная тетрадь, отсутствие четырех кип ткани и, наконец, рассказ сторожа о ночном происшествии раскрыли лавочнику глаза на случившееся, и он приказал сторожу привести верблюжатника, который увез похищенное. Узнав у пришедшего верблюжатника, что ткани были переправлены к пристани и уложены в лодку, лавочник нашел ее владельца и добился, чтобы он привел того верблюжатника, который занялся дальнейшей доставкой груза после высадки его на берег. Вместе с верблюжатником, указывающим дорогу, хозяин лавки пришел в отдаленную от берега местность, где нашел в кладовой свои четыре кипы тканей в полной целости и сохранности и сверх того — брошенный на них плащ, принадлежащий вору. Когда все это было погружено на верблюда, лавочник запер кладовую и ушел.

По дороге хозяина лавки встретил вор, последовал за ним и, дождавшись, когда ткани будут сложены в лодку, сказал:

— Доверившись Аллаху, о брат мой, ты возвратил себе целиком все свое — ткани; отдай же теперь принадлежащее мне — плащ.

Рассмеявшись, купец без излишних слов позволил вору взять плащ, и каждый из них последовал дальше своей дорогой.

МАСРУР И ИБН АЛЬ-КАРИБИ

Повествуют, что, страдая бессонницей и ночной тоской, повелитель правоверных Харун ар-Рашид как-то сказал своему вазиру Джафару ибн Яхье Бармакиду:

— Нынешней ночью ко мне не идет сон, моей груди не оставляет стеснение, а мысль не может остановиться ни на каком деле.

Неожиданно евнух Масрур, стоявший рядом, рассмеялся. Халифу ничего не оставалось, как настойчиво поинтересоваться о том, что является причиной веселости его любимца.

— Смеешься ли ты потому, что меня презираешь, или потому, что одержимостью страдаешь?

Это растрогало Масрура, и он отвечал:

— О повелитель правоверных...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 400-я

Когда же четырехсотая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Харун ар-Рашид спросил Масрура-меченосца:

— Смеешься ли ты потому, что меня презираешь, или потому, что одержимостью страдаешь?

И тут растроганный любимец повелителя поклялся своей близостью к нему, что странный смех не имеет своим источником ни презрения, ни одержимости, а проистекает с берегов реки Тигр, где вчера не только евнух, но и весь присутствовавший там люд были рассмешены неким ибн аль-Кариби, воспоминание о котором и ныне подействовало на евнуха-меченосца похуже любой щекотки. Не столько, чтобы убедиться в правдивости Масрура, сколько для того, чтобы испытать, как и годится заботливому повелителю, то, что испытывает его подданный,— Харун ар-Рашид возжелал немедленно лицезреть остроумного аль-Кариби. Однако Масрур если и уступал ему в умении смешить, то уж никак не в остроумии, поскольку потребовал от клоуна трех четвертей будущей награды повелителя. Аль-Кариби попытался рассмешить меченосца

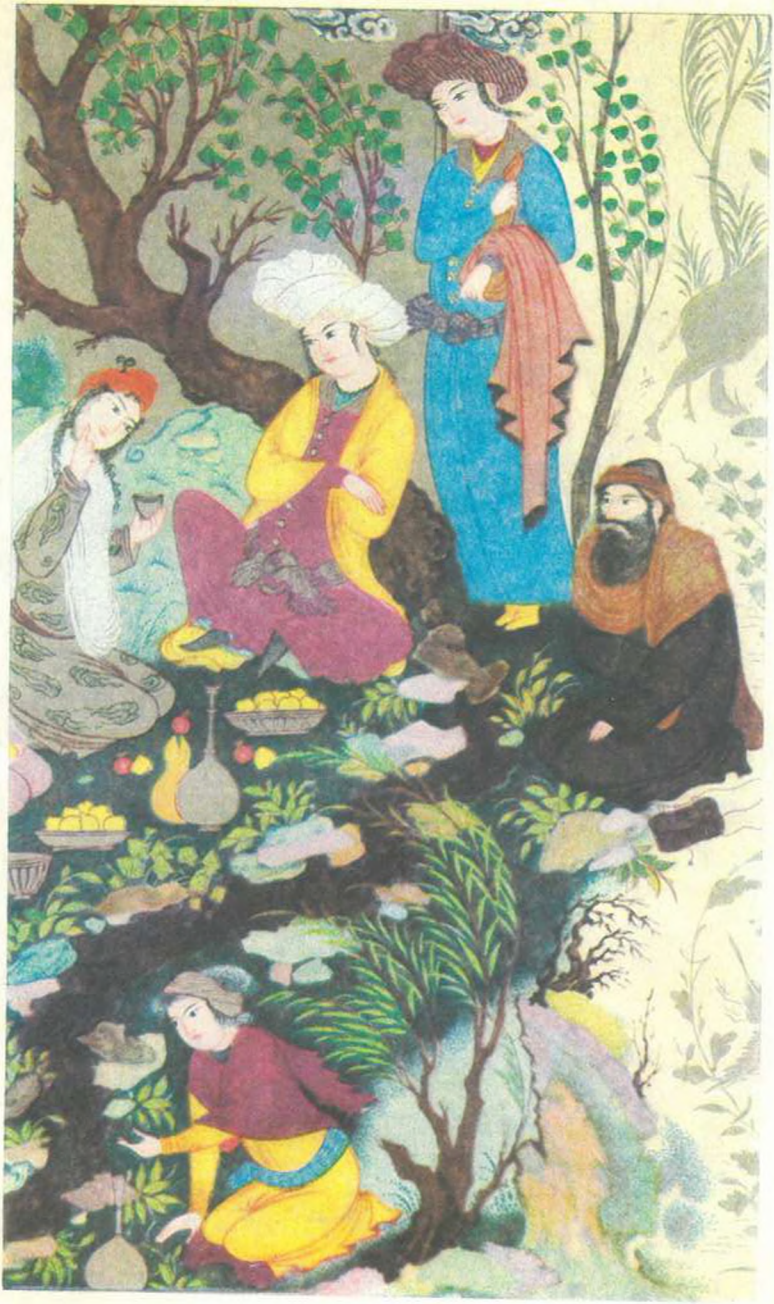
предложением делить все пополам, но тщетно. Наконец они сошлись на том, что евнух удовлетворится тремя четвертями.

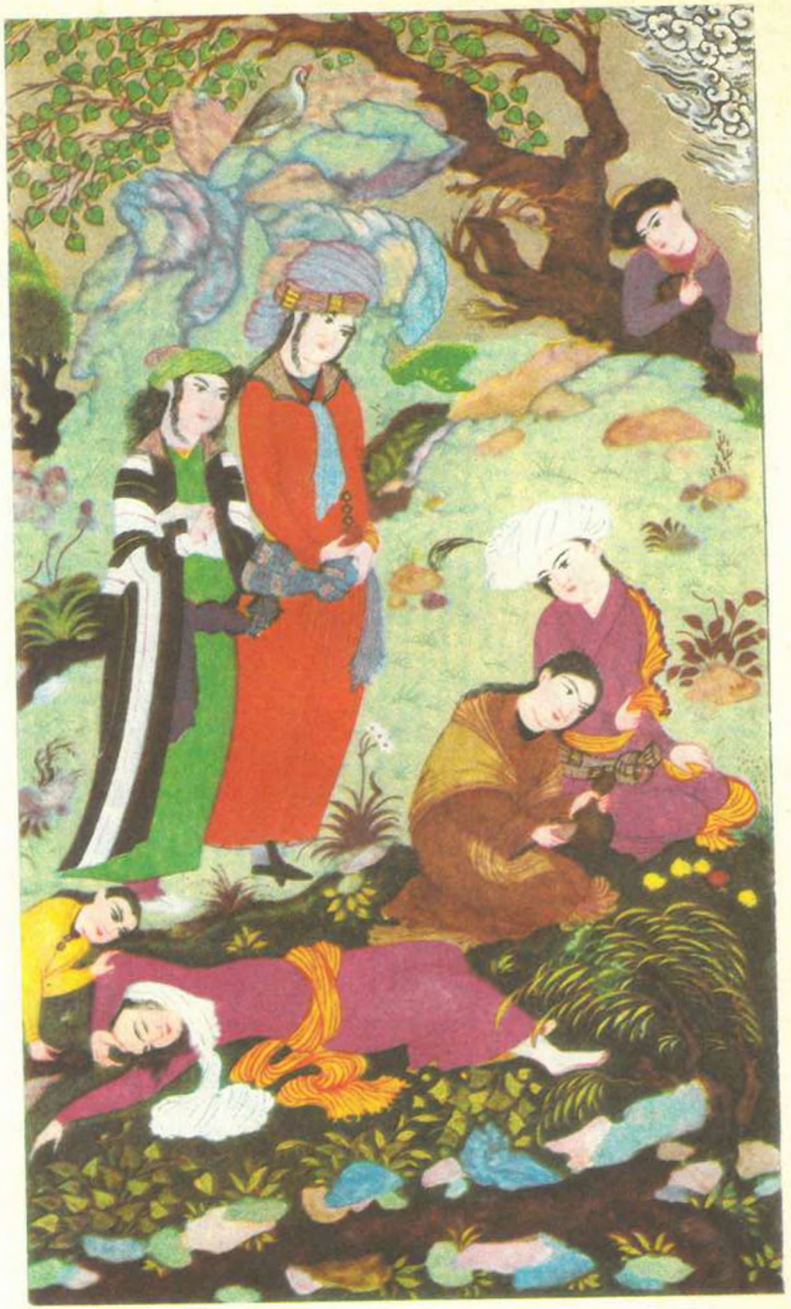
Когда повелитель объявил ибн аль-Кариби, что тот трижды получит мешком по голове, если окажется неудачником, клоун едва не испортил все дело вот-вот готовым сорваться в ответ хохотом, поскольку мысленно наслаждался кажущейся пустотой мешка и своей действительной малочувствительностью даже к ударам бичом. Возможно, этот внутренний смех ибн аль-Кариби и не позволил ему рассмешить повелителя воочию. Несмотря на все ухищрения уличного мастера смеха, могущие вызвать хохот даже у самых разгневанных, почти спокойный повелитель даже не улыбнулся. Также спокойно и беззлобно, просто честно повинуясь принятым условиям, повелитель правоверных попытался ударить уличного клоуна по неудачливой голове мешком. Но поскольку и великие иногда ошибаются, удар пришелся, вместо этого, по шее, что дало ее владельцу возможность смутно догадаться о том, что мешок содержал четыре голыша, каждый из которых весил два ритля. Эта внезапная проницательность ибн аль-Кариби побудила его немедленно и красноречиво поведать справедливейшему из царей, что, по сговору с Масруром, следующих два удара надлежит отведать именно любимому евнуху-меченосцу повелителя.

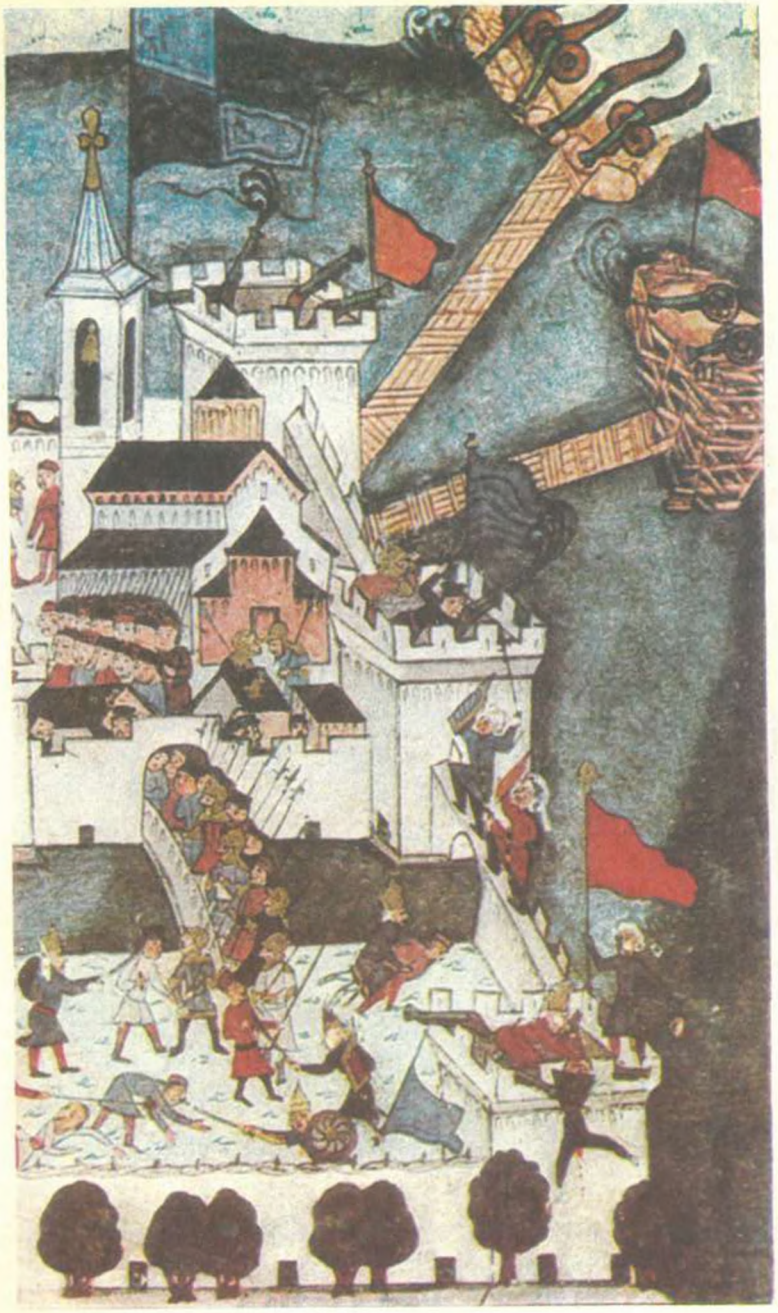
— Ты, царь, меня ударом наградил, свою я долю получил. А два остальных удара — его доля. Вот он стоит, о повелитель правоверных,— дай ему его долю,— подытожил ибн аль-Кариби.

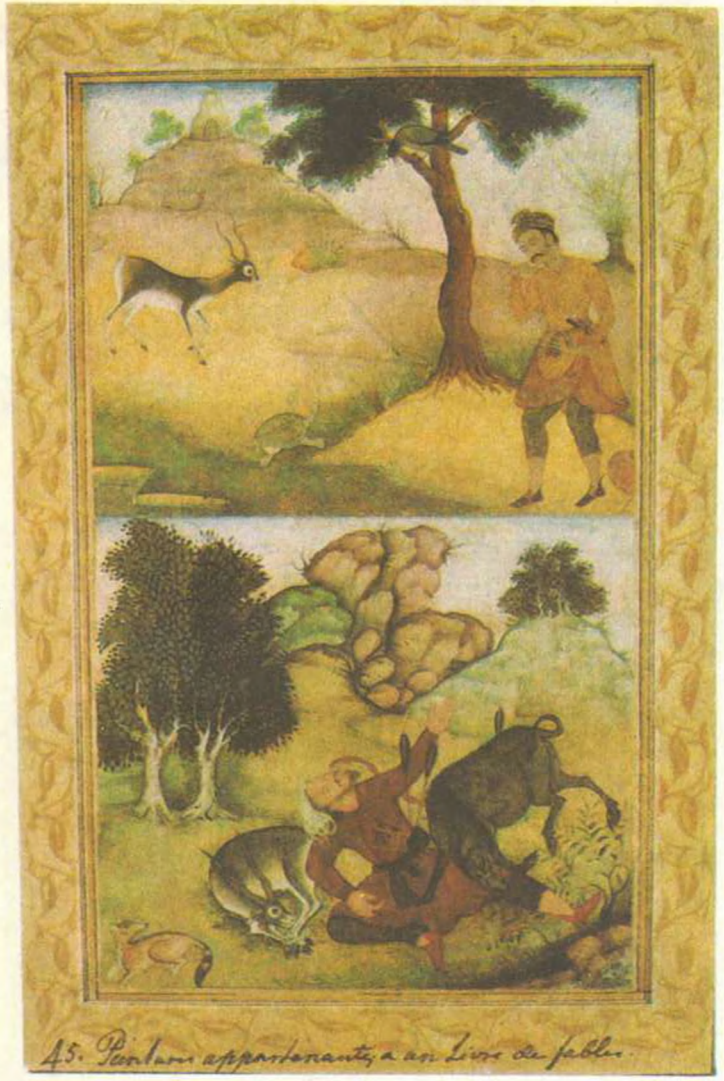
И тогда после этого повелитель рухнул навзничь; казалось, что он не вынесет вида страданий, предстоящих евнуху, однако и не откажется от дополнительно ставших ему известными условий игры, и, таким образом, незавидная участь Масрура предрешена. Но повелитель всего-навсего лишь смеялся. Тем не менее он честно нанес удар мешком и Масруру, который тем временем благородно отказывался от своей доли царской награды в пользу ибн аль-Кариби...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

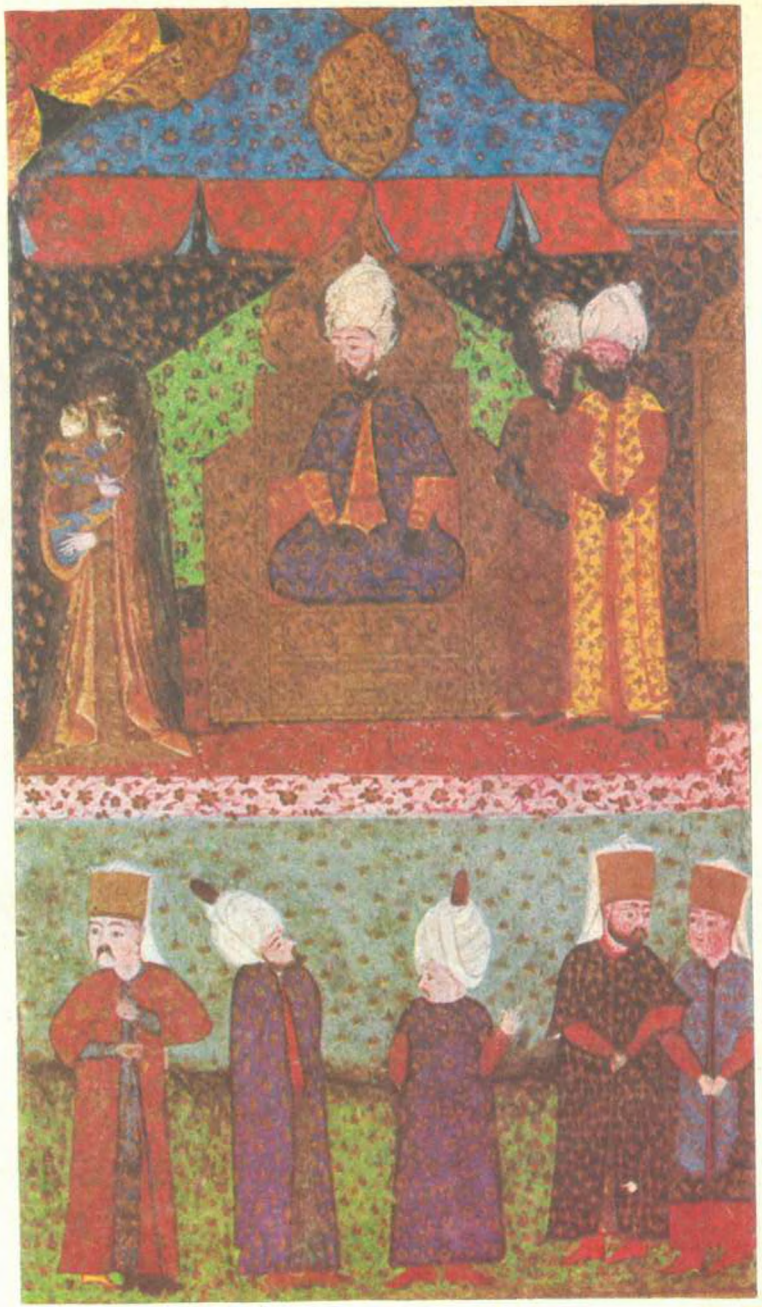


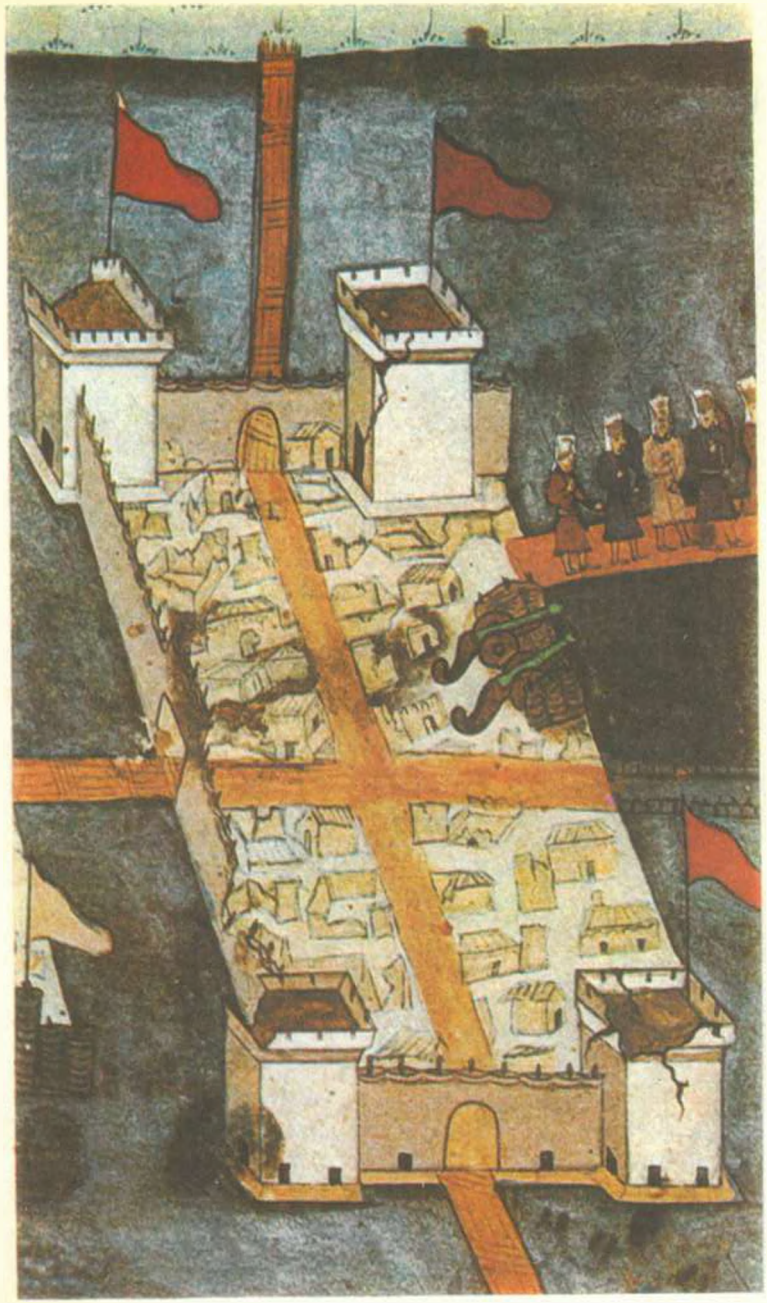


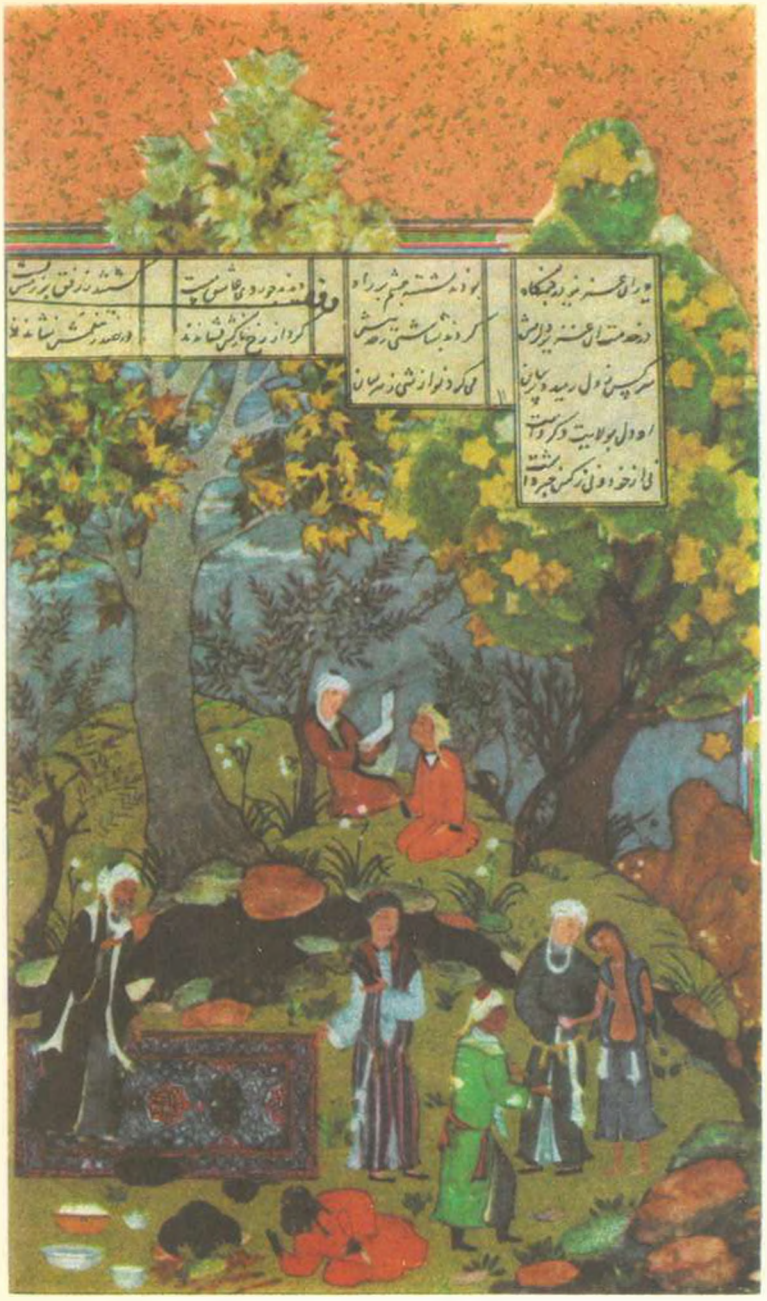




45. Peinture appartenant à un Livre de fables.







بگسستند هر دو بزوبین و تیر
همی تاختش تا بدیشان رسید

Ночь 401-я

Когда же четыреста первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Масрур сказал:

— О повелитель правоверных, с меня хватит и единственной трети, ему же отдай две остальные...

Однако в этот раз уже ошиблись Масрур и ибн аль-Кариби, а не смеющийся халиф, давший каждому из них по тысяче динаров.

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЦАРЕВИЧ

Повествуют, что шестнадцатилетний сын Харуна ар-Рашида, отказавшись от мирской жизни, постоянно постился и молился. Посещая кладбище, он взывал:

— Властелины мира, нашли ли вы спасение или только могилу? Как получить весть о сказанном и услышанном вами?

И, плача, он в смятении произносил:

Пугают носилки везде и всегда.
О плакальщиц слезы, рыданья, беда!

За этим занятием, одетого в кафтан и плащ из шерсти, его и застали однажды совершающие торжественный выезд отец, вазиры и царедворцы. И люди говорили между собой:

— Сам повелитель правоверных опозорен этим юношей. Разве он не бросил бы то, чем занимается, когда бы получил строгое назидание от халифа?

Услышав такие разговоры, повелитель правоверных обратился к своему сыну:

— О сынок, такими действиями ты накликаешь на меня позор.

Но сын лишь молча посмотрел на отца. Затем он перевел взгляд на птицу, севшую на дворцовую бойницу, и молвил:

— О птица, именем Творца, создавшего тебя,— опустись на мою руку.

А когда птица села на его руку, юноша сказал ей:

— Возвращайся на прежнее место!

И птица повиновалась ему.

— Опустись на руку повелителя правоверных,— сказал птице сын халифа, но она не сдвинулась с места.

И юный сын молвил отцу, повелителю правоверных:

— Это ты нанес мне позор в глазах почитателей Аллаха своей страстной привязанностью к земному миру, и я решил разлучиться с тобой так, чтобы возвратиться к тебе лишь в последней жизни.

После этого он стал вместе с другими рабочими месить глину в Басре, ежедневно зарабатывая себе даник на пропитание и дирхем на раздачу милостыни.

Абу-Амир аль-Басри рассказывал:

— В доме моем завалилась стена, и я вышел на поиски работника для себя. Увидев и поприветствовав прекрасноликого юношу, я спросил его:

— Есть ли в тебе, о любимый, желание к работе?

— Да,— был его ответ.

Тогда я продолжал:

— Иди со мной возводить стену.

Юноша сказал:

— Если ты примешь мои условия.

— Скажи, о любимый, о твоих условиях.

И юноша сказал:

— Дирхем и даник — плата. И возможность совершить молитву вместе с людьми, когда к ней призовет муэдзин.

И я согласился. Когда же я привел его к себе, он работал с усердием, подобного которому я не видывал доселе ни в ком. Своим отказом от обеда он дал понять мне, что постится, а услышав голос муэдзина, напомнил мне об условии найма, и я подтвердил его. Распустив пояс и сделав совершеннейшее омовение, он принял участие в молитве, после чего снова занялся трудом.

После же совершенной им предзакатной молитвы я обратился к нему:

— О любимый, после предзакатной молитвы рабочие отдыхают.

Но он, восславив Аллаха, трудился до самой ночи.

Когда же я вознаградил его двумя дирхемами, он возвратил мне один дирхем, напомнив о нашем договоре. Никакие соблазны с моей стороны не заставили его взять больше дирхема с даником. Утром же я не нашел его на стоянке рабочих, где узнал, что он бывает здесь лишь по субботам. В субботу он согласился работать у меня на прежних условиях. Усердно работая, он не обращал на меня внимания. Достаточно было ему положить немного

глины на стену, как камни стали согласно расти на ней, и я не мог скрыть своего восторга юношей:

— Таковы друзья Аллаха!

Он сделал в этот день еще больше, чем в предыдущий, и, взяв свою плату, ушел.

В следующую субботу я не нашел его на стоянке, где мне сообщили, что он лежит больной в палатке старухи, известной своей праведностью. Я отправился к этой тростниковой палатке, сооруженной на кладбище, и, войдя в нее, увидел, что юноша лежит на голой земле, подложив под голову кирпич, но лик его — необычайно светел. Мы обменялись приветствиями, и, сев со слезами у его изголовья, я и горевал, и умилялся его молодой жизнью, посвященной Господу. Когда же я спросил юношу о его нуждах, он ответил:

— С завтрашним алым рассветом ты увидишь меня мертвым, обмоешь меня, приготовишь могилу, но не сообщишь этого никому, а завернешь меня сам в кафтан, который на мне, но прежде распоришь его и извлечешь то, что должен хранить у себя. Похоронив меня с молитвой, отправляйся в Багдад и, дождавшись выхода халифа Харуна ар-Рашида, вручи ему с приветом от меня найденное в моем кафтане.

Потом он, совершив исповедание и воздав славу Аллаху, закончил речь свою красноречивейшими словами, такими стихами:

Залог передай того, кончина кому пришла;
Его ар-Рашиду дай — награда долго ждала.

Вдали от тебя, отец, теперь он лишь потому,
Что чужды его душе людей суетных дела.

Затем юноша обратился к Аллаху с просьбой о прощении...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 402-я

Когда же четыреста вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, юноша обратился к Аллаху с просьбой о прощении. Он привет господину благочестивых по-

слал и некоторые стихи Корана прочитал. А потом произнес такие стихи:

Не дай себя ты счастью обмануть:
Не будет счастья, оборвется путь.

И Абу-Амир аль-Басри сказал:

— Выслушав от юноши его завещание и стихи, я удалился. С алой же зарей я нашел его навеки погибшим,— да будет Аллах милостив к нему! Обмыв юношу и найдя в его распоротом кафтане яхонт, стоящий много тысяч динаров, я внутренне воскликнул: «Аллах свидетель — никакие соблазны земной жизни не коснулись этого юноши!» Похоронив юношу, я пришел в Багдад и ожидал встречи с ар-Рашидом возле его дворца. Когда я отдал яхонт халифу, он узнал камень и упал без чувств. Схватившим меня слугам очнувшийся ар-Рашид приказал направить меня со всем уважением во дворец. Там, в своих покоях, халиф спросил меня о владельце яхонта, на что я подробно рассказал все, что знал о юноше и о его смерти.

И, плача, халиф воскликнул:

— Сын пользовался, а отец заблуждался!

Затем он громко произнес женское имя. И явилась женщина, и, взглянув на меня, попыталась уйти, но халиф остановил ее:

— Подойди к нам, тебе не будет от него вреда.

И когда женщина произнесла слова приветствия, ар-Рашид бросил ей яхонт, вид которого заставил ее громко вскрикнуть и рухнуть в беспамятстве. Очнувшись же, женщина спросила:

— О повелитель правоверных, что Аллах сделал с моим сыном?

И халиф, задыхаясь от слез, велел говорить мне, и мой рассказ вызвал у женщины рыдания и прерывистую жалобную речь. И она стала рыдать, слабым голосом шептать:

— Как я стремилась к тебе сквозь преграды, глаз моих прохлада! О если бы я напоила, когда поящий ушел! О если б я развлекла, когда ты развлекающего не нашел.

— О повелитель правоверных,— спросил я,— так это сын твой?

И ар-Рашид отвечал:

— Да. Когда у меня не было этой власти, он общался с мудрецами и праведниками, а когда я облачился властью, он стал далек от меня. И я сказал его матери: «Это дитя

предано Аллаху всемогущему, и, возможно, ему предстоит противостоять обрушившимся на него горестям и испытаниям. Пусть же станет ему подспорьем в тяжелую годину этот яхонт, который ты ему дашь».

И сын повиновался просьбам матери, и взял яхонт, и, уйдя от нас, отсутствовал, пока не встретил в мире ином Аллаха великого, славного, непорочный, богобоязненный.

После этого я, по приказанию халифа, привел его к могиле его сына. И рыдания ар-Рашида снова лишили его чувств, а придя в себя, он обратился к Аллаху с просьбой о прощении и воскликнул:

— Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!

Совершив молитвы о сыне, он обратился ко мне с просьбой о дружбе. И я молвил:

— О повелитель правоверных, в твоем сыне не только твое страдание, но для меня величайшее назидание.

ВЛЮБЛЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

Также повествуют об одном из достойных, говорившем:

— Увидев школьного учителя за обучением детей чистописанию, я восхитился его просветленным ликом и достойным одеянием. Когда же он любезно предоставил мне место рядом с собой, я удостоверился, что он совершенен во всех испытаниях, соответствующих его положению: в чтении, грамматике, поэзии и языке. И я ободрил его:

— Да будет Аллах благосклонен к тебе в твоей решимости! Знания твои полны и отвечают всем требованиям!

Моя дружба с ним ежедневно доставляла мне радость открытия чего-то доброго в этом человеке. И я задумался: «Если верить разуму тех, кто отказывает в нем учащим детей, то поистине удивительны качества в этом учителе». Потом я навещал учителя лишь раз в несколько дней. Но однажды на двери школы меня встретил только замок, а соседи сообщили, что у учителя кто-то умер. И я направился к его воротам, приготовив слова утешения, и вышедшая невольница сказала, что ее господин одинок и тоскует. И когда она сообщила ему, что его друг хочет его утешить, он велел ей пригласить меня. Увидев его с повязанной головой, я сказал:

— Да будет велика тебе награда Аллаха! При встрече с неизбежным следует быть стойким. Кто умер у тебя?

— Человек, дороже и любимее которого для меня не существует,— ответил он.

— Не отец ли твой?

— Нет.

— Твоя мать?

— Нет.

— Брат?

— Нет,— отвечал учитель.

Тогда я спросил:

— Значит, кто-нибудь из твоих близких?

Но учитель отрицал и это.

— Так что же тебя связывает с этим человеком? — спросил я.

— Это моя возлюбленная,— был ответ.

И тогда я подумал, что это доказательство его малоумия.

Затем я сказал:

— Встретишь ту, что лучше ее.

И прозвучал странный ответ:

— Откуда мне знать, будет ли другая лучше ее, если я ее не видел.

«А вот второе доказательство»,— молча решил я и спросил:

— Но как же можно испытывать любовь к той, которую ты не видел?

— Узнай же, что однажды сквозь растворенное окно ко мне донеслось пение человека, шедшего по дороге и воспевавшего Умм-Амр.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 403-я

Когда же четыреста третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, учитель говорил:

— Когда же путник пропел этот стих, я подумал: «Не воспели бы эту Умм-Амр в таких стихах, если бы она не была действительно непревзойденным совершенством». И я воспылал любовью к ней. Два дня спустя этот путник произнес стих, в котором повествовалось о безвозвратном уходе и некоего осла, и Умм-Амр. Тогда мне стало по-

нятно о безвозвратной потере, и вот уже минуло три дня, а я все тоскую.

И я ушел восвояси, не сомневаясь в его малоумии.

ГЛУПЫЙ УЧИТЕЛЬ

Рассказывают о малоумии учителей еще такое. Знающий человек, испытавший некоего школьного учителя, сделал вывод, что тот законовед, грамматик, знаток языка и поэт, осведомленный во всем этом, сообразительный и приятный. Испытатель удивился этому, подумав, что не встречалось школьных учителей с таким разумом.

Учитель пригласил этого человека к себе в гости, и они пришли к нему в дом. Проведя время за яствами и беседой до трети ночи, они распрощались до утра: гость лег в приготовленную хозяином постель, а хозяин ушел к себе в гарем. Но неожиданно в гареме поднялся крик, и на вопрос гостя ему сообщили, что шейх близок к последнему вздоху. Когда по просьбе гостя его отвели к учителю, он увидел хозяина бесчувственным и истекающим кровью. Приведя его в чувство водой, гость встревоженно спросил:

— Что произошло? Ведь ты удалился в хорошем настроении и будучи крепок телом.

И ответ был таков:

— О брат мой, распрощавшись с тобой, я предался воспоминаниям о творениях Аллаха всемогущего и подумал: «Во всем, что сотворил Аллах, человеку есть надобность и применение, так как — слава Всевышнему — он дал нам руки, чтобы хватать, ноги, чтобы ступать, глаза, чтобы глядеть, уши, чтобы слышать, и так далее, и лишь ядра эти — одна напраслина бесполезная. Вот я и отрезал их своей бритвой, и случились со мной такие дела.

И гость ушел восвояси, говоря: «Правы уверовавшие, что учитель, обучающий детей, не вполне разумен, знай он даже все науки».

НЕГРАМОТНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Также рассказывают, что некий служитель мечети, будучи совершенно неграмотным, зарабатывал на пропитание обманом. Увеличив свой тюрбан, он даже открыл школу, где дети обучали друг друга, а «учитель» только приказывал писать и читать, пользуясь собранными им досками и

исписанными листами. Но однажды к нему пришла женщина с просьбой прочесть присланное ей письмо. Он хотел сбежать от нее, но она остановила его, спросив:

— Ты куда?

— Я совершу полуденную молитву и вернусь.

Но женщина возразила:

— До полудня достаточно далеко, чтобы ты сперва успел прочитать мне это письмо.

Гневаясь, хмуря брови, тряся тюрбаном, учитель вступил глаза в письмо, которое он держал вверх ногами. По поведению учителя женщина решила, что в письме содержится сообщение о смерти ее мужа, а учитель не отваживается сказать об этом.

— Если он умер, о господин, то не скрывай этого от меня,— молвила женщина, но учитель только молча тряс своим великолепным тюрбаном.

— Разорвать мне одежду? — предположила женщина.

— Разорвать,— эхом вторил ей учитель.

— Бить мне себя по лицу? — не унималась женщина.

— Бить! — осмелел учитель.

И женщина забрала свое письмо и устроила со своими детьми плач в доме. А соседям было сказано:

— Она получила письмо о смерти мужа.

Но некий человек возразил:

— Это ложь, потому что я узнал вчера из письма ее мужа ко мне, что он здоров, благоденствует и через десять дней возвратится домой.

Когда же этот человек прочитал письмо, полученное женщиной, он и в нем прочел то, о чем рассказал другим, а также сообщение, что муж послал жене одеяло и жаровню.

И женщина вернулась к учителю с письмом и упреками в обмане, упомянув о благополучии мужа и о том, что он послал ей одеяло и жаровню.

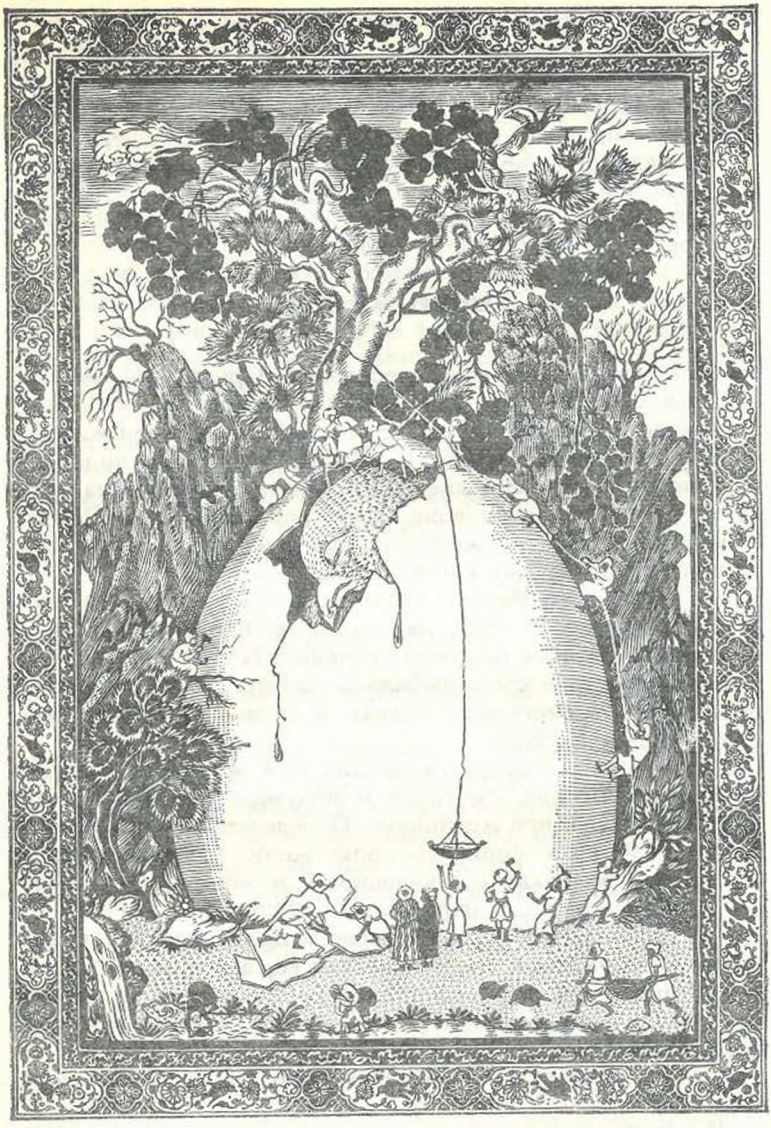
— Ты права! — отвечал учитель.— Извини меня, о женщина, но гнев посетил меня в ту минуту...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 404-я

Когда же четыреста четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, женщина спросила у учителя:



— Что заставил тебя обмануть меня?

И учитель ответил:

— Я был гневен в ту минуту, поскольку меня отвлекли от занятия умом, но я увидал: «Жаровня, завернутая в одеяло»,— и сделал вывод, что он умер и похоронен.

Но женщина не сообразила, что лжец прибегнул к новой уловке, и, простив его, ушла.

ЦАРЬ И ЖЕНЩИНА

Повествуют, что некий всесильный царь путешествовал, скрывая свое звание, дабы воочию увидеть жизнь своих подданных, и вошел в большое селение. Испытывая жажду, он попросил у ворот одного из домов воды и напился ее из кувшина, который вынесла ему красивая женщина. Вид ее вверг царя в искушение и соблазняющие речи. Поняв, с кем имеет дело, женщина пригласила царя в свое жилище и, подав ему книгу, сказала:

— Пока я приберусь и выйду к тебе, посмотри это.

И, читая книгу, царь наткнулся на предупреждение о карах, уготованных Аллахом прелюбодействующим распутникам. И все волосы вздыбились на царе, и он попросил прощения у всемогущего Аллаха, и, позвав женщину, вернул ей книгу и ушел.

Когда пришел отсутствовавший муж женщины, он, выслушав ее рассказ, смутился и подумал: «Опасаюсь, что царь воспылал к ней желанием». Определенное время после этого он боялся попирать свою жену. Она рассказала своим родственникам о случившемся, и они пришли вместе с ее мужем к царю. И царь услышал от них:

— Да наградит Аллах величием царя! Арендуя у нас землю, этот человек сперва засевал ее, а потом забросил, и мы опасаемся, что она станет бесплодной под паром, так как он и не сеет, и не уходит от нее, чтобы мы могли сдать ее сеятелю.

— Что мешает тебе засевать твою землю? — спросил царь.

И тот человек ответил:

— Да наградит Аллах царя величием! Я узнал, что на этой земле побывал лев, и, устрашась его, не смею к ней приблизиться, так как не мне соперничать со львом.

Поняв суть дела, царь молвил:

— Твоя земля, о человек, добротна и свободна для по-

сева, так как лев не попирал ее. Да благоприятствует тебе Аллах в себе! Лев не тронет ее.

Затем царь одарил супругов и отпустил их домой.

ЯЙЦО ПТИЦЫ РУХХ

Повествуют также, что некий путешествующий житель Магриба, преодолев пустыни и моря, попал на остров, где жил длительное время. Возвратился он оттуда с пером из крыла птенца птицы Рухх, который еще не вышел из яйца. В него мог войти бурдюк воды, а длина крыла птенца птицы Рухх, покидающего яйцо, сказывают, тысяча саженей. И, увидев это перо, все очень удивлялись ему. Человека того звали Абд ар-Рахман аль-Магриби, а прозвище он имел Китаец, поскольку долго пребывал в Китае. Много диковинного поведал он и среди прочего рассказывал, что однажды плыл он по Китайскому морю...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 405-я

Когда же четыреста пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, среди прочих чудес, поведанных Абд ар-Рахманом аль-Магриби Китайцем, он рассказывал, что, плывя однажды по Китайскому морю, он и другие путешественники заметили далекий остров. А когда к нему причалил корабль, перед людьми предстал большой остров.

С топорами и веревками путешественники вышли на берег, чтоб запастись водой и дровами, и перед ними заблестел огромный белый купол длиной в сто локтей, который оказался яйцом Рухх. Люди едва раскололи это яйцо топорами, камнями и палками и увидели стоящего подобно горе птенца. Помогая друг другу, они с большими усилиями выдернули у птенца перо, хотя перья на нем еще долго должны были расти. Путешественники взяли много мяса у птенца, срезали бородку пера со стержня и ушли. Ветер благоприятствовал им, и паруса быстро двигали судно на восток всю ночь. И вдруг появилась птица Рухх, подобная огромному облаку, и выпустила на корабль со своих когтей камень величиной с большую гору. Но камень упал в море,

вызвав огромное волнение в нем и ужас в людях. Но милостивый Аллах дал путешественникам возможность спастись от гибели. Когда же они поели вареного мяса птенца Рухх, то на следующий день седобородые стали чернобородыми и не седели. И одни говорили, что причиной возвращения молодости к старикам было съеденное мясо птенца Рухх, а другие — что палка из дерева стрел, которой мешали варево в котле. Такое вот произошло диво дивное.

АДИ ИБН ЗАЙД И МАРИЯ

Повествуют, что царь арабов ан-Нуман ибн аль-Мунзир имел дочь Хинд, которая в день христианской Пасхи отправилась на причастие в Белую церковь. И было ей одиннадцать лет от роду, и затмевала она своей красотой всех женщин того времени. В тот же день вошел на причастие в Белую церковь Ади ибн Зайд, прибывший от Кисры в аль-Хиру с подарками ан-Нуману. Невольница же дочери ан-Нумана Мария была влюблена в высокого, прекрасноликого Ади ибн Зайда, но не могла приблизиться к нему, окруженному людьми его племени.

Мария обратила внимание Хинд на прекрасного юношу и сказала ей, кто он.

— Боюсь, что он меня узнает, если я подойду к нему,— ответила Хинд.

— Но ведь он никогда тебя не видел раньше! — удивилась Мария.

Но Хинд подошла к брызжущему красноречием Ади и была ошеломлена умом, от искушения изменясь лицом. Мария склонила ее к разговору с юношей, и этот разговор закончился тем, что и он впал в искушение, и его люди узнали по его просьбе, что эта девушка — Хинд, дочь ан-Нумана.

И Ади, не видя дороги, брел из церкви.

И веки его так и не смежились до утра...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 406-я

Когда же четыреста шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь,

милостивый государь, Ади, произнеся стихи, ушел в свое жилище, где не смеживал век до утра, а утром ему встретилась Мария. Она призналась ему в любви, а он пообещал ей золотые горы за согласие свести его с Хинд.

И Мария договорилась с пылающей страстью Хинд, что она придет туда, откуда сможет увидеть стоящего на улице Ади, и, когда это произошло, Хинд, едва не свалившись вниз, сказала, что она погибнет, если Мария не приведет сегодня ночью Ади. Тогда Мария, рассказав обо всем ан-Нуману, посоветовала ему отдать дочь замуж за Ади, так как нет иного выхода, чтобы избежать позора, который будет накликан безумной любовью Хинд. Ан-Нуман ответил, что ему не хочется заводить первым этот разговор с Ади, и тогда Мария, сообщив царю о сильной любви Ади к Хинд, пообещала ему уладить дело. Затем она рассказала обо всем этом Ади и убедила его в благоприятном исходе дела. Затем она посоветовала ан-Нуману потребовать от Ади угощения в его доме, в чем царь не нашел ничего предосудительного. И когда они, пируя, захмелели, Ади успешно посватался к Хинд и счастливо прожил с ней три года...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 407-я

Когда же четыреста седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Ади счастливо прожил три года с Хинд, дочерью ан-Нумана, а потом ан-Нуман, разгневавшись на Ади, убил его. Горюя великим горем, Хинд построила монастырь и стала монахиней, оплакивая возлюбленного до самой своей кончины. И до сих пор в окрестностях аль-Хиры известен монастырь Хинд.

ДИБИЛЬ И МУСЛИМ ИБН АЛЬ-ВАЛИД

Повествуют, что Дибиль аль-Хузаи сказывал:

— Сидя у ворот квартала аль-Карх, я увидел гибкую в походке, пленяющую всех красавицу-невольницу. И когда мой взор упал на нее, мною овладело искушение, душу охватило волнение, и я почувствовал, что сердце мое тает, из груди вылетает, и я произнес, намекая на нее, такие стихи:

Ах, слезы льют глаза струей,
Сын век моих стеснен тоской.

И девушка на меня взглянула и лицо отвернула. А потом ответила мне таким стихом:

Так мало, мало этого для нас,
Кого призвали взоры томных глаз!

Она меня быстротой ответа ошеломила, красотой речи изумила, и я сказал девушке той стих такой:

А пожалеет ли властитель мой
Того, чьи слезы потекли струей?

И девушка без промедления произнесла строки стихотворения:

Ты лучше о любви не говори,—
Любовь — как долг взаимный — подари.

И рифму я тогда переменил, чтобы испытать ее, и, дивясь ее словам, стихи проговорил:

Пылает страсть, душа моя горит.
Возможно, время нас соединит.

И девушка, улыбаясь (я не видел прекраснее рта, и медовыми были уста) и без промедления, произнесла слова стихотворения:

Что времени до нас? Ответь сейчас,
Ты время сам, порадуй встречей нас.

И я, встав перед ней, расцеловал ее руки и сказал:

— Время неожиданно подарило мне счастливейший случай. Следуй же за мной без принуждения и не испытывай отвращения, но по своей милости и из жалости.

И она пошла за мной, но я не знал, куда вести ее, так как не имел тогда достойного такой, как она, жилища. И я направился к дому моего друга Муслима ибн аль-Валида. Когда он вышел к нам, я приветствовал его и сказал:

— На случай сей приобретают друзей!

— С любовью и удовольствием! Входите!

Он был в денежном затруднении и, дав мне платок, сказал:

— Прошу продать на рынке и купить что-нибудь поесть и попить!

Я так и сделал, а вернувшись, обнаружил, что Муслим и эта женщина уединились в погребе. Расточая в мой адрес благодарности и благословения, он молвил:

— Да воздаст тебе Аллах добром в день воскресения!

И он принял от меня угощения, а потом закрыл передо мною ворота. В ответ на мое возмущение он сказал:

— О Абу-Али, чьи уста произнесли:

Спал я с ней, товарищ спал в углу.
Телом чист, он в сердце нес хулу.

Но мой гнев на него возрос, и я отвечал на вопрос:

— Это тот сказал, кто такое двустишие написал:

Это тот, кто был сто раз рогат,
Чьи рога Манафом высочат.

Затем я принялся обвинять его в неблагородстве, но он молчал, а когда я бранить его перестал, он улыбнулся и сказал:

— Горе тебе, дурак! Ты продал из моего жилища мой платок и сделал покупки на мои деньги. О сводник, так кто же тебе в чем-то виноват?

И когда он, оставив меня, ушел к женщине, я мысленно сказал: «Ты прав, признаю сам, что отнес меня к сводникам и дуракам!» И потом ушел от его ворот, полный забот, их след остался в сердце у меня до сегодняшнего дня.

ИСХАК МОСУЛЬСКИЙ И ДЕВУШКА

Повествуют, что сын Ибрахима Мосульского Исхак сказывал:

— Пресытившись постоянным пребыванием и служением во дворце халифа, я решил поехать прогуляться в пустыню, сказав моим слугам:

— Посланнику халифа или любому иному сообщите, что я выехал утром по важному делу, но вы не знаете куда.

В одиночестве я объехал иссушаемый солнцем город, а затем остановился на улице под названием аль-Харам...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 408-я

Когда же четыреста восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, сын Ибрахима Мосульского Исхак сказывал:

— Под палящими лучами солнца я остановился на улице под названием аль-Харам в поисках тени, а ее создавало крыло дома, выступавшее на улицу. Вскоре явился черный евнух, ведущий осла, на котором царственно восседала темноокая прекрасноликая девушка с изящным станом, сидя на платке, усыпанном жемчугом, в одеждах таких роскошных, что краше их невозможно себе представить. Я узнал у прохожих, что это певица. Дуновение страсти, охватившей меня, едва не сбросило меня со спины моего животного. Когда девушка въехала во двор дома, возле ворот которого я остановился, я начал взывать к хитрости своего ума, которая позволила бы мне связаться с девушкой. Тем временем в дом, по разрешению хозяина, входили два прекрасных юноши, и я, воспользовавшись этим, присоединился к ним, якобы тоже приглашенный. Вместе с ними поев, выпив вина и послушав пение невольницы, я вышел, чтобы справить нужду, и тогда хозяин дома узнал от юношей, что я не знаком с ними. Он назвал меня блюдолизом с приятным видом и попросил относиться ко мне почтительно.

Возвратившись на свое место, я услышал из уст невольницы нежную песню и такие стихи:

Скажи газели: не газель она.
А звездочке скажи: она — луна.

Мужчина для мужчины — не партнер.
Есть для любви любовница, жена.

Пение всем понравилось. Вторую песню она спела еще лучше. Голос ее был чудесен! Потом она спела еще несколько песен — старых и новых. Среди них была песня, сложенная мной, со строфой такой:

Тем скажи, кто ушел, браня:
«Ты ушел, сторонясь меня.

Ты добился, чего хотел,
Ты шутил средь ужасного дня!»

Когда я попросил повторить эту песню, один из двух юношей возмутился:

— Не сыскать блюдолиза, бесстыднее тебя. Явившись незваным, ты еще нахальничаешь со своими просьбами! Справедливо же говорится: «Он блюдолиз и пристает с просьбами».

Сгорая от стыда, я опустил голову, а его спутник просил товарища остановиться, но тот не унимался. А когда все стали молиться, я незаметно настроил лютню и присоединился к остальным. После молитвы тот человек продолжал задирать меня, но я отмалчивался. Когда же невольница взяла лютню, она поняла, что инструмент уже настроен. На ее вопрос, кто настроил лютню, все отвечали отрицательно. Но она воскликнула:

— О нет, клянусь Аллахом, ее настроил выдающийся мастер своего дела, искусно обращающийся со струнами.

И тогда я признался, что совершил это.

И невольница именем Аллаха попросила меня сыграть что-нибудь.

И я лютню взял и сыграл песню на ней — нет чудесней и трудней. Когда ее пели, живые едва не мертвели, а мертвые едва не оживали. И такие под лютню стихи зазвучали:

Имел я сердце — мы по жизни шли,
Но времена его огнем сожгли.

Ах, не досталась мне ее любовь!
Рабам любить, о сердце, не вели.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 409-я

Когда же четыреста девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда сын Ибрахима мосулец Исхак окончил свое пение и стихи, восторг поднял всех присутствовавших на ноги.

И они просили меня: «Во имя Аллаха, властитель наш, спой нам еще». Ответив, что мне приятно исполнить их просьбу, я со рвением сыграл и произнес стихи.

И на этот раз восторг собравшихся был столь великим,

что сначала поднял всех на ноги, а потом бросил их на землю.

Когда я отставил лютню, люди снова именем Аллаха стали пуще прежнего упрашивать меня, чтобы я сыграл им хотя бы еще одну песню.

Тогда я ответил им, что это может продолжаться бесконечно, но я их осведомить готов, кто я таков. Я Исхак, сын Ибрахима, мосулец, даже сам халиф не может заставить меня делать то, чего я не хочу. Далее я пригрозил, что не произнесу ни звука и вообще уйду, если отсюда не выведут моего буянившего недоброжелателя. Тогда его товарищ сказал, что он его от этого предостерегал, в душе его ругал. Потом буяна вывели, а я искусно спел под лютню песни, которые пела невольница. Когда я тайком сообщил хозяину о своем чувстве к ней, он пообещал, что отдаст ее мне, если я пробуду у него месяц, и я согласился. Весь этот месяц меня безрезультатно разыскивал халиф, но я явился к нему сам, получив прежде невольницу, дорогие вещи и евнуха. Халиф воскликнул:

— Горе тебе, о Исхак, где ты был долго так?

Узнав о моих приключениях, аль-Мамун потребовал к себе человека, у которого я гостил, и дал ему тысячу дирхемов, сказав:

— Ты человек благородный, и тебе помощь нужна. Вот она.

А когда, по просьбе халифа, я привел невольницу, он, восхищенный ее искусством, приказал ей петь ему из-за занавески каждый четверг. Халиф наградил ее пятьюдесятью тысячами дирхемов. А я, да будет свидетелем Аллах, и сам много нажил в этом приключении, и дал немало нажить другим.

ЮНОША, ПЕВИЦА И ДЕВУШКА

Повествуют также, что аль-Утби сказывал:

— Одно из собраний образованных людей в моем доме вылилось в рассказы о любящих. И когда все уже истощились, старец, молчавший дотоле, посулил нам поведать бесподобную историю, и мы согласились. И старик молвил:

— У меня была дочь, любившая юношу, а он любил певицу, а она любила мою дочь. И вот случилось так, что я застал в одном из собраний этого юношу...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же четыреста десятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, старик сказывал:

— Однажды я застал в собрании этого юношу и певицу, которая произнесла такие стихи:

Не плачь, не терзайся так,
Ведь плач — униженья знак,

Ведь плачут особенно те,
Кто в жизни, в любви не мастак.

И я услышал восклицание юноши:

— Клянусь Аллахом, ты спела бесподобно, о госпожа! Можно ли мне теперь умереть?

— Можно, если ты влюблен,— прозвучал ответ певицы из-за занавески.

Когда кубок дошел до юноши, положившего голову на подушку, мы убедились, что он действительно умер, и, огорченные, тотчас разошлись. Необычайность моего раннего возвращения удивила домочадцев, и я рассказал им о случившемся, думая, что всего лишь удивлю их всех. Но моя дочь вышла в другую комнату, и положила голову на подушку, подобно юноше, и, подобно ему же, умерла, в чем я убедился, когда потрогал ее. А утром встретились похоронные процессии, провожавшие в последний путь мою дочь и юношу. Но вдруг появились и третьи носилки, и мы узнали, что певица немедленно умерла, узнав о смерти моей дочери. Все трое были похоронены одновременно, и это то, что неслыхано доселе из рассказов о влюбленных.

ВЛЮБЛЕННЫЕ, ПОГИБШИЕ ОТ ЛЮБВИ

Рассказывают также, что аль-Касим ибн Ади сообщал, что один человек из племени Бенд-Темим говорил:

— Поиски заблудившейся верблюдицы привели меня однажды к водам племени Бенд-Тай, и я увидел и услышал, что в двух разных толпах обсуждают что-то с одинаковым пылом.

И я всмотрелся и в одной толпе юношу увидел, которого Бог обидел: от болезни он был точно потертый бурдюк. И когда я на него смотрел, он вдруг пропел:

В разлуке больно сердцу моему.
Как тяжело, родная, одному!

Я заболел — и посетили все.
Тебя, любовь, лишь нету. Почему?

Услышав это, девушка, находившаяся в другой толпе, стала рваться из нее к юноше. И он устремился к девушке, но люди не пускали его, и он стал вырываться от них, а девушка вырывалась от своих, пока обое не освободились. И тогда они бросились друг к другу, встретились между противоположными толпами, и обнялись, и упали на землю мертвые...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 411-я

Когда же четыреста одиннадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, встретившись между двумя толпами и обнявшись, юноша и девушка упали замертво. И старец произнес над ними:

— Поистине, мы — собственность Аллаха и возвращаемся к нему!

И, зарыдав, воскликнул:

— Да будет Аллах всемогущий милостив к вам! Клянусь Аллахом, я сделаю так, что вы будете вместе после смерти, если жизнь не соединила вас!

И их, обрядив, завернули в один саван и похоронили в одной могиле, а все люди — и в одной, и в другой толпе — били себя по лицам. А на мой вопрос о влюбленных старик ответил, что она — его дочь, а он — сын его брата.

— Да будет Аллах тебе руководителем! Что же помешало тебе поженить их? — воскликнул я.

— Я боялся позора, но позор пал на меня теперь! — был ответ.

Таков один из удивительнейших рассказов о влюбленных.

АЛЬ-МУРРАД И БЕСНОВАТЫЙ

Повествуют, что Абу аль-Аббас аль-Муррад сказывал:

— Направляясь со своими людьми по делу в аль-Берид и проезжая мимо монастыря Езекииль, мы остановились под его сенью. Вышедший к нам человек сообщил:

— Среди бесноватых, обитающих в монастыре, есть тот, устами которого вещает мудрость. Услышав его, вы не знали бы границ удивлению.

И мы увидели его сидящим с обнаженной головой в комнате на кожаном ковре, с устремленным на стену взглядом.

И мы приветствовали его, и он нам приветствие вернул, но на нас и не взглянул.

— Говори стихами: когда он слышит стихи, то начинает говорить с вами.

Услышав мое двустишие, бесноватый повернулся к нам и произнес такие стихи:

Аллах ведь знает, как тоскую я,
Он видит: велика печаль моя.

Имею две души: одна со мной,
Другая — где далекие края.

Потом он спросил, хорошо ли это было сказано им. Услышав от нас похвалу, безумный взял камень, и мы бросились бежать, но он стал сильно камнем себя бить и говорить:

— Вместо того, чтобы бояться меня, подойдите и выслушайте то, что увеличит ваши знания.

И когда мы исполнили его просьбу, он произнес:

Светло-рыжих они пред зарей привели,
Посадили ее, и верблюды пошли.

И смотрел на любимую я из тюрьмы,
И ручьем мои горькие слезы текли...

Потом, обратившись ко мне, он сказал:

— Известно ли вам, что они сделали?

— Да, они умерли, да будет милостив к ним всемогущий Аллах!

Изменясь в лице и вскочив на ноги, бесноватый воскликнул:

— Откуда ты узнал об их смерти?

— Если бы они были живы, они бы не оставили тебя,— ответил я.

Именем Аллаха подтвердив правдивость моих слов, бесноватый сказал, что ему немила жизнь, и упал лицом вниз, и, да будет к нему милостив Аллах, умер. И мы с великой печалью похоронили его...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 412-я

Когда же четыреста двенадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, аль-Муррад рассказывал:

— Когда этот человек умер, мы с великой печалью похоронили его. Когда же я возвратился в Багдад, аль-Мутеваккиль, заметив печаль у меня на лице, спросил о ее причине. После моего рассказа ему стало тяжело, и он спросил:

— Что бы ни побудило тебя к этому, но, Аллах свидетель, если бы не твоя тоска о нем, ты держал бы передо мной ответ!

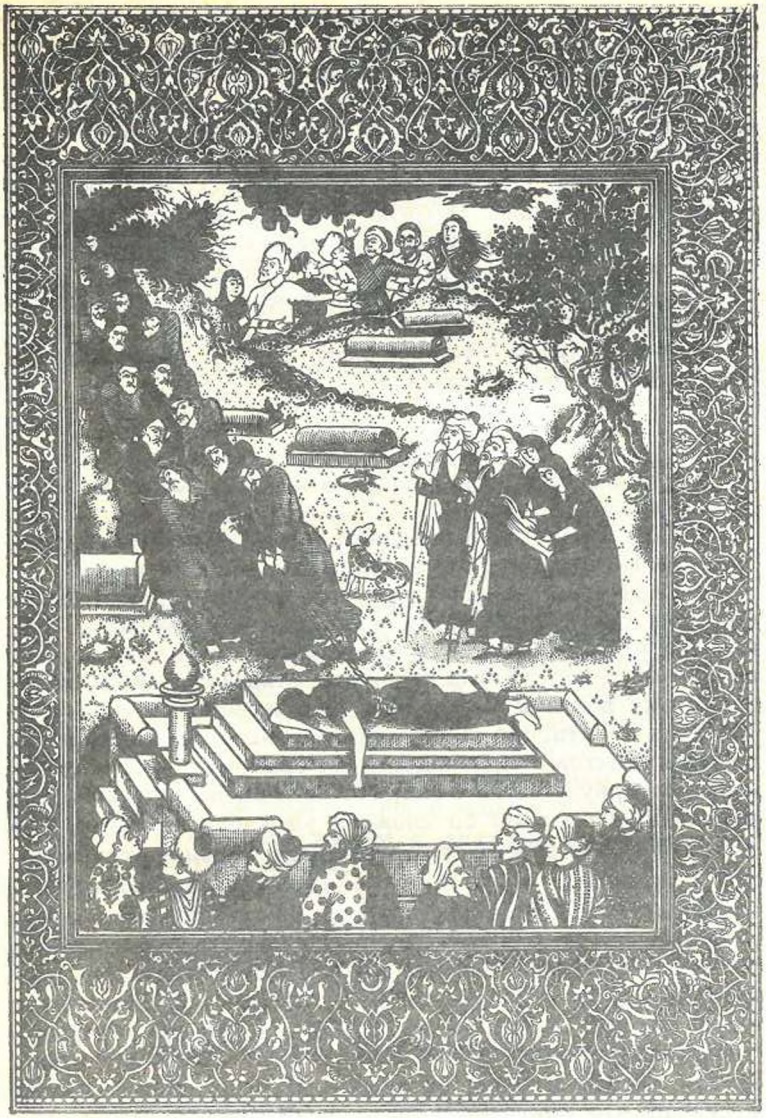
А затем он тосковал до самого сна.

МУСУЛЬМАНИН И ХРИСТИАНКА

Повествуют, что Абу-Бекр ибн аль-Анбари сказывал:

— Путешествуя в Аморию, я оставил аль-Анбар и на пути в страну румов остановился в монастыре Сияний, куда меня пригласил предводитель монахов Абд аль-Масих. Сорок монахов почтили меня великолепным ужином, и на рассвете я продолжил свой путь, составив благоприятное мнение о необычайном их благочестии. Уладив свои дела в Амории, я возвратился в аль-Анбар. На следующий год я отправился в паломничество в Мекку и неожиданно увидел возле храма Абд аль-Масиха и пятерых его сподвижников-монахов. Удостоверившись, что он не Абд аль-Масих Страшащийся, а Абдаллах Стремящийся, я со слезами на глазах стал целовать его седины. Я попросил его рассказать, почему он принял ислам, и старец молвил:

— Дело это удивительное. Когда мусульмане, совершающие подвиг веры, послали своего юношу в селение купить



пропитание, он увидел на рынке прекрасную девушку-христианку, продающую хлеб, и тотчас лишился чувств от любви к ней. Вернувшись к своим спутникам, он сообщил, что дальше с ними не пойдет. Они тщетно пытались вразумить его, но он пришел к лавке той женщины и признался ей в любви, а она от него отвернулась. И, когда он три дня глядел ей в лицо, не отходя от нее, она рассказала обо всем своим родственникам. И тогда направленные ими дети забросали юношу камнями, и поломали ему ребра, и изранили голову, но он не уходил. И один добрый человек сообщил мне, что юношу хотят убить. Я лечил его в монастыре четырнадцать дней, а потом он ушел...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 413-я

Когда же четыреста тринадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, монах Абдаллах рассказывал:

— Я лечил его в монастыре четырнадцать дней, а потом он снова сел у двери лавки и смотрел на девушку, и она сказала, что пожалела его и что выйдет за него замуж, если он примет ее веру. Когда же юноша отказался, она предложила ему войти к ней в дом, удовлетворить с ней свое желание и уйти. Но юноша отказался одним мгновением страсти уничтожить двенадцать лет благочестия. И девушка снова отвернула от него лицо. А дети снова забросали его камнями, и он упал со словами уверенности в том, что Аллах покровительствует праведникам. Отогнав от него детей, я услышал, что он просит Бога соединить его в раю с возлюбленной. Юноша умер раньше, чем я успел донести его в монастырь, и я с печалью похоронил его. А в полночь та женщина, собрав громким криком жителей селения, рассказала им, что побывала во сне с юношей-мусульманином возле врат рая, но страж не пустил ее в рай как неверную. Тогда она приняла ислам и вошла вместе с юношей в рай. Потом юноша показал ей дворец из драгоценного камня и сказал, что они войдут сюда только вместе через пять ночей, если на то будет воля всемогущего Аллаха. Затем он сорвал два яблока, сказав, чтобы одно девушка съела, а другое дала монахам...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 414-я

Когда же четыреста четырнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка сообщила, что юноша сорвал ей во сне у ворот райского дворца два яблока, сказав, чтоб одно она съела, а другое дала монахам. Проснувшись, девушка почувствовала во рту вкус яблока, а вынув второе яблоко, удивилась его сиянию, подобному сиянию яркой звезды во мраке ночи. И женщина пришла в монастырь, и поделила яблоко на части по числу моих товарищей, и мы не знали вкуса слаще и запаха приятнее, и появилась у нас мысль, что это, возможно, сам сатана отвращает нас от веры.

И девушка провела в своем доме четыре дня и ночь без еды и питья, а на пятую ночь пришла к могиле юноши-мусульманина и умерла на ней. Утром же в селение явились сподвижники-мусульмане — два старца и две женщины — и сказали, что святая Аллаха всемогущего взята им как мусульманка, и заботу о ней должны взять мусульмане. И жители селения стали препираться с мусульманами на месте кончины девушки, и тогда один из старцев сказал, что если сорок монахов сдвинут ее с места, то она принадлежит христианству, а если это сделает один мусульманин, значит, она мусульманка. И сорок монахов тянули ее толстой веревкой, но не сдвинули, а один старец с именем Аллаха на устах поднял ее на руки и отнес в пещеру, и она была обряжена и похоронена рядом с могилой мусульманина.

И все это стало для нас непреложным доказательством истинности ислама, и затем я, все монахи и жители селения приняли ислам, призвав законоведа из аль-Джезиры. И щедротами Аллаха отмечены ныне мы, и вся слава, и могущество, и хвала — Аллаху великому.

АБУ-ИСА И КУРРАТ АЛЬ-АЙН

Повествуют, что Амр ибн Масада сказывал:

— Сын ар-Рашида и брат аль-Мамуна Абу-Иса и невольница Али ибн Хишама Куррат аль-Айн были влюблены друг в друга, но гордый и мужественный Абу-Иса безропотно скрывал свою страсть, тщетно пытаясь заполучить Куррат аль-Айн хитростью. И тогда, желая лишь побывать там, где живет Куррат аль-Айн, Абу-Иса испробовал еще

один способ, наедине с аль-Мамуном обратившись к нему в праздничный день:

— О властелин правоверных, испытав предводителей своих ныне и неожиданно, ты точно узнал бы, кто из них действительно благороден и возвышен мыслями.

А хотел он такими словами лишь достигнуть с невольницей свидания в доме ее пребывания.

Согласившись с ним, аль-Мамун в лодке «Крылатая» отправился со своими царедворцами перво-наперво к Хумайду Длинному из Тусы. И они нашли его сидящим...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 415-я

Когда же четыреста пятнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, аль-Мамун и его приближенные нашли Хумайда Длинного из Тусы в его дворце сидящим на циновке и слушающим певиц, играющих на лютнях, свирелях и других инструментах.

Аль-Мамун даже не взглянул на предложенные ему кушанья из мяса вьючных животных, среди которых и не пахло птицей, и, когда Абу-Иса объяснил это неожиданностью появления гостей и предложил пойти туда, где все можно найти, халиф и его люди поднялись и отправились к Али ибн Хишаму.

Поцеловав землю между рук халифа, ибн Хишам ввел их в невиданно роскошные покои, выложенные мрамором, украшенные румскими рисунками, устланные циновками из Синда (долины Инда) и басрийскими коврами, точь-в-точь соответствующими размерам помещения.

Насладившись видом помещения, аль-Мамун сказал:

— Попотчуй-ка нас чем-нибудь!

И тотчас, по приказанию Али ибн Хишама, гостям подали сотню куриных яств в числе иной птицы, похлебок, жаркого и освежающего. А когда аль-Мамуну захотелось питья. Али преподнес вина, выкипяченного до трети, сваренного с плодами и приятнейшими пряностями. В золотых, серебряных и хрустальных сосудах эти напитки были внесены юношами, подобными месяцам, одетыми в вышитые золотом александрийские одеяния, с хрустальными флягами розовой воды с мускусом на их груди.

— О Али ибн Хишам! — вырвалось восклицание из груди аль-Мамуна.

И тот подскочил к ковру и его поцеловал, а затем перед халифом встал и сказал:

— Я здесь, о повелитель правоверных!

Повелитель правоверных возжелал волнующих песен. И вот десять евнухов внесли десять золотых скамеечек, на которые уселись десять лунноликих невольниц в черной парче, с золотыми венцами на головах. И полились сладкие напевы, и взор аль-Мамуна был похищен одной изящной прельстительницей. На вопрос халифа, как ее зовут, она назвала себя Саджахи, а потом, по просьбе повелителя правоверных, невольница напев повела и стихи произнесла:

Напуганный беседой с милой, иду,
Как будто встретил львов двоих в саду.

Покорность — меч мой, сердце влюблено,
Глаза врагов вещают мне беду.

Похвалив невольницу, халиф поинтересовался, чьи это стихи, и прелестница ответила, что стихи — Амра ибн Мадикариба аз-Зубайди, а песня — Мабада. И аль-Мамун, Абу-Иса и Али ибн Хишам выпили, затем эти певицы ушли, и явилось десять других невольниц, блистая золотом на шелках и йеменских тканях. И они пели, и халиф поинтересовался именем той, что была подобна пустынной лани, и попросил ее — Забию — спеть. А когда она показала свое искусство, аль-Мамун сказал, что оно даровано самим Аллахом...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 416-я

Когда же четыреста шестнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда невольница произнесла стихи, аль-Мамун молвил:

— Твой дар от Аллаха! Чьи это стихи?

— Джарира,— сказала девушка,— а песня — ибн Сурайджа.

Аль-Мамун и присутствовавшие снова выпили, а вместо этих невольниц появились десять других, подобных яхон-

там. Красная парча с шитым золотом, жемчугом и драгоценностями оттеняла их грациозные непокрытые головки. И аль-Мамун спросил у солнцеподобной среди них, как ее зовут, и услышал из ее уст:

— Мое имя — Фатин, о великий властелин!

И она напев повела и такие стихи произнесла:

Мне близость подари — пора пришла.
В разлуке, милый, жизнь моя прошла.

Далее, похвалив Фатин, халиф узнал у нее, что автор стихов — Ади ибн Зейд, а песня — древняя. И снова были осушены полные кубки, и снова явились десять других невольниц-жемчужин в одеяниях, украшенных червонным золотом и драгоценными камнями. На этот раз халифу приглянулась Раша. И девушка напев повела и стихи произнесла:

Тоску он, темноглазый, исцелит.
Газель он вспомнит — сердце заболит.

— Ты отлично спела, о девушка,— воскликнул аль-Мамун,— еще прибавь!

И невольница, встав, поцеловала землю меж рук халифа и пропела такой стих:

И взглянула на пир (тихий-тихий укор),
Духом амбры пропитан был женский убор.

Восторг халифа побудил девушку к повторению этого стиха. И наконец аль-Мамун приказал подвести «Крылатую». Но тут Али ибн Хишам сказал:

— О повелитель правоверных, ты еще не видел невольницы, которая стоила мне десяти тысяч динаров и моего сердца. Или они, или ее пение должны принадлежать повелителю правоверных!

— Ко мне с нею! — оживился халиф.

И вышла девушка, подобная ветви ивы,— у нее были глаза прельщающие и из-под бровей, подобных луку, в пленника стреляющие, а на голове ее был венец из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, под которыми была повязка, а на повязке той был выведен топазом стих такой:

Вот джинния. И учит джинн ее
Без лука сердце поражать твое.

И эта невольница пропела, как будто газель блуждала, и богомольного она искушала.

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 417-я

Когда же четыреста семнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, девушка шла к скамеечке, соблазняя даже богомольца. Аль-Мамун был поражен ее красотой и прелести ее изумился, и Абу-Иса в лице изменился. Когда аль-Мамун поинтересовался таким изменением, Абу-Иса сказал, что иногда с ним так по причине болезни бывает, которая на него нападает.

Но, когда, не проявляя любознательности относительно болезни Абу-Исы, халиф спросил, знавал ли Абу-Иса невольницу, тот не осмелился отрицать этого, высказав убеждение, что нельзя скрыть луну ясную, прекрасную. Молча согласившись со своим собеседником, халиф открыл свои уста, глаза и уши навстречу нескрываемой луне и, узнав, что ее зовут Куррат аль-Айн, получил в подарок от нее такие стихи:

Влюбленные уедут на заре,
Уединятся от людей в шатре!

— Ты одарена Аллахом! — молвил халиф.— А чьи это стихи?

— Дабиля аль-Хузаи, а песня — Зарзура-младшего,— ответила девушка.

Слезы заволокли взор Абу-Исы и стеснили его грудь, чему удивились присутствующие, а девушка обратилась к аль-Мамуну:

— О властелин правоверных, не позволишь ли ты мне переменить слова?

— Пой как желаешь.

И она напев повела и стихи произнесла:

Открыто с другом в дружбе ты живи,
Вернее с милым тайно будь в любви.

Когда эти стихи прозвучали, Абу-Иса молвил:

— О повелитель правоверных...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же четыреста восемнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Куррат аль-Айн произнесла эти стихи, Абу-Иса молвил:

— О повелитель правоверных, выказав себя, мы получаем облегчение! Можно ли мне ответить ей?

И халиф позволил. И Абу-Иса слезы сдержал и такие стихи прочитал:

Я промолчал, не молвил про любовь,
Для собственной души нашел покров.

И если кто в глазах любовь узрит —
То ясная луна сияет вновь.

И, взяв лютню, Куррат аль-Айн напев повела и стихи произнесла:

Будь правдой все, что утверждаешь ты,
Пропали б все надежды и мечты.

Кто устоит пред девушкой такой,
Чьи дивные и свойства, и черты!

И после этого Абу-Иса стал плакать, дрожать, жаловаться и рыдать. А затем он обратил к ней взор, вздыхая. И прозвучала строфа такая:

Одеждой скрыта слабенькая плоть.
В душе — забот... О дай мне сил, Господь!

Ручьями слезы льются из очей —
Мою болезнь так трудно побороть!

Когда же эти стихи отзвучали из уст Абу-Исы, Али ибн Хишам подскочил к нему, ногу облобызал и сказал:

— Твои тайные мольбы, о господин, услышаны благосклонным к тебе Аллахом, и ты можешь взять ее со всем, что ей принадлежит, если только это не противоречит желаниям повелителя правоверных.

И тогда аль-Мамун сказал:

— Если бы мы даже имели подобные желания, то, несомненно, пожертвовали бы ими, чтобы укрепить стремление Абу-Исы.

Затем аль-Мамун удалился и занял свое место в «Крылатой», а Абу-Иса, поотстав, забрал Куррат аль-Айн, и увез ее в свой дом, и расправил плечи.

Воистину — назидательно благородство Али ибн Хишама!

АЛЬ-АМИН И НЕВОЛЬНИЦА

Повествуют также: брат аль-Мамуна аль-Амин, посетив жилище своего дяди Ибрахима ибн аль-Махди, увидел, что играющая на лютне невольница — прекраснейшая женщина. И по виду племянника дядя безошибочно понял, куда склонилось сердце его родственника. И он послал эту девушку аль-Амину роскошно наряженной. И запало в любящее сердце аль-Амина подозрение, что его дядя познал ее, и он по-родственному принял подарки, но отказался от девушки.

Сделав правильные выводы об этом со слов некоего верного евнуха, Ибрахим рубашку из вышитой материи взял и на подоле ее золотом стихи написал:

Клянусь Аллахом (правда век жива!),
Что перед ней я не качал права.

И в мыслях уст ее я не познал,
И только взгляды были да слова.

Потом он нарядил девушку в эту рубашку, и лютню ей дал, и второй раз к аль-Амину послал. И девушка, обцеловав землю между рук халифа, пропела под лютню такие стихи:

Открыл ты душу, дар вернув земной,
Открыл ты всем, так поступив со мной.

Неужто халифату возвратишь
Меня вторично — как подарок свой?

А когда она закончила пение, аль-Амин на девушку посмотрел, и надпись на подоле рубашки узрел, и перестал повелевать своей душой...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Когда же четыреста девятнадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, аль-Амин на девушку посмотрел, и надпись на подоле рубашки узрел, и перестал повелевать своей душой. И его душа приблизила девушку к его телу, и его уста — к ее устам, и отвела ей комнату. И халиф возблагодарил дядю своего Ибрахима, в том числе предоставив ему управление ар-Раем.

АЛЬ-МУТЕВАККИЛЬ И ИБН ХАКАН

Повествуют также, что аль-Мутеваккиль, выпив лекарства, стал принимать всяческие подношения, а аль-Фатх ибн Хакан подарил ему высокогрудую прекрасную невольницу. И принесла она хрустальный сосуд, наполненный красным вином, и чашку, где черным по красному были начертаны такие стихи:

Когда лекарством хворь исцелена,
Из чаши выпей доброго вина.

Еще полезнее — сломать печать невинной,
Которая халифу отдана.

И когда невольница появилась со всем этим у халифа, его враг Юханна с улыбкой молвил, беря в свидетели Аллаха, что аль-Фатх больше лекаря искушен в деле врачевания, и почтительно посоветовал повелителю правоверных воспользоваться тем, что ему прописано.

И халиф, не оспаривая врача, воспользовался присланным лекарством соответственно стихам и был исцелен Аллахом.

УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА

Повествуют также, что некий достойный человек сказывал:

— Багдадская увещевательница Ситт аль-Машиих была благороднейшей, чувствительнейшей и образованнейшей женщиной, обладавшей проницательным и быстрым умом.

по Хидже

Когда в пятьсот шестьдесят первом году она занималась целительными увещеваниями в Хаме, восседая на скамеечке,— ее беспрерывно посещали искушенные в вежестве глубокие знатоки фикх, совершенствуя свои острые умы в обсуждении сложных вопросов законоведения. И вот я со своим ученым товарищем тоже оказался сидящим возле мудрейшей, а потом — возле поднесенных ею для нас плодов, а она — за занавеской. Обхаживал же нас ее прекрасноликий брат. Насладившись плодами садов, мы приступили к плодам законоведения, в том числе к таким, по поводу которых имамы расходились во вкусах, и я внимал сладкой речи женщины, мудро классифицирующей эти вкусы, но мой спутник был всецело поглощен прелестями ее брата. Видя это из-за занавески, проницательная сделала вслух бесспорный вывод, что мой товарищ предпочитает мужчин женщинам, и он, обрадованный возможностью продемонстрировать превосходство такого предпочтения, объяснил его тем, что Аллах возвысил мужчину над женщиной...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 420-я

Когда же четыреста двадцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, шейх объяснил свое предпочтение мужчинам перед женщинами тем, что Аллах возвысил мужчину над женщиной, а шейх любит предпочитаемое и избегает предпочтенного. Женщина, засмеявшись, взяла с него слово быть справедливым в высокоученом споре с нею на сей счет и поинтересовалась доказательством предпочтения мужчины женщине. И шейх отвечал, что суть доказательства в передаваемом и познаваемом и что в Книге и Установлениях — как в передаваемом — великий Аллах поучает мужчин содержать женщин, ввиду преимуществ первых; и если не будут двое мужчин, то мужчина и две женщины, и в наследственных отношениях между братьями и сестрами, мужчинами и женщинами мужчине должно принадлежать не меньше, чем двум женщинам, так как, по воле Аллаха всеславного, женщина — всего лишь половина более достаточного ее мужчины, поэтому благословенный Аллахом пророк определил виру за женщину и половину виры за мужчину; относительно же познавае-

мого, мужчина — деятель, а женщина — предмет деяния. И великий, могучий Аллах поставит мужчину выше женщины в этих местах.

И увещевательница сказала:

— Ты красноречив, о господин, но, Аллах свидетель,— лишь подтверждаешь своими словами мои, а не опровергаешь их, поскольку всеславный и величайший Аллах возвысил мужчину над женщиной лишь качествами его пола, и в признании этого мы не противоречим друг другу. Но качество мужского пола присуще и дитяти, и мальчику, и юноше, и зрелому мужчине, и старику; и если бы твоя душа была последовательна в своей склонности, то и находила бы отдохновение и со старцем, как с мальчиком, тем временем ты бездоказательно находишь преимущества только в юноше перед женщиной относительно качеств, дающих дружбу и наслаждение.

И шейх отвечал:

— Разве тебе неведомо, о госпожа, что юноша превосходит женщину и красотой стана, и улыбчивой сладкоречивостью, и розовощекой привлекательностью. Ведь, по преданию, благословляемый Аллахом пророк сказал: «Не глядите беспрерывно на безбородых, взгляд на них — взгляд на глазастых гурий». Преимущества мальчика перед девушкой очевидны и общеизвестны, и прекрасно высказался Абу-Новас:

О мальчике с его пушком пою:
Такой услады не найти в раю.

Не случайно же стремящийся сбыть невольницу сравнивает ее прекрасные черты с юношескими...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 421-я

Когда же четыреста двадцать первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, шейх молвил:

— Не случайно же стремящийся сбыть невольницу сравнивает ее прекрасные черты с юношескими, как говорится у поэта:

Их бедра, как у мужчин. Коль любят, они дрожат,
Как ветка от злых ветров, что с севера набежат.

И именно девушку уподобляют юноше, а не наоборот, потому что он прекраснее и достойнее ее. Он от противоречия к согласию склоняется, в особенности если у него пушок пробивается, и его усы зеленеют, и юностью щеки алеют; он прекрасный такой, как месяц молодой. Как прекрасно сказал Абу-Таммам:

Мне сплетники говорят, что вьется его пушок,
А я отвечаю им: «То разве его порок,

Коль бедра имеет он, что книзу его влекут,
Что вьется его пушок? Любимый он, мой дружок».

А вот слова другого поэта:

То не вина предивный аромат —
То локоны его людей пьянят.

Завидуют черты одна другой,
Но быть пушком так страстно все хотят.

Таковы юношеские неоспоримые достоинства и преимущества, которых лишены женщины.

Но и женщина сумела ответить:

— Да позаботится Аллах, великий, милосердный, о здравии твоего тела и ума! Ты сам себя обязал спорить и говорил, ничего не упуская, и привел доказательства, которым нет конца и края. Но теперь истина очевидна, не закрывай же свои глаза на нее, а если ты не удовлетворен доказательствами в общем, я тебе их по отдельности излагаю. Аллахом тебя заклинаю! Разве сравним ягненок с антилопой, а юноша с девушкой! Девушка в речах нежна и станом стройна; она подобна стеблю базилика, ее улыбка как ромашка, а волосы, как узда. Грудь ее, как гранаты, тверда, щеки, как анемон, и лицо, как яблоки, губы, как вино; ее члены, как ветки, гибки, нежное ее тело; нос ее — словно острие меча заблестело, ее чело светло, а брови сходятся, и глаза ее насурмлены. Слова ее нежны — когда она говорит, свежий жемчуг рассыпают ее уста; привлекает сердца каждая ее черта; а когда улыбнется она, думаешь, что меж губ заблестела луна; если она взглянет — меч в глазах сверкнет. У ней прелестей предел, к ней стремятся и кто кочует, и кто осел, и ее губы румяны, и нежнее сливочного масла, и слаще на вкус, чем мед...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 422-я

Когда же четыреста двадцать вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, женщина-увещевательница, говоря о девичьих прелестях, назвала ее уста медоточивыми. Затем женщина продолжала:

— Двумя горами над широким ущельем вздымаются ее груди с сосками, подобными звездам, спустившимся на заснеженные вершины; и живот ее словно расцветающий цветок; и бедра подобны жемчужным столбам; и ягодицы волнуются, словно горы света; и руки подобны золотым слиткам. О несчастный, далеко людям до джиннов! Разве ты позабыл, что цари и высокородные властелины усмиряются женщинами, ища в них услады, а женщины справедливо считают, что овладели их шеями, но похитили сердца. Скольких господ женщины сила в слуг превратила. Женщина богачей превращает в нищих, ниспровергает возвысившихся, порабощает благородных — и несть таким числа! Женщины торжествуют над образованными, прельщают богомольцев, разоряют богатых, обращают счастливцев в злосчастных неудачников, и, несмотря на это все, разумные ставят свою лишь возрастающую любовь к женщинам выше всех страданий и падений. Из-за них рабы отказываются подчиняться своему хозяину, из-за них не останавливаются перед гневом матери и отца, так как всюду страсти подчиняются сердца. Кто лишил тебя знания истины, о неудачник, что для женщин возносятся к небу дворцы и падают занавески; для них приобретают невольниц; из-за них проливают слезы; им предназначены благовонный мускус, драгоценности и амбра. Ради женщины людей в огромное войско сводят и изящную беседку возводят, приобретают богатство и лишают головы, и тот, кто сказал, что сущность земной жизни — женщина,— сказал истину. Благородные же предания там, где ты коснулся их, свидетельствуют не на твою пользу, ведь благословенный Аллахом пророк, сказав: «Не глядите беспрерывно на безбородых: взгляд на них — взгляд на глазастых гурий»,— сравнил безбородых с глазастыми гуриями, а не наоборот, и понятно, что то, с чем сравнивают,— образец, и он выше

копии, подражания ему — того, что сравнивают. Женщины выше и краше тех, кого с ними сравнивают. Что же касается твоего упоминания, что девушку сравнивают с юношей, то, напротив, естественно сравнение юноши с девушкой, когда говорят: «Этот юноша — словно девушка». Стихи же, приведенные тобой в доказательство,— следствие отклонения от этой естественности, пренебрежения природными качествами, их предназначением. Преступившие все это — отвратительные преступники из потомков Лота, упрямые развратники были осуждены всемогущим и всеславным Аллахом в Книге: «Познаете ли вы мужчин среди людей и оставите ли вы созданных для вас вашим Господом жен ваших? Нет, вы племя преступающее». Это касается тех, кто сравнивает девушку с юношей как образцом потому, что они отдали душу шайтану и разврату, дойдя даже до утверждения, что женщину можно использовать для двух дел одновременно; они бросаются с пути истины, освещенного светом, во мрак, подобный тому, которым утешается их предводитель Абу-Новас:

Она, подобно мальчику, стройна,
И сыну Лота, блуднику годна.

Касательно же зеленеющих усов да растущего пушка, то, клянусь Аллахом, дурное привиделось тебе как прелестное.

Произнеся стихи, женщина говорила тому человеку:

— Слава Аллаху великому...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 423-я

Когда же четыреста двадцать третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, женщина-вещевательница, произнеся стихи, говорила тому человеку:

— Слава Аллаху великому! Кто лишил тебя истины, что величайшее наслаждение и незыблемое счастье — только с женщинами? Ты от пути отклонился, к неправде приблизился. И ведь Аллах всеславный, всемогущий награждает праведников в раю глазастыми гуриями, а не другим услаждением. Сам пророк, благословенный Аллахом, изрек: «Из благ вашей жизни мне милы три: женщины,

благовония и прохлада очей моих — молитва». Не случайно, а по воле Аллаха, юноши — только слуги для праведников в раю, обители удовольствия. Использование же юношей не для услуг — это самоубийственное малоумие, и убедительны слова сказавшего:

Когда нуждается в мужчине муж,— беда.
Спишь с мальчиком — не ведаешь стыда.

Лишь ласка женщин радует мужчин,
Нормальна лишь в красавице нужда.

Затем она молвила:

— О люди, я вынуждена была выйти за вами за черту скромности благородных женщин и вступить в разговор, где недостаточно мудрости, но чрезмерна непристойность. Но свободные сердца немы, когда этого требует тайна, а деяния судятся только по намерениям. И я прошу всемогущего Аллаха даровать прощение мне, вам и всем мусульманам — прошу прощающего, всемилостивого!

Затем она замолчала и больше не разговаривала с нами, а мы ушли, просветленные новыми знаниями и с сожалениями о расставании.

АБУ-СУВЕЙД И СТАРУХА

Повествуют также, что Абу-Сувейд сказывал:

— Как-то мы с толпой моих приятелей вошли в сад, чтобы приобрести плодов, и увидели на удивление прекрасноликую старуху, расчесывающую свои седые волосы гребнем из слоновой кости и не обратившую на нас внимания и не прикрывшую голову даже после того, когда мы приблизились к ней. И я молвил ей:

— О старуха, если бы ты почернила свои волосы, то затмила бы своей красотой девушку: почему же ты не сделаешь этого?

И старуха обратила ко мне взор...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 424-я

Когда же четыреста двадцать четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, Абу-Сувейд молвил:

— Когда старуха услышала мои слова, она обратила ко мне взор и отвечала стихами:

Я не стремлюсь стать времени мудрей.
Мой цвет сошел, осталась краска дней.

Была и я желанной для мужчин
В весеннем платье юности моей.

И я сказал:

— О старуха, твой дар — от Аллаха! Воистину, правдивость твоя — в греховных твоих поступках; а в твоем словесном раскаянии — лживость!

ИБН ТАХИР И МУНИС

Повествуют также, что Али ибн Мухаммаду ибн Абдаллаху ибн Тахиру предоставили предназначенную на продажу искушенную в знаниях и стихосложении невольницу.

— Как твое имя, о девушка? — спросил Али.

И девушка сказала:

— Да возвеличит Аллах эмира, меня зовут Мунис.

Эмир, которому и так было известно ее имя, призадумался, а потом обратил свой взор к девушке.

— Да возвеличит Аллах эмира! — повторила она.

И сердце Али было тронуто невольницей, и он приобрел ее за семьдесят тысяч дирхемов, и она стала матерью Убайдаллаха ибн Мухаммада, имевшего множество достоинств.

АБУ ЛЬ-АЙНА И ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Рассказывал Абу ль-Айна:

— Среди женщин, проживавших на нашей улице, одна была влюблена в мужчину, а другая в безбородого юнца. Как-то вечером я услышал их разговор, доносившийся с крыши дома, находившегося поблизости моего жилища. И возлюбленная юнца говорила собеседнице:

— Как твои чувствительные губы и щечки и нежная грудь выдерживают его ласки, сопровождаемые уколами жесткой бороды и усов?

— О дурашка,— прозвучал ответ,— что украшает дерево, если оно лишено листьев, а огурец — если он без

пушка? Что может быть уродливее плешивого, общипанного? Как ты не можешь понять, что мужская борода так же прекрасна, как женские кудри, разве ты не видишь разницы между щекой и бородой? Сотворенный всеславным и всемогущим Аллахом небесный ангел говорил: «Слава Аллаху, украсившему мужчину бородой, а женщину кудрями!» Если бы кудри и борода не были равноценны по красоте, он бы не соединил их, о дурочка!

И, вся превратившись во внимание, возлюбленная юнца воскликнула:

— Я уже не помню моего бывшего друга, клянусь господином Каабы!

КУПЕЦ АЛИ-ЕГИПТЯНИН

Повествуют также, что жил-был в городе Каире купец по имени Хасан-ювелир, багдадец — владелец неисчислимого имущества, денег, драгоценных камней, металлов. И наградил его Аллах прекрасноликим стройным сыном — Али-египтянином, которого отец научил Корану, и красноречию, и учтивости, и стал он также помогать отцу в торговле.

И вот, когда отец заболел и понял, что умрет, призвал он к себе сына...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 425-я

Когда же четыреста двадцать пятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Хасан-ювелир из Багдада понял, что умрет, призвал он к себе сына — Али-египтянина — и молвил ему:

— Жизнь дальняя, дитя мое, поистине преходяща, а горняя — вечна, и я хочу перед уходом туда оставить тебе завещание, следуя которому, ты обретешь непрерывные безопасность и счастье до самой встречи со всемогущим Аллахом, в противном же случае обременят тебя тяжкие заботы и раскаяние.

— О батюшка родной,— отвечал юноша,— не могу я нарушить твой завет, ведь повиновение тебе — моя сыновняя обязанность.

А затем отец продолжал:

— Я оставляю тебе несметное имущество и состояние, и трать ты из него даже пятьсот динаров ежедневно, оно не уменьшится, но лишь долг твой — страшиться Аллаха — да благословит он тебя! — и поступать согласно закону. Будь добродетелен, милостив, дружен с благими праведниками и мудрецами. Не отказывай в заботе бедным и нищим, бойся скаредности, не вступай в дружбу со злыми и творящими сомнительные дела. Будь кроток со слугами своими, семьею своей и высокородной женой, которая носит от тебя и, возможно, по воле Аллаха даст тебе праведных потомков.

И он со слезами на глазах далее поучал его:

— О дитя мое, проси всемилостивейшего Аллаха, чтобы он оградил тебя от всякого стеснения и не оставил тебя без помощи.

И зарыдал юноша, и воскликнул:

— О батюшка, твои речи жгут меня! Твои слова как будто принадлежат тому, кто прощается.

— Да, о дитя мое,— отвечал отец,— моя участь ясна мне, помни же о том, что я завещаю.

И после этого Хасан-ювелир стал исповедоваться и читать Коран, а затем сказал сыну:

— О сын мой, подойди ближе.

И, поцеловав сына, вскрикнул, и душа его оставила тело и ушла в мир иной, по милости Аллаха всемогущего. Плачем великим наполнился дом его, и скорбящий сын обрядил отца и совершил достойный вынос его. И захоронили почившего, и утешали сына в великом горе, а затем все разошлись своими путями. И сын исполнял пятничные обряды и сорокадневные чтения и посещал только молельню и своего отца.

И вот пришел срок, когда его сверстники, дети купцов, сказали:

— Не достаточно ли печали, которая нарушает правильное течение дел в торговле и отношения с друзьями?

А научал их этому втершийся между ними Иблис-проклятый и подстрекал, пока Али не согласился отправиться с ними из дому...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 426-я

Когда же четыреста двадцать шестая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, дети купцов, по научению Иблиса-проклятого, выманили Али из дому и сказали ему:

— Садись на своего мула и езжай с нами в такой-то сад. Прогулка развеет твою тоску и тягостные раздумья.

И они устроили в саду веселье, а потом разошлись по домам, а проспавшись, снова пришли к Али, приглашая его в сад, который, по их словам, был приятнее предыдущего.

И Али опять поддался их просьбам. И, отведав в том саду опьяняющего вина, юноши сказали Али-египтянину:

— Вот это изгоняет тоску и дарует утешение.

И долгими уговорами они добились наконец того, что Али выпил вместе с ними, и вечером они разошлись по домам. А Али-египтянин, у которого от вина кружилась голова, вошел к своей жене, и она спросила:

— Почему ты так изменился?

И Али сказал:

— Это от воды, которую мы выпили сегодня, веселясь и развлекаясь.

— Но не запамятовал ли ты, господин мой, о завете отца твоего, который предостерегал тебя от дружбы с людьми сомнительными? — сказала жена.

— Но ведь это веселые купеческие дети, а не какие-то темные личности,— ответил Али.

Нескончаемое каждодневное веселье продолжалось некоторое время, пока Али не сказали, что теперь за ним очередь угощать друзей. И он устроил на острове ар-Рауд развлечения на целый месяц за свой счет, прибегнув к услугам своих людей, поваров и кофейщиков.

Значительность денежной суммы, истраченной Али, тем не менее не остановила его, так как Иблис-проклятый внушал ему, что ничего не убавится, даже если он будет тратить столько же ежедневно. И Али провел в этих пирушках три года, несмотря на увещевания жены, напоминавшей ему об отцовских заветах. Так он истратил все наличные деньги, а потом распродал и драгоценные камни. Затем ничего не осталось от домов и недвижимости, и настала очередь деревень и садов, и, наконец, у Али только и было, что дом, в котором он жил. Тогда в ход пошли мрамор и балки, а затем — и сам дом целиком.

И вот настал день, когда человек, купивший дом Али, сказал ему:

— Позаботься о жилище для себя, так как мой дом нужен мне.

И Али нанял себе комнату в каком-то дворе, где поселился со своей женой, и сыном, и дочерью, которых она ему родила, не имея пищи и на день.

И жена, напомнив ему о заветах отца и своих увещеваниях, взывая к Аллаху великому, отправила мужа на поиски пищи для детей к бывшим друзьям. Но они высокомерно отказывали ему в помощи, и он рассказал об этом своей жене, и она направилась с просьбой к соседям...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 427-я

Когда же четыреста двадцать седьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда Али-египтянину бывшие друзья отказали в помощи, его жена пошла с просьбами к соседям. И знакомая женщина, которой она рассказала обо всем, снабдила ее семью месячным пропитанием и благословила.

И, возблагодарив Аллаха, Али, попрощавшись с женою и детьми, ушел из дому и пешком достиг Булака. Увидев на корабле, отбывавшем в Дамиетту, друга своего отца, Али сказал, что именно туда и направляется, чтобы повидаться с друзьями.

И этот человек приветил Али в своем доме и, дав ему несколько динаров, отправил его на корабле в Дамиетту. Так, по счастливой случайности, Али некоторое время прожил у него, а потом с его помощью уплыл на корабле в Дамаск.

В Дамаске нашелся еще один добродетельный человек, у которого пожил Али. Затем, по воле Аллаха великого, над Али сжалился один из купцов, вместе с которым он отправился с караваном в Багдад, но, когда оставался один день хода к городу, на караван напали разбойники, и немногие из путешественников спаслись, в том числе и Али. Он приблизился к Багдаду с вечерней зарей, перед самим закрытием ворот. Али сказал привратникам, что он каирский купец, опередивший свой караван, чтобы присмотреть место для товаров, но ограблен по дороге шайкой

разбойников. Поверив ему, привратники приютили его у себя до утра, и Али разделил с ними скромный ужин, приобретенный на оставшийся у него динар. А назавтра привратник свел его с купцом, который, приняв Али за человека, имеющего товары, выделил для него роскошное платье.

— И я последовал с ним в баню,— рассказывал Али-египтянин, сын купца Хасана-ювелира,— а после бани — в его дом, и мы пообедали и повеселились, а затем купец сказал одному из своих рабов:

— Возьми, Масуд, твоего господина, и покажи ему два таких-то дома, и дай ему ключ к тому дому, который ему приглянется.

И когда я пожелал войти в один из домов, раб воспротивился этому, сказав, что здесь живут джинны и умертвляют попадающих сюда людей. Но я настаивал на своем, надеясь умереть и избавиться таким образом от тяготившего меня положения. И я вошел в дом, но раб сказал, что даст мне ключ только после того, как посоветуется со своим хозяином...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 428-я

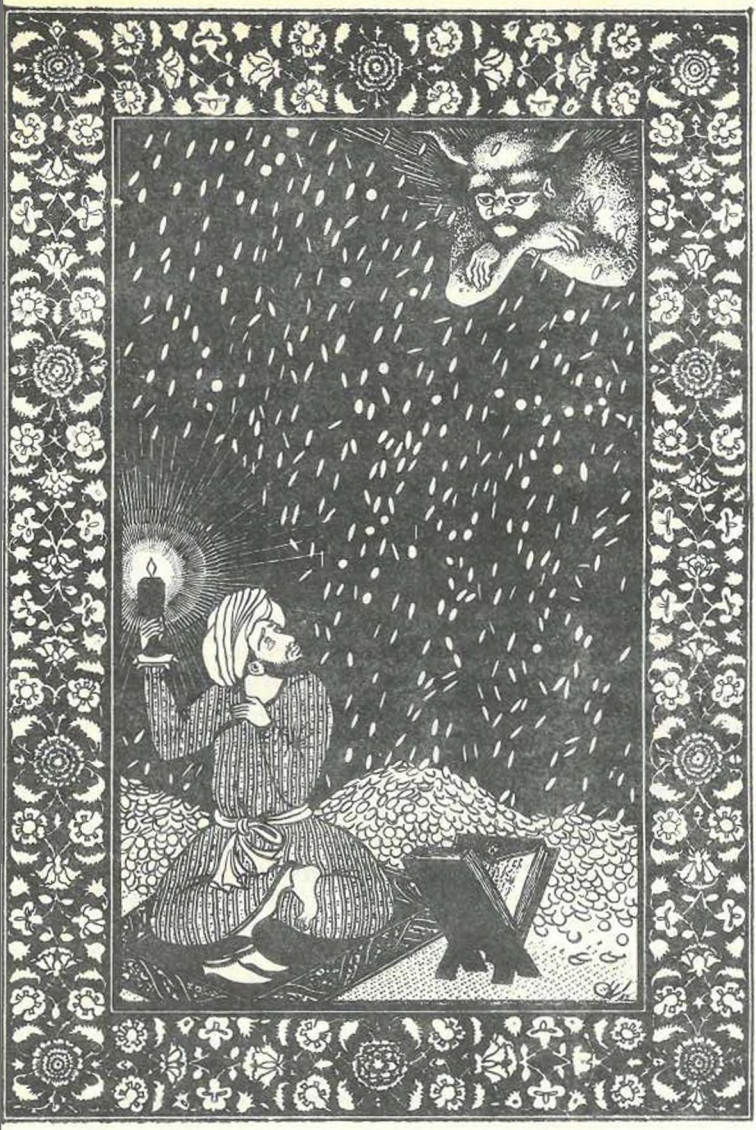
Когда же четыреста двадцать восьмая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, раб отказался дать ключ Али, пока не посоветуется с хозяином.

И купец пришел к Али-египтянину и начал его отговаривать от ночевки в этом доме, но его гость упорно настаивал на этом, и тогда купец взял с него письменное условие, что купец не отвечает за то, что случится с Али. И Али получил ключ, и раб постелил ему постель на каменной скамье и ушел.

Найдя во дворе колодец с ведром, Али-египтянин помылся, совершил молитвы и отдохнул. Затем раб принес ему ужин из дому хозяина, свечу с подсвечником, таз, кувшин, кружку и отправился домой. Поужинав и взбодрившись, Али сотворил вечернюю молитву и решил постелиться наверху.

Он поднялся в просторную комнату с позолоченным потолком и красивыми мраморными стенами. Постелив-



шись, Али едва начал читать Коран, как кто-то окликнул его и сказал:

— О Али, о ибн Хасан, могу ли я спустить к тебе золото?

— А где это золото? — спросил Али.

И не успел он еще произнести это, как сверху посыпалось золото, пока не наполнило комнату. А когда золотой поток исчерпался, неведомое произнесло:

— Освободи меня, чтобы я направился своим путем, ведь надлежащее тебе доставлено.

— Но — ради Аллаха всемогущего! — откуда это золото? — воскликнул Али.

И голос отвечал:

— Твоим именем заколдовано это золото с незапамятных времен. Любому входящему сюда мы говорили: «О Али, о ибн Хасан, спустить ли нам золото?» И, устрашась наших слов, человек вскрикивал, и мы, спустившись, ломали его шею. А когда мы назвали твое имя и имя твоего отца и спросили, спустить ли золото, а ты спросил, где оно,— мы удостоверились, что оно принадлежит тебе, и отдали золото тебе. Но тебе принадлежит еще и сокровище в земле аль-Йемен, так что можешь отправиться за ним туда. Освободи же меня, чтобы ушел я своим путем.

— Аллах свидетель,— ты не станешь свободным, пока не доставишь мне то, что в стране аль-Йемен,— ответил Али.

Тогда голос спросил:

— А если я сделаю это, получим ли свободу я и слуга этого золота?

— Да,— сказал Али.

— Поклянись мне,— потребовал голос.

И, когда Али поклялся, неведомый хотел уйти, но Али остановил его:

— У меня есть к тебе нужда.

— В чем она? — спросил джинн.

И Али молвил:

— Ты должен доставить сюда из Каира моих жену и детей, не причиняя им беспокойства.

И джинн обязался доставить к Али его семью со всеми почестями вместе с йеменскими сокровищами, взяв у него разрешение отлучиться для этого на три дня.

Утром Али занялся поисками тайника для сокровищ и заметил мраморную плиту с витком. Повернув его, он сдвинул плиту, открыл появившуюся за ней дверь, которая вела в кладовую, где оказались матерчатые мешки. Наполнив

их золотом, Али запер дверь в кладовую, вернул плиту на прежнее место и спустился на скамью у ворот, где его и нашел раб хозяина. Едва увидев Али, он возвратился к своему хозяину...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 429-я

Когда же четыреста двадцать девятая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда раб увидел Али живым и невредимым, он поспешил к своему хозяину, чтобы порадовать его этим известием. И, получив эту весть, хозяин воодушевился и понес Али завтрак. Обняв и поцеловав своего гостя между глаз, хозяин сказал:

— Что Аллах сделал с тобой?

И Али отвечал:

— Ничего, кроме добра, и почивал я в верхней мраморной комнате.

— А посещало ли тебя что-то необычное? — спросил хозяин.

— Нет,— отвечал Али,— прочитав из Великого Корана, я спал до рассвета, а проснувшись, совершил омовение и молитвы и спустился сюда к скамье.

Возблагодарив и восславив Аллаха, хозяин удалился и прислал гостю рабов, невольниц и ковры. И присланные тщательно убрали весь дом и оставили десятерых слуг для Али, а остальные ушли. Когда же о происшедшем дознались купцы, они уважили Али едой, напитками и одеяниями самого высокого качества, и пригласили его к себе на рынок, и поинтересовались, когда придут его товары, на что Али ответил, что это произойдет через три дня. И через три дня явился служитель первого сокровища, наполнивший им дом, и сообщил, что можно встречать йеменские сокровища и семью, и несказанно богатый караван, в котором и мулы, и лошади, и верблюды, и слуги, и рабы — все джинны.

И Али отправился вместе с купцами и их женами встречать караван. И неожиданно из пустыни поплыла огромная туча пыли, и наконец она рассеялась, и появились мулы, люди, погонщики, слуги, фонарщики. И шествие их было исполнено пения и танцев. И предводитель погонщиков при-

ложился губами к руке Али-египтянина, сына купца Хасана-ювелира, и сказал:

— О господин, наша задержка в дороге вызвана предостережениями против разбойников, которых отвратил от нас всемогущий Аллах, пока мы пережидали четыре дня.

Затем к каравану присоединились все встречавшие его, и великолепное шествие вступило в город, а жены купцов, изумленные убранством жены Али и ее детей, восхищались:

— Воистину, этим одеяниям нет равных не только у царя Багдада, но и у всех других властителей, знати и купечества.

И мужчины почтительно сопровождали Али-египтянина, а женщины — его жену, пока не прибыли в дом...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 430-я

Когда же четыреста тридцатая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, мужчины почтительно сопровождали Али-египтянина, а женщины — его жену, пока не прибыли в дом. И были размещены великолепные товары. Женщины же, с женой Али поднявшись в комнату, изумились ее роскошному убранству и веселились за яствами и сластями и напитками до полудня, и, надушившись розовой водой и куреньями, простились с Али и его женой и ушли к себе домой все — и женщины, и мужчины.

И, возвратившись домой, купцы стали присылать подарки Али, а их жены — его жене, и вскоре они уже имели много рабов, и слуг, и невольниц, и неисчислимые запасы продуктов.

Джиннам же Али разрешил выйти за город и с наступлением ночи уйти. Когда стемнело, все они понеслись по воздуху в свои жилища. Тем временем Али пробеседовал с хозяином дома треть ночи, а затем хозяин ушел.

Потом Али стал расспрашивать жену и своих детей, как они жили без него и что с ними произошло дальше, и они рассказали ему о своих бедах и страданиях, которые вчера ночью закончились тем, что неведомая сила повлекла их по воздуху, не причиняя им никакого зла, и доставила их к чему-то, подобному арабскому кочевому стану, где их встретили мальчики и мужчины, назвавшие себя слугами

Али-египтянина, приславшего их, чтобы они перевезли его семью в Багдад. И едва наступило утро, как семья на носилках уже была доставлена сюда с невидимой быстротой. Когда же Али спросил, откуда у его родных эти одежды, жена показала ему сундук и дала ключ к нему. И Али нашел в этом сундуке множество платьев и ключи от всех других сундуков, а открывая их, находил там несметные сокровища, подобными которым не обладал ни один властитель в мире, и Али возблагодарил всемилостивейшего Аллаха. Потом Али показал жене содержимое кладовой под мраморной плитой, и когда его жена спросила, откуда это, Али ответил:

— Это ко мне пришло по милости моего господина. Я ушел от тебя из Каира...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 431-я

Когда же четыреста тридцать первая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, когда жена спросила у Али, откуда у него золото в тайной кладовой, он сказал:

— Это ко мне пришло по милости моего господина. Я ушел от тебя из Каира куда глаза глядят, и они привели меня в Булак, а оттуда кораблем я добрался в Дамиетту, а потом меня приютил купец, друживший с моим отцом, и оказал мне почтение...

И Али поведал своей жене обо всех своих приключениях без утайки, и она сказала, что все завершилось так великолепно только благодаря молитвам отца Али и заступничеству Аллаха, всемогущего, всеславного, милосердного, а затем стала взывать к Али, чтобы он больше никогда не возвращался к дружбе с сомнительными людьми.

И Али принял наставления жены как должное и взмолился к Аллаху с просьбой отвратить от злых и оказать помощь в следовании обычаям Пророка. И началась у Али и его семьи достойная и приятная жизнь, и завел он лавку драгоценностей, где ему помогали его дети и слуги, и заслужил он почет и уважение во всем городе Багдаде и далеко за его пределами.

И, прослышав о знаменитом торговце, царь Багдада потребовал его к себе, и Али мудро повиновался, отправив-

шись к властителю с подарками, состоящими из золотой посуды, драгоценных камней и металлов. И царь был весьма благосклонен к великолепному пожеланию ему непреходящей славы и благополучия, льющемуся из красноречивых уст купца, поцеловавшего перед царем землю.

А потом царь созвал своих вельмож и, удостоверившись в беседе с ними, что никто из сватавшихся к его дочери не поднес ему таких великолепных подарков, как Али,— высказался о возможности отдать свою дочь замуж за Али. И царедворцы мудро и почтительно оставили это дело на усмотрение царя.

И тогда царь поделился своей царской мыслью относительно прекрасного юноши Али и своей дочери со своею женою и спросил ее, что она на это скажет...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 432-я

Когда же четыреста тридцать вторая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь Багдада поделился своей царской мыслью относительно прекрасного юноши Али и своей дочери со своею женою и спросил ее, что она на это скажет, и она сказала на это так:

— Власть у Аллаха и у тебя, о царь времени, что Аллах пожелает, то и свершится.

И царь поддержал свою жену в том, что если пожелает всемогущий Аллах, то они не выдадут свою дочь ни за кого, кроме прекрасного юноши Али.

Утром же царь велел привести в диван Али-египтянина и всех багдадских купцов, а затем судью, после чего приказал судье сделать запись его дочери с купцом Али-египтянином. Почтительно напомнив мудрейшему, что купец лишен талантов, позволяющих ему быть зятем царя, Али царской милостью тут же были дарованы эти таланты вместе с одеждой и званием вазира. И коль скоро долг столько же короткой, сколь и успешной царской службы не мог не побудить Али к дальнейшему ее исполнению, причем немедленному, он продолжил ее в виде беседы с царем, в которой проницательнейший получил исключительно своевременные сведения от своего нового толкового вазира о том, что у того есть сын, существующий не менее

реально и неотвратимо, чем благородный царский приказ о выдаче царской дочери замуж. Не слишком злоупотребляя своим удивлением на сей счет, хотя и не совсем отказывая себе в этом, царь соизволил удостовериться в правдивости слов вазира (конечно, относительно его сына, а не своего приказа) собственными глазами. И глаза его были столь утешены лицезрением юноши, превосходившего красотой царскую дочь, что, обращаясь к нему, царь тут же назвал его своим дитятей, а красота его имени — Хасан — окончательно убедила царя, а затем и судью сделать запись принцессы Хусн аль-Вуджуд и Хасана, но почему-то — сына купца Али-египтянина, а не сына Али-вазира, что тем не менее не умаляет ни мудрости дивана, ни таинственного стремления друг к другу юных сердец, принадлежащих молодым, никогда не видившим друг друга. Не удивительно, что после всего этого купцы сопровождали Али — как бывшего своего брата-купца,— но на почтительном расстоянии — как нынешнего вазира — до самого его жилища.

Совладать со своим испугом и узнать в неожиданно представшем перед нею вазире своего мужа Али его жене помог только исключительно богатый опыт супружеского общения с ним, а также содержательных перерывов в таком общении. И испуг исчез со скоростью передвижения джиннов в воздухе, а радость от царской милости осталась незыблемой, как доставленные джиннами сокровища. Утром царь сообщил своему новому вазиру о намерении устроить торжество и ввести его сына к своей дочери, а поскольку вазир убедительно объяснил, что хорошо все то, что считает хорошим его султан, то воодушевленный таким совпадением мнений царь и устроил тридцатидневное торжество, которое при всем тщании в наслаждениях всех его участников все-таки оставило этих наслаждений на их долю значительно меньше, чем на долю сына вазира и дочери царя. И не удивительно,— ведь они познавали друг друга как преприятнейшие незнакомцы, а все прочие знали и друг друга, и все, что будут друг другу говорить, и что будут есть и пить, получше, чем первоклассные актеры — свои роли на сцене, тем более за ее пределами.

Но не таковы были султанская семья и семья вазира, чтобы уступить в разнообразии наслаждений каким-то актерам, как уступали им все прочие. Поэтому рядом с дворцом султана сначала появился дворец Хасана, а потом и дворец вазира, и все три дворца сообщались между собой, чтобы, наслаждаясь общением друг с другом, высокородные родственники, особенно мать принцессы, очень

благосклонная к Хасану, и мать Хасана, души не чаявшая в своем сыне, всегда — при любой погоде и в любое время года — могли наслаждаться в гостях, как у себя дома, а у себя дома — не хуже, чем в гостях...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 433-я

Когда же четыреста тридцать третья ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, царь, вазир и его сын определенное время жили вместе, а затем царь заболел, и созвал вельмож, и сказал им, что болезнь, которая, возможно, смертельна, побуждает его выбрать того, кому бы он присягнул на царство при жизни, чтобы все были спокойны и удовлетворены. И все именем Аллаха великого поклялись, что не видят более достойного преемника султана, чем муж его дочери Хасан, сын вазира Али, совершенный разумом, знающий место великому и малому. Такого же мнения были и созванные царем эмиры. И царь призвал к себе Хасана и сообщил ему обо всем этом. Но Хасан отказывался стать царем, сославшись на то, что не годится ставить его выше отца. Но отец настоял на том, что не следует прекословить царю, и Хасан устыдился. И кади написал свидетельство, что эмиры согласились объявить султаном Хасана, и царь присягнул ему и велел сесть на престол. И все воздали царю Хасану царские почести, и выразили повиновение, и Хасан творил в этот день великий суд, награждая вельмож роскошными одеяниями. А когда диван разошелся, Хасан поцеловал руку отцу своей жены и получил от него наставление управлять подданными, страшась Аллаха...

Тут забрезжили лучи дневного светила, и Шахразада речь дозволенную прекратила.

Ночь 434-я

Когда же четыреста тридцать четвертая ночь настала, Шахразада сказала:

— Как молвится в предании, о счастливый наш царь, милостивый государь, отец жены Хасана наставлял зятя управлять подданными, страшась Аллаха. И Хасан отвечал:

— Твои молитвы обо мне, о батюшка, дадут мне помощь свыше.

Затем он направился в свой дворец, где получил поздравления и благословения от своей жены и матери. После этого Хасан пошел во дворец своего отца, где они возрадовались вместе, и Хасан получил отцовское наставление бояться Аллаха и быть милосердным к подданным. И Хасан провел ночь в воодушевлении, затем должным образом помолился, прочитал необходимое из Корана и вошел в диван, и вошли туда все воинские и должностные лица. И Хасан творил праведный суд, и воспитывал согласно закону, и давал назначения и отставки. А когда диван успешно закончился, Хасан, придя во дворец, нашел отца своей жены очень болезненным. Утешив его, Хасан услышал в ответ, что старец чувствует приближение своего срока и призывает зятя быть любящим мужем, почтительным сыном, справедливым царем и богобоязненным мусульманином. И царь Хасан сказал на это:

— Слушаю и повинуюсь!

И бывший царь прожил еще три дня и отправился в мир иной по милости Аллаха всемогущего, и был обряжен и удостоен сорокадневного чтения и произнесения Корана. И царь Хасан стал править один, радуя себя и подданных, а его отец был великим вазиром правой стороны, и Хасан взял себе другого вазира, и дела наладились. И царствовал Хасан в Багдаде продолжительное время, и дочь царя подарила ему троих мальчиков, которые, возмужав, унаследовали власть его. И жили они как нельзя лучше, пока не посетила их Разрушительница наслаждений и Разлучница собраний. Вся же слава — Тому, у Кого вечность и Кто своей рукой и отрицает, и утверждает.

ДОПОЛНЕНИЕ НОЧИ ЧЕТЫРЕСТА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ

ЛЕВ И ХИТРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Как-то на досуге Лев подумал, что неплохо бы уничтожить человечество, поскольку ему стало известно, будто высшими силами ему дано исключительное право над зверями и животными. Но этого казалось Льву мало. Захотелось, как говорится, жареного льда: иметь власть над людьми, вернее — истребить всех детей Адама. Однажды, увидев Осла, он спросил его:

— Скажи на милость, ты сын Адама?

Удивленный таким вопросом, Осел в свою очередь спросил:

— Что тебе нужно от детей Адама?

Лев ответил самоуверенно:

— Я намерен уничтожить их!

Но Осел, зная силу и возможность людей, сказал самоуверенному зверю:

— Вот тебе мой совет: не теряй напрасно времени, возвращайся туда, откуда пришел. Соревноваться с человеком — не твоего ума дело. На этих орешках зубы поламаешь!

— Не понимаю тебя,— удивился Лев.— Посмотри на мой громадный рост, на мою необыкновенную силу, на мою молниеносную реакцию. Неужели маленький человек способен что-либо противопоставить моей силе?

— Сила человека, дорогой Лев, совсем в другом. Этого тебе не понять. Посмотри на меня! Казалось бы, Творец не обидел меня ни ростом, ни силой, ни ловкостью. Однако это нисколько не мешает человеку связать меня веревкой и вести, куда ему нужно.

— Да неужели это правда? — сомневался Лев, не теряя надежды все же уничтожить род человеческий.

Прошел он немного и увидел Лошадь. Подойдя поближе, спросил:

— Ты случайно не сын Адама?

— Разве не видишь? Я Лошадь. А сын Адама — человек. Неужели у тебя к нему дело? — удивилась Лошадь.

— Да, я намерен уничтожить все его племя, чтобы и следа не осталось.

— Ты, дружище, по-видимому, переоценил свои возможности! — ответила Лошадь и посоветовала самоуверенному зверю заняться более полезным делом.— Посмотри на меня. Хоть и велика я, и бегаю быстро, но стоит человеку подойти ко мне, надеть узду, взобраться мне на спину и ударить меня стремям, приказывая мчать, куда ему захочется, и я даже не осмелюсь возразить.

Лошадь пошла своей дорогой, а Лев — своей. Обдумывая услышанное, Лев немного поостыл, но все же не отказался от задуманного и продолжил путь.

Пройдя немного, встретил Верблюда.

— Не ты ли случайно сын Адама? — спросил Лев.

— Аллах да простит тебя, о чем это ты? И зачем тебе понадобился человек? — удивился Верблюд.

— Да так, ничего особенного я не хочу от него. Просто захотелось немного порезвиться: хочу испробовать свою силу в соревновании с ним, поскольку не верится слухам о его сверхъестественности,— признался с улыбкой Лев, в то время как зубы его клацали от ярости.

Верблюд понял, что здесь что-то кроется, и ответил Льву:

— Это тебе не по зубам! Посмотри-ка на меня. Как ни велик я, как ни ловок, но человек преспокойно ставит меня на колени, укладывает мне на спину тяжелейший груз и угощает палкой, чтобы спешил туда, куда ему заблагорассудится. И при этом я не смею не то что ослушаться, но даже показать недовольство.

И все же Лев сомневался в правдивости сказанного: ведь каких только небылиц не насочиняет род людской. Это все для того, чтобы запугать и ввести в заблуждение самое сильное создание на земле, каким является Лев. Эти мысли придали ему силу и уверенность, и желание померяться ловкостью и силой с человеком победило. На ловца, как говорят, и зверь бежит. Увидев живое существо на двух ногах, довольно веселое и уверенное в себе, Лев спросил его:

— Наверно, ты и есть сын Адама, о котором столько всяческих слухов идет по всему свету?

— Да, ты верно подметил! Имеешь ко мне дело? — поинтересовался человек.

— Я решил померяться с тобою силой,— не лукавил Лев,— но вижу, что не по тебе моя рубаха. Тебя я одним мигом, как муху, задавлю! Ха-ха-ха!

— Выводы твои преждевременны, дружище! Но соревноваться с тобой я готов в любую минуту. Только

подожди, пока я соберусь малость! — схитрил сын Адама и прихватил винтовку.— Только не удирай! Это будет не по-джентльменски. А чтобы ты не обманул меня, дай-ка я привяжу тебя к дереву. Так будет беспечнее.

— Делай, как считаешь нужным! — не возражал Лев.

Человек достал веревку, обмотал ею гонористого зверя с ног до головы, а сам не спеша принес тазик с кипящей смолой. Подойдя ко Льву, вылил горячую смолу ему на голову. Ужасная боль утроила силы Льва, и он что есть мочи рванул веревку, спасая полуоблезлую тушу молниеносным бегом. Душераздирающим криком Лев сзывал на помощь своих собратьев, дабы немедленно отомстить за подобные проказы. Ошпаренный Лев орал во всю глотку не столько от боли, сколько от позора, постигшего его. Месть нельзя было откладывать: весть разнесется по всему царству и обесславит львиное племя. В ярости Лев наставлял:

— Нужно немедленно проучить этого наглеца, иначе срам пристанет к нам на всю жизнь, а при встрече с остальными зверями будем чувствовать себя неловко.

Выслушав внимательно Льва, побратимы дружно направились на поиски хитрого человека, чтобы покончить с ним раз и навсегда. Увидев издалека такую угрозу, человек, не теряя ни минуты, залез на самое высокое дерево и преспокойно кушал орехи, раздражая разъяренных зверей скорлупой, засорявшей им глаза. Лев зверь не глупый. Посоветовавшись, львы решили залезть друг дружке на спину, чтобы таким образом достать до неприятеля. Ошпаренный Лев, опасаясь подвоха, схитрил: пристроился в самом низу якобы для страховки. Как бы там ни было, а вторично испытать на себе находчивость человека ему не хотелось. Береженого Бог бережет. Увидав изворотливость ошпаренного Льва, человек молвил:

— Кипящая смола для того, что примостился внизу.

Лев от страха заерзал. При этом все, кто был над ним, попадали, как бревна, на землю, понабивав себе огромные шишки. Те же, что уцелели, дали чесу и попрятались в непроходимых дебрях.

Тогда ловкач слез с дерева, оглянулся и давай хохотать на весь лес, чтобы всякий зверь узнал о случившемся и поддразнивал чванливый львиный род.

— Умоляем тебя, человек,— упрашивали раненые,— не позорь нас. Мы убедились, что сильнее тебя нет никого на всем белом свете. Обещаем тебе никогда больше не

задираться с тобой и признаем тебя победителем на все времена. Твоя сила, оказывается, не в когтях и не в зубах, а в голове!

ТЕРПЕНИЕ — КЛЮЧ К СПАСЕНИЮ

Жил себе, поживал человек, и была у него дочь. Был он трудолюбив и порядочен, но из всего любил извлекать пользу, правда, не за счет других людей, а за счет услужливости и повиновения.

В доме этого человека царили мир и спокойствие, во всем чувствовался порядок и согласие. В такой обстановке воспитывалась и дочь-красавица. Достигнув полнолетия, девушка привлекала своей красотой и рукоделием знатных и красивых женихов. Отец же соглашался выдать дочь только за того, кто заплатит своеобразный выкуп: за ее красоту — тысячу лир, за необычайный ум — тысячу и за терпение — тысячу.

В скором времени начали наведываться сватья, и все приходили к выводу, что по красоте ей нет равных.

— Это действительно редкий по своей красоте цветок. Ну, а что касается ума и терпения, то, чтобы узнать их, нужно съесть вместе пуд соли.

Все охотники посватать красавицу соглашались заплатить за ее очаровательную внешность, а за ум и терпение категорически отказывались давать деньги.

Тем временем узнал об этом хитрый, ловкий и красивый царевич, живший в соседнем царстве. Удивился он, что отец девушки выставляет необычные условия: платить тысячу лир за ее красоту, тысячу за ум и тысячу — за терпение.

«Пойду,— решил царевич,— посватаюсь к ней. Риск — благородное дело. Может быть, увижу то, что не способны увидеть другие. Чему быть, того не миновать. Увидим, кто из нас хитрее. Если она станет моей женой, я непременно ухитрюсь выйти победителем. Неужели хватит у нее терпения и ума, чтобы превзойти своей хитростью меня?»

Увидев красавицу, царевич страстно влюбился в нее. Он согласился на все условия: заплатил тысячу лир за ее красоту, тысячу — за ум и тысячу — за терпение. В то время это были большие деньги. Поэтому царевич раздумывал про себя: «Если она окажется не такой умной и терпеливой, как ее описывают, я уничтожу не только ее, но и ее отца».

Приведя домой молодую жену, царевич запретил ей посещать отца, а отцу — наведываться к своей дочери. Запрет

оказался тяжелым ударом для девушки, очень любившей отца и родной дом. Но условие — для того, чтобы его исполнять.

Томительно тянулись в полном уединении дни и ночи. Плакала молодая жена, пряча слезы от мужа, тосковала по родным и дому, но терпела. Прошло немало времени. И чего только не натерпелась она, прислуживая мужу и исполняя все его прихоти. И каждый раз, когда она просила его купить для нее что-нибудь, он наотрез отказывал ей. Но она покорно все терпела. Казалось бы, этого он и хотел. Но на самом деле злился, как разъяренный тигр: не может быть, чтобы он не сломал ее. И придумал царевич, что нужно перейти от физических издевательств к сердечным и душевным: «Это ведь самое больное место у каждой женщины».

Через некоторое время молодая жена забеременела и в скором времени родила девочку. Царевич обрадовался, но, исполняя задуманное, сказал супруге:

— Солнышко мое, отдай мне малышку! Я пойду в пекарню и зажарю ее, а кушать будем вместе.

Что же делать несчастной матери? Деваться-то некуда. Обещала ведь покорно терпеть. За это деньги уплачены.

Пошел царевич, отдал ребенка кормилице, приказав строго:

— Воспитывай, чтобы волосок не упал с ее головы!

А сам тем временем отправился на рынок, купил барана, зарезал его и зажарил в пекарне. Принеся все это домой, он приказал жене:

— Это самое изощренное кушанье. Подходи и кушай, только без малейшего недовольства. Иначе будет худо!

Она, думая, что это ее дочь, ужаснулась, но не показала вида. Села, как ни в чем не бывало, и стала кушать через силу, сохраняя терпение, хотя это стоило ей нечеловеческих усилий.

Прошло еще некоторое время, и жена царевича родила ему сына — одно заглядение. Но, испытывая терпение жены, царевич и на этот раз проделал злую шутку.

— Отдай мне мальчика,— молвил он,— я зажарю его, а кушать будем вместе.

Взял царевич ребенка и сделал, как и прежде,— отнес его кормящей матери, строго приказывая ей сохранять тайну и ухаживать лучше, чем за своими.

Жена царевича не находила себе места от горя. Хотелось пойти к матери, но стража стояла на каждом шагу, хотелось с кем-то посоветоваться, чтобы отвести душу, но таких здесь не было. Горюя, как ласточка в опустошенном гнезде,

она вспомнила, что недалеко живет мастер, который отливает из халвы разные статуэтки. Придя к нему, она попросила:

— Сделай мне из халвы женщину, похожую на мою мать!

Послушался мастер, удовлетворил ее просьбу.

Придя домой, она положила ее на подоконник и, представляя, что перед ней ее родная мать, начала жаловаться на свою горькую жизнь:

— Родная моя, пожалуйста, помоги мне! Я больше не выдержу! Всякое терпение кончилось! Муж взял первого ребенка, зажарил в пекарне и принудил меня кушать. А сегодня забрал и мальчика, чтобы сделать то же самое. Вскоре придет и начнет приглашать кушать собственного ребенка. Как мне быть, милая мама?

И сама себе отвечает, якобы мать советует:

— Ничего, доченька, ничего! Терпение — путь к спасению. Ведь отдал же он тысячу лир за твою красоту, тысячу — за ум и тысячу — за терпение.

— Мамочка, милая, разве предвидел мой отец подобные мучения? — спрашивает дочь.

И, вместо матери, отвечает:

— Ничего, доченька, ничего! Ты проделываешь путь к радостному освобождению.

А муж тем временем, отдав ребенка кормилице, купил на базаре барана, зарезал, поджарил, принес домой и обратился к жене:

— Идем-ка кушать! Не мясо, а объедение!

Но прежде, чем исполнить волю мужа, она пошла в спальню и обратилась к статуэтке с такими словами:

— Мамочка, помоги мне и на этот раз! Не осталось больше у меня терпения! Зажарил он мальчика, чтобы накормить меня.

И тут же отвечает вместо матери:

— Ничего, доченька, ничего, потерпи еще немного! Ведь отдал же он за красоту твою тысячу лир, за ум — тысячу и за терпение — тысячу. Блажен, кто терпит!

Пришла она к мужу, села возле него и начала кушать против собственной воли. Жизнь казалась ей невыносимым адом.

Подобную шутку проделал царевич и в третий раз, когда родился второй сын.

Шел год за годом, а царевич — что ни день, то новые испытания для жены. Так издевался он на протяжении три-

надцати лет. А по истечении испытательного срока обратился к ней с такими словами:

— Дорогая моя, сегодня у меня свадьба. Хочу обзавестись еще одной женой, более молодой.

И на этот раз измученная женщина заставила себя вытерпеть. Подойдя к статуэтке, она, рыдая, попросила:

— Мамочка, миленькая, помоги мне! На этот раз терпение мое кончилось! Убил он детей моих, а сейчас намерен привести в дом молодую жену. Что мне делать?

И начала советовать сама себе, вместо матери:

— Все это, доченька, пустяки. Ведь дал же он за красоту твою тысячу лир, за ум — тысячу и за терпение — тысячу. Терпение — ключ к спасению.

Когда собрались гости и пришли музыканты, царевич обратился к жене:

— Ступай-ка и надень самое нарядное платье. Как только заиграет музыка, ты должна выйти навстречу невесте!

Сил более не оставалось. Но нужно было держаться. Единственным утешением была статуэтка. И на этот раз убитая горем женщина зашла в спальню и начала делиться горем с матерью-статуэткой:

— Сегодня, милая мамочка, я наверняка не выдержу испытаний. Велел мой муж встречать невесту в самом роскошном платье. Что же мне делать, посоветуй?

— Желание мужа — для тебя закон! Делай, как он велел! Терпение — ключ к спасению,— отвечает она вместо матери.

Наступил вечер. Как только заиграла музыка, во дворец зашла невеста в сопровождении двух мальчиков. Один держал ее за правую руку, другой — за левую. На вид ей было не более тринадцати лет. Жена покорно встретила почтенных гостей, отвела в отдельную комнату, а сама пришла к статуэтке:

— Мамочка, скажи, пожалуйста, что мне делать? Невеста уже в доме. Завтра он прогонит меня!

— Успокойся, доченька! Утро вечера мудренее! Все еще, быть может, переменится! — отвечала она себе вместо матери.— Ведь за красоту твою уплачено тысячу лир, за ум — тысячу и за терпение — тысячу. Терпение — ключ к спасению.

После этого несчастная женщина вошла в свадебный зал. Увидел ее муж и приказал:

— Надень паранджу, и будем танцевать!

Зашла она в спальню, переоделась и, заливаясь слезами, обратилась к статуэтке:

— А теперь, мамочка, прощай навсегда! Чувствует мое сердце конец!

Не успела она войти в зал, как увидела на себе пламя, охватившее паранджу.

— Сегодня ты сожгла свою паранджу! — радостно воскликнул муж.

— Не паранджа, а сердце мое сгорело! — ответила жена.

Ответ этот понравился мужу, и он захлопал в ладоши, указывая на девочку и двух мальчиков:

— Вот твои дети, которых ты родила!

Обрадовалась жена, начала обнимать и целовать их. И радости ее не было предела.

— Теперь я окончательно убедился,— молвил царевич,— что ты заслужила тысячу не только за красоту, тысячу за ум, но и сто тысяч за терпение.

В это радостное мгновение царевич послал за родителями своей жены. Встречая их, он сказал:

— Ваша дочь дороже любых денег. Она не только прекрасная жена, но и опора в любых испытаниях. Это ваша заслуга.

И оставил царевич родителей жены при дворе. И жили они в счастье, пока не пришла к ним наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница.

ИЗМЕНЧИВАЯ ЖЕНА

Жили себе муж и жена. Муж был очень ревнив и, выходя из дому, закрывал двери на несколько замков. Чтобы жена не умерла от голода, он постоянно присылал ей к обеду жареную рыбу и пару кусков хлеба.

А в соседнем саду работал садовник, отличавшийся мужской силой и необычайной наблюдательностью. Не ускользнул от его меткого глаза и дом ревнивого человека. Он всегда наблюдал, как тот выходил из дому и возвращался с работы.

Однажды, как только муж запер на замки все двери дома, за которыми оставалась в одиночестве красивая жена, садовник приставил к стене лестницу и забрался по ней в комнату, где отдыхала красавица-жена.

Увидев ее, он не придумал ничего иного, как спросить:

— Не найдется ли у тебя чего-нибудь поесть?

— Разве что рыба,— ответила женщина.

— А я принес огурцов,— сказал садовник.

Собрав съестные припасы, они хорошо пообедали с крепкой настойкой и развлеклись. Затем садовник отправился обратно в сад, а жена притворилась больной. Вечером, придя с работы, муж говорит жене:

— Давай-ка, милая, неси рыбу, и будем ужинать!

— О какой рыбе ты говоришь? — схитрила она.— Где я ее возьму?

— Как о какой? — удивился муж.— О той, что я передал тебе днем.

— Аллах с тобой! Тебе, наверное, приснилось. Никакой рыбы ты не присылал.

— А что же я буду есть? — спросил муж.

— Вот тебе огурцы, которые ты передал, их и кушай! — развела невинно жена руками.

Что оставалось делать несчастному? Взял он и поужинал огурцами.

На следующий день муж опять закрыл жену в комнате и пошел на работу. А в полдень послал жене пару живых гусей. Садовник, который наблюдал за этим, бросил работу, приставил к стенке лестницу и в один миг очутился в комнате. А женщина поджарила гусей, залила ароматным соусом и подала на стол. Как и в первый день, влюбленные хорошенько покушали, порезвились и разошлись как ни в чем не бывало.

А на закате муж, в надежде хорошо поужинать, вернулся домой в хорошем настроении. Застав жену в кровати, он поцеловал ее и сказал:

— Подавай-ка жареную птицу, покушаем вкусно!

— О чем это ты? Я ничего не понимаю! Где я возьму тебе птицу? — сделала удивленное лицо жена.

— Как же так? — спросил муж.— Ведь я послал тебе в обед два гуся.

— Ты, наверное, заболел,— сказала жена,— никаких гусей ты мне не посылал. Это плод твоей фантазии.

— Пусть будет по-твоему! — согласился муж, скрывая свои подозрения.

На третий день, когда муж пошел на работу, все произошло, как и накануне. Но на этот раз муж вернулся домой значительно раньше. Лишь отпер дверь, видит — жена сидит в объятиях садовника, а на столе полным-полно разных яств и питья. Опрометью набросился он на соблазнителя жены, хорошенько поколотил его и закрыл в комод на замок. Для уверенности он забрал с собой ключ, чтобы

изворотливая жена каким-нибудь образом не выпустила его. А сам отправился на окраину города к родителям жены, чтобы обвинить ее в измене.

Как только муж вышел на улицу, из комода раздался голос садовника:

— Что же нам теперь делать? Как мне выбраться отсюда?

— Потерпи, пожалуйста! Я обязательно найду выход.

Она приподняла комод, отогнула дно комода и выпустила садовника на свободу; тот опрометью бросился в сад и там спрятался. А жена тем временем привела в комнату осленка и поместила в комод, крепко забив дно гвоздями.

В скором времени муж с родителями жены пришел домой, дабы те собственными глазами увидели, на что способна их дочь. Вынул из кармана ключ и отпер комод, радостно потирая руки. Посмотрел туда, а там, вместо садовника, еле живой осленок, чуть не задохнувшийся без воздуха.

— О люди,— кричал не своим голосом муж,— что за оказия?! Рыба превратилась в огурцы, гуси взлетели и полетели неведомо куда, а проказник садовник превратился в осла!

Родители жены, намерявшиеся хорошенько проучить дочь, подняли хохот, укоряя зятя в подозрении:

— Ох, и осел же ты, а не мужчина! Она ведь нарочно привела осла, чтобы проучить тебя за твою ревность!

Надрываясь от смеха, родители ушли домой, а любящая жена взяла за руку ревнивого мужа и отвела в спальню.

— И как тебе не стыдно,— укоряла она супруга,— думать обо мне так плохо?! Такой честной жены, как я, тебе не сыскать во всем мире!

Поверил муж в искренность жены и с тех пор никогда больше не подозревал ее в измене и ни о чем не расспрашивал. А она, получив такой хороший урок, в дальнейшем стала хитрее: не съедала с садовником все до крошки, а оставляла кое-что и для мужа.

КОТ ВЕРНЕЕ ЖЕНЫ

Жил себе мужчина, и была у него жена по имени Бадра. Однажды, собираясь в дорогу, он говорит жене:

— Милая моя, я на некоторое время отлучусь из дома. Тебе будет скучно без меня. Чем бы ты хотела по-

развлекаться в мое отсутствие? Может, принести тебе котенка?

— Это неплохо было бы,— сказала жена, думая о чем-то своем.

Как пообещал муж, так и сделал. Принес ей маленького котенка и велит:

— Корми его дважды в день хлебом и супом, чтобы хорошо подрос и окреп, пока я вернусь.

Затем снарядился и отправился в дорогу.

Недалеко от дома стоял дворец султана, у которого был молодой красивый сын. Увидев как-то в окне одинокую Бадру, сын султана обратился к ней:

— Я хочу зайти к тебе в гости и познакомиться поближе! Как ты на это смотришь?

— Хорошо,— ответила Бадра,— только остерегайся кота, который может наброситься на тебя и изрядно поцарапать. Не забудь захватить с собой какой-нибудь предмет, чтобы отвлечь его. Иначе он не пропустит ко мне.

Услышав это, сын султана начал раздумывать, что бы такое прихватить с собой: «Возьму, пожалуй, барана и зажарю. Это будет неплохая приманка».

Зажарив барана, сын султана дал нести его слуге. Когда тот принес еду в дом одинокой жены, сын султана молвил:

— Котик, котик, я принес тебе жареного барана, жирного, дорогого, вкусного. Ты ешь его, а мне сделай маленькую услугу: притворись, что спишь.

Услышав такую просьбу, кот отвечает:

— Не голоден я, милостивый государь. Еды у меня хоть отбавляй! А разве тебе, сыну султана, неизвестно, что мой хозяин, уходя из дому, оставил мне вдоволь хлеба и вкусного супа?

Так ответив, кот набросился на молодого султана, чтобы покусать его за злое намерение. Кот ведь понимал, куда тот клонит.

На следующий день сын султана подошел под окно Бадры и говорит:

— Сварил я и зажарил для твоего кота вкусного и жирного барана, но он не пожелал кушать, а меня чуть не исцарапал. Может быть, зажарить ему курицу или другую птицу?

— Наверно, он не любит баранину,— сказала Бадра,— лучше зажарь ему гуся.

Отправился сын султана домой, сварил гуся, нафаршировал его фисташками и миндалем и принес коту.

— Котик, котик,— обратился он к верному стражу,— я принес тебе жирного, дорогого гуся, сваренного и нафаршированного всякой вкуснятиной. Ты будешь кушать и пальчики облизывать, а мне сделай, пожалуйста, услугу: притворись, что спишь!

— Я не голоден,— отвечает кот,— разве сын султана не знает, что мой хозяин оставил для меня вкусное кушанье: хлеб и тарелку супа на каждый день?

Ведя такую речь, кот набросился на непрошеного гостя с намерением проучить его.

На следующий день сын султана опять пришел под окно Бадры и говорит:

— Я приготовил для кота вкусного гуся, но он отказался наотрез, и я еле убежал от него. Хотел искалечить меня.

Выслушав, Бадра посоветовала сыну султана:

— Если он не любит жареных гусей, свари ему курицу!

Получив дельный совет, сын султана отправился домой. Зарезал жирную курицу, зажарил и нафаршировал разным зельем. И снова пришел к коту:

— Котик мой, котик, я принес тебе вкусно приготовленную курицу, нафаршированную всяким съедобным зельем. Ты ешь ее на здоровье, а мне сделай маленькую услугу: притворись, что спишь.

Но и на сей раз кот оставался верным своему хозяину, а сыну султана ответил:

— Разве сын султана не знает, что мой хозяин оставил мне вдоволь еды и питья?

И, как и прежде, набросился на незваного гостя, чтобы проучить его. Еле унес ноги сын султана и подошел под окно Бадры:

— Я приготовил для него вкусную курицу, нафаршированную съедобным зельем, а он наотрез отказался даже попробовать ее.

— Возможно, курятина не по вкусу ему. Ведь кушает он преимущественно жареное мясо из пекарни,— решала загадку одинокая женщина, не зная, что еще посоветовать милому ей гостю.

Услышав это, сын султана отправился в пекарню, нажарил много вкусного мяса и опять принес коту:

— Котик мой, котик, я принес тебе хорошее жареное мясо из пекарни. Съешь его, а мне сделай маленькую услугу: притворись, что спишь.

И снова отвечает кот:

— Да разве сыну султана неизвестно, что мой хозяин оставил мне на каждый день вдоволь хлеба и две тарелки вкусного супа. Мне этого хватает. И более вкусной еды я не желаю.

Сказав это, кот, как и прежде, набросился на назойливого гостя, чтобы исцарапать его.

Еле унося ноги, сын султана очутился под окном Бадры и говорит:

— Я принес ему жареного мяса из пекарни, но он наотрез отказался кушать его, хвастаясь хлебом и супом. Кажется мне, самым лучшим угощением для него будет дубовая палка.

Бадра обрадовалась находчивости султанового сына и согласилась:

— Наверняка, это самый лучший способ усмирить его!

Сын султана подыскал крепкую дубовую палку и, полон злости, отправился проучить непокорного кота. Придя к нему, ехидно молвил:

— Котик мой, котик, я угощу тебя этой красивой палкой. Смотри, какая она крепкая, толстая, она разделит твое крохотное тело на три части.

Услышав такую речь, Бадра отозвалась из своей комнаты:

— Бей его, бей покрепче и приказывай: «Я проучу тебя, проклятущий кот!»

На это кот отвечал ей:

— Зачем тогда притворялась ты и так долго хитрила? Я мог не охранять тебя. В таком случае я пойду следом за своим хозяином и расскажу ему обо всем, что здесь происходит!

Вмиг земля под котом расступилась и проглотила его. Потайным ходом вылез кот затем на поверхность и отправился на поиски своего хозяина. А сын султана, обрадовавшись, беспрепятственно вошел в комнату Бадры.

Вскоре кот отыскал хозяина и рассказал ему обо всем, что происходит дома.

Не теряя времени, муж вместе с котом отправился домой.

Стучится он в дверь, а Бадра в это время выпускает через окно султанового сына, приговаривая:

— Ступай скорее, да хранит тебя Аллах! Наведывайся, не забывай меня!

Закрыв окно, она открыла дверь. Перед ней стоял муж, а рядом с ним — верный кот. И говорит ей кот:

— Разве не предостерегал я тебя, Бадра, что верен своему хозяину и расскажу ему об измене? Зачем понадобилось мне сторожить тебя?

Муж с болью в сердце произнес:

— Оказывается, кот вернее, чем собственная жена.

Вскоре выгнал муж неверную жену, а сам остался жить с верным котом в дружбе и мире, пока не пришла к ним наслаждений Разрушительница и собраний Разлучница.

КОММЕНТАРИИ

С. 14 — *...произнес оба исповедания.*— Исповедание мусульманской веры состоит из двух частей: свидетельствуют, что нет Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад — посол Аллаха.

С. 16 — *...голубоглазый, с безобразным лицом...*— Арабы считают голубой цвет глаз зловещим признаком. Объясняется это, быть может, тем, что среди их северных противников было множество голубоглазых.

С. 19 — *...и сказала: «Пойди на рынок...»* — Закупка провизии для стола осуществляется в «1001 ночи» не только женщинами, но и мужчинами. Этот факт находит объяснение в том, что на мусульманском Востоке, в частности в Египте, во времена мамлюков неоднократно издавались постановления, запрещающие женщинам выходить на улицу. Официально причиной запрета являлось обуздание распущенности жительниц Каира, прославившихся свободным поведением далеко за пределами египетской столицы. Однако реальных результатов подобные запреты дать не могли и приводили лишь к расцвету однополой любви (не только между мужчинами, но и среди женщин), а также увеличению числа домов терпимости. Последнее обстоятельство было выгодно государству, т. к. налоги, уплачиваемые содержательницами публичных домов, составляли значительную часть бюджета казны.

С. 21 — *Это человек, находящийся под защитой.*— «Людьми под защитой» или «людьми договора» мусульмане называли иноверцев. Обитатели завоеванных арабами земель, добровольно сложившие оружие, заключали с победителями договор, согласно которому иноверцам — евреям, христианам и магам (зороастрийцам) — обеспечивалась жизнь, свобода и некоторый минимум имущественных прав, а также защита от нападения извне. В награду за покровительство «люди договора» платили мусульманам подушную и поземельную подати. Переход в ислам избавлял лишь от уплаты подушного налога; поземельную подать платили и новообращенные мусульмане.

С. 25 — *...внутренность дома пуста, и место посещения далеко.* — Пословица, часто употребляемая при описании жилища, внезапно покинутого любимым.

С. 32 — *...раздать деньги всем воинам...* — Отмена пошлин, как и упразднение налогов, являлась со стороны вновь вступивших на престол мамлюкских султанов чисто демагогическим актом, действие которого продолжалось, однако, весьма короткое время. Взимание пошлин с ввозимых товаров преследовало исключительно фискальные цели и представляло собой один из многочисленных способов пополнения вечно пустой государственной казны.

С. 34 — *...а он повязал белый тюрбан...* — Цвет тюрбана указывал на принадлежность его владельца к той или иной религии. Постановления, предписывавшие неверным носить иную, чем у мусульман, одежду, издавались многократно, что свидетельствовало о том, насколько быстро подобные приказы забывались. Согласно дошедшим до нас текстам этих постановлений, христиане должны были носить синие тюрбаны, евреи — желтые, а маги (огнепоклонники) — красные.

С. 35 — *...далекий — христианин...*— Мусульмане часто прибегают к метафорическим или описательным оборотам. Пример этого мы имеем и здесь. Для того, чтобы рассказчик или читатель не был вынужден сказать: «Я христианин»,— в тексте употреблено выражение «далекий».

С. 39 — *Заметив в окнах женщин...*— Женщины в мусульманских странах не допускались даже на такие собрания, где должны были, под страхом жестокого наказания, присутствовать все жители города. Забота об ограждении женщин от посторонних глаз отразилась в архитектуре мусульманских домов, которые отделяются от улиц высокой стеной и длинным извилистым двором, куда нельзя заглянуть снаружи. Увидеть внутренность двора могли только муэдзины — служители мечети, возвещавшие с высоты минаретов о наступлении времени молитвы. Поэтому на должность муэдзинов часто назначали слепцов. Сам факт, что женщины находились у окон, является нарушением мусульманских обычаев. В данном случае он мог считаться извинительным, т. к. на улицах не должно было быть ни одного мужчины.

С. 40 — *Юсуф и Якуб* (библейские Иосиф и Иаков) неоднократно упоминаются на страницах «1001 ночи». *Айюб* — арабская форма имени Иова, о страданиях которого говорится в Коране. Мусульманские легенды значительно дополнили Коран, пользуясь данными Библии и Талмуда.

С. 59 — *...и обнял ее, как лям алиф обнимает.*— Намек на форму последнего знака арабского алфавита, который представляет собой лигатуру двух букв. «Лям», который имеет изогнутую форму, как бы обнимает «алиф».

С. 64 — *...положи руку себе за пазуху, она выйдет белою, без вреда.*— То есть — без болезни (проказы). Слова из Корана. В главе XXVIII мусульманской Священной Книги говорится о беседе Аллаха с Моисеем, во время которой Аллах научил его двум чудесам — с жезлом и с переменой цвета руки (по мусульманским легендам, Моисей был сыном негритянки и отличался темным цветом кожи). Эти чувства должны были убедить фараона в пророческой миссии Моисея.

А что до тех, чьи лица побелеют.— Цитата из Корана. Имеются в виду праведники в день Страшного Суда.

С. 66 — *...град и стужа в геенне...*— «Геенна» — название мусульманского ада. Описания страданий грешников повторяются в Коране несколько раз и отличаются большой выразительностью. Позднейшие легенды дополнили Коран и создали чудовищные картины адских наказаний, в число которых входит и пытка холодом.

...и привел упитанного тельца.— Слова из Корана. Имеется в виду телец, которого Ибрахим (Авраам) предложил посланцам Аллаха, пришедшим в обличии гостей возвестить ему, что ему будет даровано дитя.

С. 68 — *Желтая, чист ее цвет, и радует он взирающих...*— Слова из Корана. Речь идет о телице, обреченной на принесение в жертву.

С. 72 — *...дочь твоего дяди...*— Речь идет о Зубейде, дочери Касима, самой любимой и влиятельной жене Харуна ар-Рашида.

С. 79 — *В этом городе были два правомочных свидетеля...*— По мусульманским законам факт преступления должен быть засвидетельствован двумя мужчинами или одним мужчиной и двумя женщинами. (Прелюбодеяние считается доказанным, если оно засвидетельствовано четырьмя свидетелями). Действительными считаются только показания «справедливых», или «правомочных», свидетелей, т. е. лиц, пользующихся репутацией добродетельных и благонамеренных людей. Установление права тех или иных лиц давать показания лежало на обязанности помощников судьи, которые обычно раз и навсегда объявляли правомочными свидетелями определенных жителей данного квартала. Эти граждане вскоре пре-

вращались в свидетелей по профессии и фигурировали в качестве таковых при заключении всякого рода договоров, главным образом брачных, за что им полагалась определенная плата. Обязанности правомочного свидетеля были сходны с функциями современных нотариусов, с той лишь разницей, что на мусульманском Востоке «свидетели» не имели контор и должны были являться на место заключения договора. Определение правомочности свидетелей уже в первые века ислама базировалось на чисто формальных признаках (показания соседей и знакомых о безупречной жизни данного лица и т. д.), т. к. никто из членов мусульманской общины полностью не отвечал требованиям, предъявляемым к кандидату на эту роль (не имел права свидетельствовать, например, тот, кто когда-нибудь ел на улице, входил в баню без салфетки вокруг бедер или был уличен в игре на деньги).

С. 81 — *...и не давать людям забрать кого-нибудь из них.*— Вали, очевидно, предполагал, что родственники казненных попытаются украсть трупы, чтобы их похоронить.

С. 87 — *...что я замуж ее за него выдаю...*— В патриархальном обществе власть и обязанность опеки над семьей, особенно над ее женской частью, переходили после смерти отца к старшему сыну. Вероятно, исходя из этого «глава дома» имел власть над своей сестрой и право отдать ее в жены.

...и даю ей приданое...— Денежное наследство невесты у арабов было исключением. Родители, которые могли себе это позволить, давали в наследство дочери одежду, драгоценности, даже мебель. Такой обычай существует и сегодня. А деньги невеста, так называемый «выкуп», получала от будущего мужа в качестве свадебного подарка. В данном случае это есть подтверждением исключительной щедрости героя.

С. 95 — *...до тех пор, пока не умер во время правления аль-Мамуна.*— Абу-Хасан аз-Зияди умер на самом деле в 856 г., т. е. через 22 года после аль-Мамуна.

С. 99 — *после смерти аль-Мутеваккиля...*— Аль-Мутеваккиль был убит заговорщиками, подстрекаемыми его братом, который после этого на протяжении нескольких месяцев правил как халиф аль-Мунтасир, и одним из турецких генералов, мстившим за конфискацию имущества.

...и покупает на деньги.— Регулярные домашние покупки часто делали в кредит. Поэтому Вардан удивился, поскольку девушка всегда платила наличными.

С. 111 — *...неверным шайтаном...*— Не все джинны были неверными. Среди исследователей этой проблемы существовали разные мнения по поводу того, зачислены ли были джинны к шайтанам, или это был отдельный вид существ.

С. 121 — *Это моя жена и дочь моего дяди...*— У арабов было принято брать в жены двоюродных сестер. С течением времени термин «дочь моего дяди» стал обозначать вообще «жена», даже при отсутствии кровного родства.

С. 131 — *Подожди, пока я совершу молитву о совете...*— Т. е. молитву с целью получить от Аллаха совет в каком-либо деле. Обычай совершать этот обряд был чрезвычайно распространен в средневековом исламе. Нередко такая молитва соединяется с гаданием по Корану, который раскрывают наугад и прочитывают выпавшую страницу, стараясь найти в ее тексте разрешение сомнений.

С. 148 — *И они узнали, что пришел седьмой день, когда появились певицы с инструментами.*— Первые шесть дней после свадьбы новобрачные-мусульмане обычно проводят в уединении. На седьмой день жена

принимает своих подруг, а муж — друзей. При этом на той и на другой половине присутствуют певицы с музыкальными инструментами.

С. 149 — *Увидим рай в аду, где свет свечей...*— В мусульманской бане существует горячее и холодное отделения, между которыми имеется комната с промежуточной температурой.

С. 193 — *Как получить весть о сказанном и услышанном вами?* — Намек на допрос, которому, по мусульманскому поверью, подвергают умерших два ангела, Мункар и Накир, спускающиеся в могилу. Когда покойника опускают в землю, его учат, как отвечать на вопросы этих ангелов; обычно обращение к умершему звучит так: «О раб Аллаха, о сын рабыни Аллаха, знай, что в сей миг придут к тебе два ангела, посылаемые к тебе подобным. Когда они спросят тебя: «Кто твой Господь?» — отвечай: «Аллах — мой Господь, поистине»; а когда они спросят тебя о Пророке, отвечай: «Мухаммад — посол Аллаха...», и т. д.

С. 200 — *Увеличив свой тюрбан...*— Большой тюрбан — привилегия пользующихся уважением людей, а также — отличительный признак ученых. Только у них чрезмерная величина этого головного убора не считается предосудительной.

ГЛОСАРИЙ

Абу-Зарр — один из сподвижников Мухаммада, отличался набожностью (умер в 653 г).

Абдаллах ибн Масуд — принадлежал к сподвижникам Пророка. С его именем связано множество традиций, которые принимают за истинные. Умер ок. 653 г.

Абд аль-Масих — раб Мессии.

Абу аль-Аббас аль-Муррад — выдающийся филолог IX века.

Абу ль-Асвад ад-Дуали — поэт первых времен ислама (умер в 688 или 689 г.).

Абу-Таммам из племени Тай — известный поэт, живший в IX в. Прежде всего известен не своими произведениями, а обработкой антологии ранней арабской поэзии, которая включает самые известные произведения предмусульманского и раннемусульманского периодов.

Абу-Хасан аз-Зияди — на самом деле должно быть Хассан, имя, отличное от очень популярного имени Хасан. Юрист и ученый, о деятельности которого больше известно, начиная со времен аль-Мутеваккиля, третьего по счету наследника аль-Мамуна.

Абу-Якуб — один из любимых сотрапезников халифа Харуна ар-Рашида, его имя часто упоминается на страницах «1001 ночи».

Ади ибн Зейд — представитель известных арабских поэтов доисламского периода. Автор любовной поэзии, а также более серьезных элегий. Родом из христианской аристократической семьи, имеющей связи со двором Лахмидов. Имел тесные контакты с персидским двором в Ктезифоне, где какое-то время воспитывался. Позже играл значительную роль в политической жизни своей страны. Принимал участие в интригах династии Лахмидов, с которыми породнился супружескими узами. Был заключен в тюрьму, где убит в самом начале VII в.

Аиша — одна из главных женских фигур раннего периода истории арабов. Ее отец был приятелем и соратником Пророка, а после его смерти — претендентом на высокую должность халифа, матерью ее была дочь первого наследника Пророка, Абу-Бекра. Аиша, известная своей красотой,

имела большое влияние на ход государственных дел, благодаря окружению влиятельных приятелей. Мусаб был ее вторым мужем.

Али ибн Мансур аль-Хасан ад-Димашки — фигура эта не известна. Вероятно, речь идет о поэте времен Харуна ар-Рашида, которого звали аль-Хусейн, а имя было записано с ошибкой.

Аль-Вард филь-Акмам — роза в цвету.

Аль-Искандария — арабское название города Александрия в Египте. Александрия была завоевана арабами в 642 г. при халифе Омаре (пр. 632—644), причем жители города капитулировали и не подверглись никаким притеснениям. Известный рассказ о том, что халиф Омар велел сжечь богатейшую александрийскую библиотеку, относится к области легенд. В нем, вероятно, отразилось воспоминание о жестоких репрессиях, которым подверглось население Александрии в 645 г. после неудачной попытки византийцев снова овладеть городом.

Аль-Малик ан-Насир — «царь победоносный».— Прозвище нескольких султанов в Египте, начиная со знаменитого противника крестоносцев Салах ад-Дина, который правил с 1169 по 1193 г., и кончая ан-Насиром Хасаном (последний раз царствовал с 1354 по 1361 г.). В настоящем рассказе, по-видимому, имеется в виду султан ан-Насир Мухаммад ибн Калаун (в третий и последний раз правил с 1310 по 1341 г.), при котором в Каире было возведено множество архитектурных сооружений и возникло предместье города — Булак, упоминаемое ниже.

Аль-Мутеваккиль — халиф из династии Аббасидов, правил в 847 — 861 г.

Аль-Муталаммис — известный доисламский поэт, живший во второй половине VI в.

Аль-Фатх ибн Хакан — турок по происхождению, был вазиром халифа аль-Мутеваккиля. Известен был также талантами поэтическими и литературными. Погиб в 861 г. вместе со своим господином, сражаясь со взбунтовавшейся турецкой гвардией, бывшей на стороне претендовавшего на престол сына халифа.

Аль-Хаким биамр-Аллах — «судящий по велению Аллаха». Шестой халиф из династии Фатимидов (правил с 996 по 1021 г.). В конце своего царствования объявил себя обладателем божественной силы. Обожествление личности Хакима является поныне одним из основных догматов в религии сирийского племени Друзов.

Аморий — византийский город в древней Фригии, на пути из Константинополя в Киликию. Аморий неоднократно подвергалась осаде арабских войск; в 838 г. город был взят халифом аль-Мутасимом и уничтожен.

Амр ибн Мадикариб аз-Зубайди — поэт-аристократ йеменского происхождения, творил на границе двух эпох — языческой и мусульманской. Приняв ислам еще при жизни Пророка, позднее принимал участие в арабских завоеваниях. Умер в 643 г.

Базар Вардана.— Находился в старом Каире. В географической литературе арабов название его связывается с личностью некоего Вардана — грека, принимавшего участие в завоевании арабами Египта.

Барсум — имя, вероятно, имеет сирийско-арамейское происхождение.

Вали — гражданский и военный начальник города.

Вардан — имя армянского происхождения, особенно популярное в Египте.

Ворота аль-Лук — юго-западный район Каира. В позднем средневековье был одним из самых бедных районов Каира.

Ворота Мира — находятся около юго-западного угла мединской Большой Мечети, построенной на месте дома и гроба Пророка.

Гуль — сверхъестественное существо в образе женщины, которое, по мусульманскому поверью, подстерегает одиноких путников и пожирает их.

Даник — мелкая медная монета, $^1/_6$ часть дирхема.

Данияль — библейный Даниил. Является одним из пророков ислама.

Джаван — юноша.

Джарир ибн Атийя — известный поэт времен Омайядов, один из трех мастеров поэзии того периода, прославляющих халифов. Кроме него, к этой тройке относились Фараздак и аль-Ахталь. Наиболее известны его сатирические произведения, направленные против Фараздака, и панегирики, посвященные халифам и властьпредержащим того времени. Умер в 732 г.

Джафар — таково настоящее имя; аль-Мутеваккиль — прозвище, данное ему как халифу.

Джафар ибн Муса аль-Хади — сын халифа аль-Хади, племянник Харуна ар-Рашида, брат сына и наследника Харуна аль-Амина.

Джубайр ибн Умайр аш-Шейбани — вымышленный персонаж.

Дирбас — лев.

Зумурруд — изумруд.

Иблис — дьявол.

Ибн аль-Кариби — личность, вероятно, вымышленная. Один из комментаторов считает, что фамилия является измененной фамилией рассказчика смешных анекдотов более позднего периода, которого звали ибн аль-Магхазили; в арабском написании было легко таким образом исказить фамилию.

Ибн Сурайдж Убайдаллах — музыкант и певец из Мекки.

Книга — Коран.

Куррат аль-Айн — «потеха для глаза».

Кус — город в Верхнем Египте, на восточном берегу Нила. В XII в. становится наиболее значительным городом Саида (Верхний Египет). Возвышение Куса объясняется тем, что в эпоху крестовых походов торговые пути с запада на восток пошли по новому направлению, и Кус стал транзитным центром, куда стекались товары из Южной Аравии и центральной Африки. Кроме того, в Кусе собирались паломники из Египта и северо-западной Африки, направлявшиеся в Мекку через гавань Айзаб, лежавшую на африканском побережье Красного моря, напротив Джидды (порт Мекки). Во времена мамлюкских султанов значение Куса несколько упало, хотя этот город продолжал оставаться одним из важных центров Египта.

Лот — библейский Лот, племянник Авраама. Лотово племя предавалось пороку мужеложства.

Лютф — употреблено как имя собственное, означает «доброта», «нежность», «благодарность».

Мабад — один из известнейших певцов и музыкантов эпохи Омайядов. Свою карьеру начал в Медине, откуда был родом, но позже переехал в столицу Омайядов, где был частым гостем при дворе.

Махбуба — любимая.

Медина — одно из двух святых мест Арабского края. Тут в 622 г. поселился Пророк, и с этим городом связана не только его реформаторская и религиозная, но, прежде всего, политическая деятельность в течение последних десяти лет жизни. В Медине умер и был погребен. Этот город, где жил Пророк и где находился его гроб, часто посещают паломники. Отсюда значимость и благополучие города. Название город получил во времена Мухаммада, до этого назывался Ятхриб.

Муса аль-Хади — четвертый халиф из династии Аббасидов (785—786).

Мусаб ибн аз-Зубайр — брат антихалифа Абдаллаха, который поднял бунт против Омайядов. Мусаб по велению своего брата был советником в Ираке. Известен своей рыцарской храбростью. Погиб в 690 г.

Муслим ибн аль-Валид — принадлежал к великим поэтам эпохи Аббасидов. Творил при дворе Харуна ар-Рашида и двух его наследников; писал поэмы в честь правящих лиц и их окружения, что приносило ему немалый доход. Кроме того, писал любовную поэзию. Умер в 823 г.

Мухаммад аль-Амин — сын халифа Харуна ар-Рашида и его любимой жены Зубейды (786—813). Уже в 789 или 791 г. Харун ар-Рашид объявил его наследником престола; преемником аль-Амина был назначен другой сын Харуна, аль-Мамун, родившийся несколько раньше аль-Амина от персидской невольницы. Аль-Мамуну было, кроме того, передано управление восточными областями халифата от Хамадана до Инда, причем каждый из братьев дал торжественное обязательство уважать права другого. Последствия такого искусственного разделения халифата начали сказываться тотчас же после смерти халифа Харуна ар-Рашида (809 г.), и царствование аль-Амина с первых же дней было омрачено ожесточенной борьбой с правителем Хорасана, аль-Мамуном. Первого поддерживали арабы-сунниты, второй опирался на шиитов-иранцев, с которыми он был связан происхождением. После четырех лет междуусобной войны победа осталась за аль-Мамуном, и аль-Амин, захваченный в плен войсками последнего, был убит в сентябре 813 г. В противоположность своему брату, человеку холодного и расчетливого ума, сын Зубейды отличался легкомысленным и беспечным характером. Историки рассказывают, что во время осады Багдада войсками аль-Мамуна аль-Амин продолжал предаваться дворцовым удовольствиям и самый день своей гибели мирно провел за ловлей рыбы.

Мухаммад аль-Басри — личность не удалось идентифицировать.

Мухаммад ибн Сулейман аль-Хашими — речь идет о сановнике, который в других рассказах выступает под именем с приставкой аз-Зайни. Приставка аль-Хашими означает его отношение к роду Хашимитов, из которого ведет родословную пророк Мухаммад. К этому роду принадлежали также все ветви родов Алидов и Аббасидов. От Хашимидов происходит и Мухаммад ибн Сулейман, наместник Басры.

Рашид ад-Дин — буквально означает «идущий прямым путем в вере» (подразумевается ислам).

Рухх — легендарная птица огромных размеров, которая селилась в далеких краях. Легенды об этой птице, которую называли по-разному, уходят в арабской литературе в IX—X вв. В более позднее время они дошли до Европы, где прижилось название «птица-рок».

Сады Вазира — локализация территории с таким названием точно не установлена.

Саид ибн Зайд ибн Амр — принадлежал к самым ранним приверженцам ислама. Передал также много традиций.

Саид ибн Салим аль-Бахили — дворянин и садовник во времена правления Харуна ар-Рашида. Имел несколько административных и военных должностей, среди прочих был наместником в нескольких провинциях.

Сана — древний город в южной Аравии, теперь столица государства Йемен.

Селсебиль — так называется источник в раю, из которого праведные будут получать напиток. Некоторые комментаторы считают, что напитком этим будет вино, которое праведникам в раю не запрещено, как на земле.

Сем — согласно арабской генеалогии, был родоначальником семитов, а также и арабов.

Убайд ибн Тахир — вероятно, речь идет об Убайдаллахе, члене правящего почти самостоятельно в Персии рода Тахиридов, который во времена аль-Мутеваккиля был комендантом городской стражи в Багдаде.

Умм-Амр — означает «мать Амра». Здесь употреблено как имя собственное.

Установления — Сунна — правила поведения, установленные на основании преданий о словах и делах пророка Мухаммада.

Фарс — арабизованное название собственно Персии, т. е. страны, откуда персы ведут свое происхождение.

Фарсах — мера пути, равная у арабов приблизительно 5,5 км.

Феллах — «землепашец». Название египетских крестьян. В арабской литературе средних веков феллахи изображаются как воплощение тупоумия и грубости. В действительности феллахи отличаются большим трудолюбием и крайне скромными потребностями, полное удовлетворение которых кажется феллаху недостижимым идеалом. Непомерные налоги и вымогательства властей обрекают египетского крестьянина на самое жалкое существование.

Фикх — законоведение.

Хаджи — дословно «пилигрим». Почетное прозвище мусульман, которые совершали паломничество в Мекку.

Халаф — означает «наследник».

Хам — родоначальник хамитов. К ним относятся темнокожие народы Восточной Африки, которых имеет в виду белая рабыня.

Хама — город в Сирии, часто упоминающийся в истории крестовых походов.

Хадже — это имя неизвестно ни в персидском языке, ни в арабском.

Хинд — называли ее также «Младшая». Дочь (или сестра) ан-Нумана III и жена Ади ибн Зайда. После смерти мужа пошла в монастырь, где дождалась победы ислама.

Хосрой — в данном случае речь идет о двадцать третьем царе Персии из династии Сасанидов, Хосрое II (590—628). Рассказ о его любви к Ширин послужил темой для произведений многих персидских авторов.

Хусам ад-Дин — означает «меч веры».

Хусейн ибн Райян — личность не удалось идентифицировать.

Шамих — означает «гордый», «самонадеянный».

Ширин — «сладкая». Известная своей красотой османская княжна и любимая жена Хосроя II Сасанида. Любовь их и любовные похождения были темой для множества легенд, а Низами, великий персидский поэт XII в., посвятил им романтическо-героический эпос, являющийся самым большим поэтическим произведением Востока.

Эбеновое дерево — было известно арабам с древних времен. В эпоху халифов им пользовались для изготовления шахматных фигур и различных украшений. Кроме того, эбеновому дереву приписывались различные лекарственные свойства.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Старинные цветные миниатюры, помещенные в нашем издании, воспроизведены из восточных рукописей XI—XVII ст. Черно-белые рисунки принадлежат кисти русского художника Н. А. Ушина. Цветная иллюстрация на обороте форзаца выполнена немецким живописцем, иллюстратором «Тысячи и одной ночи» Фернандом Шульцом-Веттелем.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки волшебных ночей
для взрослых и детей

Великодушие Яхьи ибн Халида 6
Подделанное письмо 8
Ученый и халиф аль-Мамун 11
Али-Шар и Зумурруд 12
Джубайр ибн Умайр и Будур 47
Шесть невольниц 61
Харун ар-Рашид и невольница 71
Бедняк и собака 75
Вали Хусам ад-Дин 77
Ан-Насир и три вали 78
Вор и меняла 82
Вали и работник 83
Ибрахим и невольница 84
Женщина с отрубленными руками 88
Бедняк и женщина 90
Абу-Хасан аз-Зияди 92
Ювелир и три незнакомца 95
Багдадец, который увидел сон 96
Аль-Мутеваккиль и его невольница 97
Женщина и медведь 99
Девушка и обезьяна 103
Конь из черного дерева 105
Унс аль-Вуджуд и аль-Вард филь-Акмам 128
Абу-Новас и трое юношей 149
Абдаллах ибн Мамар 155
Узрит и его возлюбленная 156
Вазир Бедр ад-Дин 157
Школьник и школьница 158
Аль-Муталаммис 159
Харун ар-Рашид и Ситт Зубейда 160
Халиф, невольница и Абу-Новас 162
Мусаб ибн аз-Зубайр и Аиша 163
Харун ар-Рашид и невольницы 165
Мельник и его жена 166
Вор и простак 167
Ситт Зубейда и Абу-Юсуф 168
Аль-Хаким и купец 170
Ануширван и женщина 172
Водонос и жена ювелира 173

Ширин и рыбак 175
Яхья ибн Халид и его гость 176
Аль-Амин и невольница 177
Саид ибн Салим аль-Бахили 178
Женщина и рыба 180
Женщина и лживые старцы 180
Джафар Бармакид и больной старик 183
Честный юноша 184
Аль-Мамун и пирамиды 188
Вор, обокравший вора 189
Масрур и ибн аль-Кариби 191
Благочестивый царевич 193
Влюбленный учитель 197
Глупый учитель 199
Неграмотный учитель 199
Царь и женщина 202
Яйцо птицы Рухх 203
Ади ибн Зайд и Мария 204
Дибиль и Муслим ибн аль-Валид 205
Исхак Мосульский и девушка 207
Юноша, певица и девушка 210
Влюбленные, погибшие от любви 211
Аль-Муррад и бесноватый 213
Мусульманин и христианка 214
Абу-Иса и Куррат аль-Айн 217
Аль-Амин и невольница 223
Аль-Мутеваккиль и ибн Хакан 224
Ученая женщина 224
Абу-Сувейд и старуха 230
Ибн Тахир и Мунис 231
Абу ль-Айна и две женщины 231
Купец Али-египтянин 232

Дополнение ночи четыреста тридцать четвертой

Лев и хитрый человек 248
Терпение — ключ к спасению 251
Изменчивая жена 255
Кот вернее жены 257
Комментарии 262
Глюсарий 265

Литературно-художественное издание
ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Том 6

В новом переводе с арабского Лины Мокрицкой,
Владимира Плачинды, Степана Литвина

МП «Лаванда», 254655, Киев-55, ул. Мельникова, 63.

Редактор Т. Г. Соломаха
Художественное оформление В. С. Митченко
Художественный редактор А. П. Видоняк
Технический редактор Д. Я. Ярошенко
Корректор Ю. А. Мороз

Сдано в набор 31.05.94. Подписано к печати 28.07.94. Формат 84 × 108/32. Бумага множительная, офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28 + 0,84 илл. Уч.-изд. л. 17,5. Заказ 4—975.

Головное предприятие
республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига».
252057, Киев, ул. Довженко, 3.

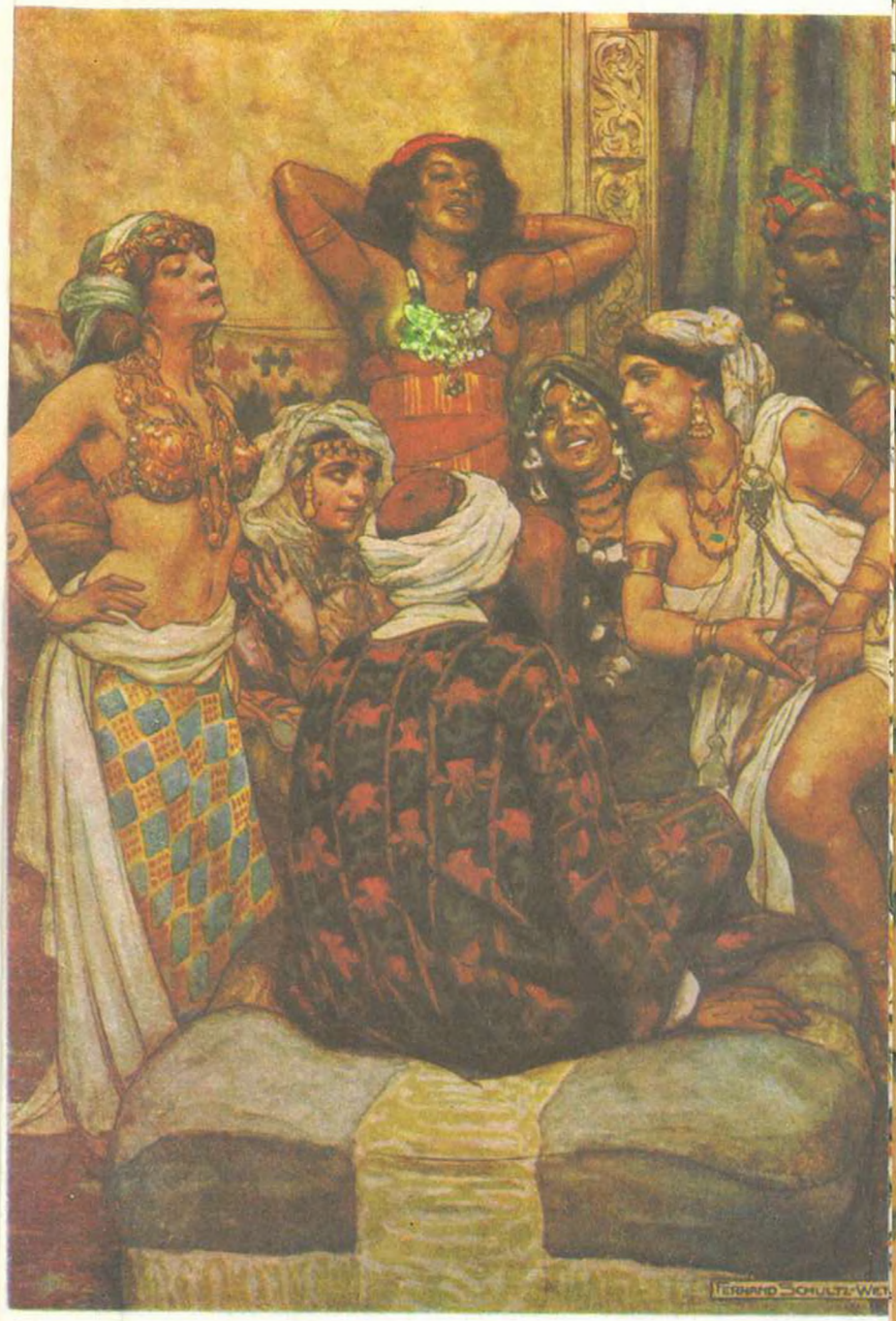
Т 93 **Тысяча и одна ночь.** В 12 томах. Т. 6 / В новом пер. с араб.— К.: МП «Лаванда», 1994.— 271 с.
ISBN 5-7707-6161-X
ISBN 5-7707-5336-6

Важнейшее преимущество нового перевода «Тысячи и одной ночи» перед всеми прежними, издававшимися в России,— воспроизведение рифмованной прозы оригинала и особенности арабского стихосложения — монорима. Путем замены отдельных непристойных слов и выражений, являющихся, как правило, наслоениями средневековых рассказчиков, вся замечательная сокровищница этого величайшего эпоса открывается для семейного и детского чтения. Значительную часть объема издания составляет дополнительный материал — сказки, повести и рассказы, не вошедшие в рукопись, с которой делалось большинство европейских переводов, в том числе русских, включая 8-томник А. Салье,— под рубрикой «Дополнение...».

Издание иллюстрировано миниатюрами из старинных восточных манускриптов, а также картинами и рисунками европейских художников.

Каждый том — обособленная книга отдельных, не связанных между собой произведений.

Т $\frac{4703000000—003}{94}$ Без объявл. ББК 82.3(0)—6


FERNAND SCHULTZ-WET